

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

Морская политика России

Часть 2. Формирование сбалансированной архитектуры документов стратегического планирования

6

В. Назаров, Д. Афиногенов

Настоящая публикация – это вторая часть статьи, посвящённой проблемам стратегического планирования в сфере защиты национальных интересов России в Мировом океане. Сформулированы конкретные предложения по разработке сбалансированной архитектуры документов стратегического планирования в сфере морской политики и морской деятельности России, которые могут быть использованы и для совершенствования стратегического планирования в целом.

Особенности военной стратегии президента Д. Трампа

21

О. Иванов

Автор раскрывает особенности военной стратегии президента Д. Трампа, показывает, что она развивается в русле доктрины Уайнбергера – Пауэлла и стратегии офшорного балансирования Миершаймера и Уолта, а также объясняет актуальные аспекты новой стратегии национальной безопасности и национальной оборонной стратегии США.

Балканы в контексте евразийской безопасности

Невоенные инструменты влияния России

32

Т. Попадьева

В статье рассматривается дискурсивная сила России на Балканах через невоенные аспекты обеспечения безопасности в Сербии и Республике Сербской. Основное внимание уделено энергетическому взаимодействию, гуманитарно-ценностным нарративам, цифровому и информационному суверенитету, а также политической координации. Обосновывается, что российское влияние в регионе поддерживается прежде всего за счёт символической легитимности, медийных нарративов и идентитарной солидарности, а не прямого военного присутствия.

Экономическая провокация – инструмент геэкономического противоборства

45

П. Соколова

В контексте гибридного противоборства акторы международных отношений всё чаще используют тактики экономических провокаций, однако концептуальное содержание данного термина остаётся размытым. Цель статьи – разработка научного определения и многоаспектной типологии экономической провокации (по целям, акторам и методам), которая показана на примере криптовалютного кризиса октября 2025 г.

Внешняя политика России в Африканском регионе

Новые подходы к российско-африканским отношениям

54

С. Агуреев

Статья посвящена проблеме выработки новых теоретических подходов к развитию отношений между Российской Федерацией и странами Африки. Необходимость поиска новой теории российско-африканских отношений определяется изменением вектора внешней политики России в Африканском регионе.

Колонизация сознания – один из инструментов неокOLONИализма

65

П. Хохлова

Автор рассматривает феномен колонизации сознания как ключевой инструмент современного неокOLONИализма, анализирует его эволюцию от классических форм к современным методам когнитивного контроля, а также механизмы идеологического воздействия через

язык, образование и медиа. Особое внимание уделяет американской стратегии колонизации сознания и её влиянию на формирование зависимого сознания. На примере голливудской экспансии и потери идентичности итальянским и французским кинематографом продемонстрировано, что колонизация сознания как инструмент применяется и против союзников.

Институт государственной службы в культурном пространстве России

76

В. Егоров

Статья направлена на преодоление универсализма в трактовке содержания и векторов развития системообразующего института государственной службы. Политический институт государственной службы представлен автором в историко-культурной оптике России, развивающийся в потоке общего социально-политического процесса.

История международных отношений и внешней политики

Феномен «разделённых наций» в международных отношениях

На примере Германии после Второй мировой войны (1945–1990 гг.)

90

В. Штоль

Автор исследует феномен «разделённых наций» как фактор международных отношений на примере послевоенной Германии. анализирует трансформацию германского вопроса от оккупации до раскола и объединения. Внимание уделяется уникальному статусу Западного Берлина как особой политической единицы, ставшей эпицентром холодной войны и индикатором отношений между Востоком и Западом.

Международно-правовые науки

Финансирование террористической и иной противоправной деятельности

Правовая характеристика

105

В. Меркурьев, О. Боброва

В статье рассматриваются вопросы защиты основ государственности, её суверенитета при финансировании терроризма и иной противоправной деятельности в соответствии с национальным законодательством и с учётом позиций Конституционного Суда России.

Научная жизнь

О бедном абитуриенте замолвите слово 119

Б. Габараев

Из-за приоритетного зачисления льготников образуется дефицит бюджетных мест в российских вузах. Предлагается либо перевод льготников в сектор платного обучения за счёт государства, либо льготное государственное кредитование обучения в платном секторе тех абитуриентов, которые имели проходной результат ЕГЭ и (или) успешно прошли вступительные вузовские испытания, но им не хватило бюджетных мест из-за зачисления льготников.

Содержание на английском языке 128**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!**

Просим обратить внимание на изменения требований к подготовке сопроводительной документации.

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

**Издатель: Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)**

Редакционная коллегия:

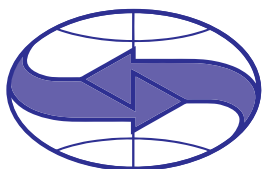
ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, доктор политических наук, профессор

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор;

АБАШИДЗЕ А. Х. – доктор юридических наук, профессор; **АТЛАГИЧ С. М.** – доктор политических наук, профессор (Сербия); **ВОРОБЬЕВ С. В.** – доктор исторических наук, профессор; **ГРОМЫКО А. А.** – доктор политических наук, член-корреспондент РАН; **ГУСЬКОВА Е. Ю.** – доктор исторических наук, профессор;

ЗАДОХИН А. Г. – доктор политических наук, профессор; **КАРТАШКИН В. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; **ЛУЗЯНИН С. Г.** – доктор исторических наук, профессор;

МАТВЕЕВ О. В. – доктор исторических наук, профессор; **МЕРКУРЬЕВ В. В.** – доктор юридических наук, профессор; **ОРЛОВ А. А.** – кандидат исторических наук, почётный работник МИД России; **ПАВЛОВ Е. Я.** – доктор юридических наук, профессор; **ПЛЯИС Я. А.** – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор; **ПОДБЕРЁЗКИН А. И.** – доктор исторических наук, профессор; **ПОНОМАРЕВА Е. Г.** – доктор политических наук, профессор; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – доктор философских наук, профессор.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

© Институт стран СНГ

Морская политика России

Часть 2. Формирование сбалансированной архитектуры документов стратегического планирования*

Владимир НАЗАРОВ

Дмитрий АФИНОГЕНОВ

Действующие нормативные акты в области стратегического планирования (СП) – Федеральный закон № 172-ФЗ, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации – формируют набор требований ко всей работе по созданию сбалансированной архитектуры документов стратегического планирования.

Эти требования предполагают обязательность отражения в концептуальных документах СП национальных интересов применительно к рассматриваемой области, а также приоритетных направлений деятельности по их обеспечению,

стратегическое целеполагание по каждому приоритету и определение задач по его достижению, которые должны быть развиты в документах стратегического планирования нижестоящих уровней. Кроме того, важным требованием является обеспечение согласованности и сбалансированности документов СП по приоритетам, целям, задачам, показателям, финансовым и иным ресурсам, а также иерархия и последовательность разработки документов стратегического планирования.

В соответствии с этими требованиями можно предложить принципиальную схему архитектуры документов СП в сфере морской политики России (рис. 1).

НАЗАРОВ Владимир Павлович – доктор политических наук, профессор МГИМО МИД России, член РСМД. *E-mail*: Vlnazarov1950@gmail.com

АФИНОГЕНОВ Дмитрий Александрович – доктор политических наук, эксперт РАН.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, стратегическое планирование, Морская доктрина, морская политика.

* Продолжение. Начало см.: Обозреватель–Observer. 2026. № 2.

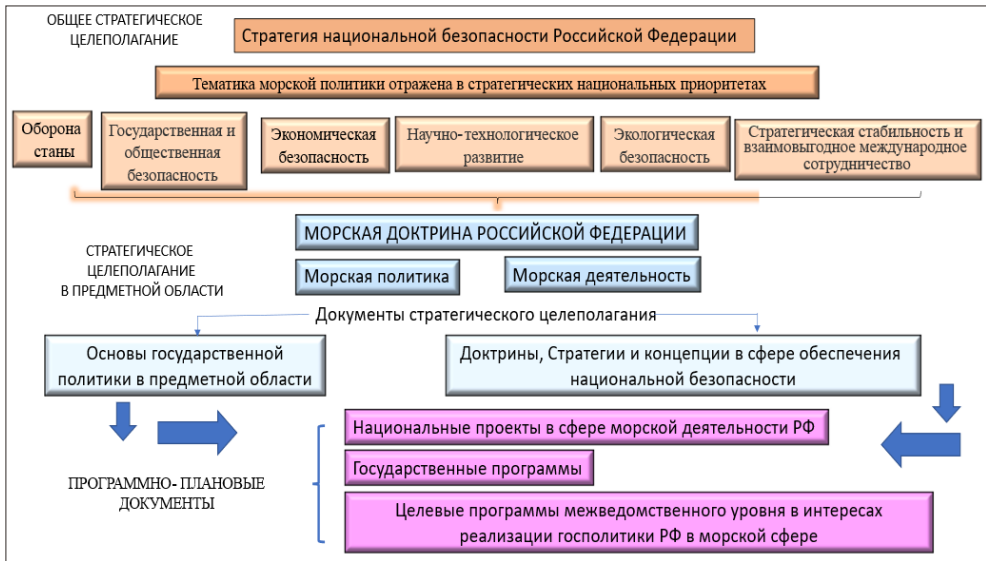

Рис. 1. Принципиальная схема сбалансированной архитектуры документов стратегического планирования в сфере морской политики России

В предложенной схеме показана связь Морской доктрины России со Стратегией национальной безопасности как базовым документом стратегического планирования. Особенностью предлагаемого подхода является необходимость формирования документов стратегического целеполагания на крупных направлениях морской политики и морской деятельности, а также программно-плановых документов стратегического планирования, обеспечивающих реализацию целеполагания. Для решения такой задачи в качестве ключевого документа стратегического целеполагания этого блока предлагается разработка Основ национальной морской политики России, утверждаемых президентом.

Указанные Основы могли бы включать:

– общие положения об обеспечении национальной безопасности в сфере морской политики;

– цели, задачи и основные направления реализации морской политики;

– инструменты её реализации (через направления деятельности);

– основные параметры и инструменты государственного мониторинга в этой области, включая показатели состояния национальной безопасности в сфере морской деятельности;

– определять источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий морской политики России и показатели эффективности мер по реализации морской политики России.

Поскольку Морская доктрина (разд. V) предусматривает шесть региональных направлений морской деятельности: Арктическое, Тихоокеанское, Атлантическое, Каспийское, Индоокеанское и Антарктическое, – целесообразно, чтобы в Основах национальной морской политики был раздел, раскрывающий цели и задачи государственной политики на ре-

гиональных направлениях и инструменты их реализации.

Следует иметь в виду, что на ряде региональных направлений уже сформированы документы стратегического планирования.

Например, Арктическое региональное направление предусматривает 21 приоритет национальной морской политики, однако все они так или иначе отражены в таких документах стратегического планирования, как:

- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2035 года;
- государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»;
- государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»;
- государственная программа «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы»;
- государственная программа «Научно-технологическое развитие» и в ряде иных государственных программах и национальных проектах.

Такая ситуация в очередной раз иллюстрирует отсутствие системности в работе по формированию документов СП, нарушение принципов последовательности и преемственности, установленных Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», что размывает целеполагание, затрудняет мониторинг и контроль и в целом существенно снижает эффективность государственной политики.

Таким образом, во избежание дублирования принятие Основ национальной морской политики в предлагаемом варианте потребует корректировки документов стратегического планирования, так или иначе затрагивающих вопросы морской политики на основных региональных направлениях.

Возможная структура документов стратегического планирования в сфере морской политики России дана на рис. 2.

Рис. 2. Возможная архитектура документов стратегического планирования в сфере морской политики России

Предлагаемая архитектура документов стратегического планирования в области морской политики России отвечает требованиям Федерального закона № 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Основам государственной политики в сфере

стратегического планирования в Российской Федерации, определёнными Указом Президента России от 8 ноября 2021 г. № 633 и, как представляется, может быть принята за основу формирования системы документов стратегического планирования в сфере морской политики России.

Формирование архитектуры документов стратегического планирования в области морской деятельности

Морская деятельность представляет собой сложное многофункциональное и междисциплинарное взаимодействие различных субъектов морской политики в интересах достижения национальных интересов России в Мировом океане. Она носит более практический, по сравнению с морской политикой, характер и регулирует деятельность, связанную с изучением, освоением и использованием ресурсов и пространств Мирового океана, включая:

- развитие морского транспорта;
- освоение и сохранение ресурсов Мирового океана;
- развитие морских трубопроводных систем;
- морские научные исследования;
- военно-морскую деятельность.

Стратегической целью морской деятельности России является обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития страны, повышение её конкурентоспособности.

При этом, как отмечал, например, крупный советский и российский исследователь в области рыбного хозяйства, внешнеэкономической деятельности и морепользования Г.К. Войтоловский, «при определении путей развития морской деятельности главное – интересы государства, а не устремления ведомств, регионов или хозяйствующих субъектов»¹. В этой связи фактор государственного регулирования морской деятельности, а также формирование адекватной угрозам и вызовам на этом направлении архитектуры документов стратегического планирования приобретает определяющее значение.

Сегодня основным документом стратегического планирования, регламентирующим морскую деятельность, является Стратегия развития морской деятельности РФ до 2030 года². Этот документ, разработанный в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному

¹ Войтоловский Г.К. Государственная стратегия как вектор развития морской деятельности // Морская политика России. Июнь, 2007.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 августа 2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332557/

принципу на федеральном уровне (ст. 22. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации), определяет:

- основные проблемы и приоритеты развития морской деятельности;

- ставит стратегические цели, задачи и целевые показатели развития морской деятельности;

- формирует перечень результатов реализации Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года.

Стратегии развития морской деятельности утверждается распоряжением правительства России. Её реализация осуществляется в рамках государственных программ, включающих федеральные целевые программы и подпрограммы, ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти, а также непрограммные направления деятельности.

Стратегия выделяет основные направления морской деятельности Российской Федерации в следующих областях:

- развитие морского транспорта и атомного флота;

- освоение и сохранение ресурсов Мирового океана в целях развития рыболовства и рыбоводства;

- освоение и сохранение ресурсов Мирового океана для исследований;

- освоение месторождений морских минеральных и энергетических ресурсов;

- расширение морских научных исследований;

- развитие военно-морской деятельности;

- развитие судостроения и кораблестроения;

- совершенствование образования и кадрового обеспечения в сфере морской деятельности;

- развитие видов обеспечения безопасности морской деятельности;

- обеспечение комплексного развития приморских территорий и прибрежных акваторий.

Две из приведённых выше проблем регламентируются собственными документами стратегического планирования – это развитие военно-морской деятельности, а также судостроения и кораблестроения, где приняты соответственно Стратегия развития военно-морского флота России на период до 2050 года³ и Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2035 года⁴.

Стратегия развития морской деятельности по отношению к Морской доктрине (МД) России играет роль документа стратегического планирования, разрабатываемого в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу на федеральном уровне, и должна обеспечивать реализацию требований доктрины. Однако уточнение этого документа в соответствии с редакциями МД России 2022 г. не проводилось, что нарушает принцип обес-

³ Стратегия развития Военно-Морского Флота на период до 2050 года утверждена президентом России // URL: <https://portnews.ru/news/377915/>

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28 октября 2019 г. № 2553-р (ред. от 12.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336470/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/

печения последовательности разработки документов стратегического планирования в соответствии с их архитектурой⁵. Следовательно, положения и требования Стратегии морской деятельности необходимо привести в соответствие с положениями Морской доктрины России.

Одновременно, принимая во внимание издание Стратегии развития ВМФ России, а также требования Федерального закона № 172 ФЗ в части п. 2 ст. 11, предусматривающей, что «...координация разработки и реализации документов стратегического планирования осуществляется Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации по вопросам, находящимся в их ведении», следует пересмотреть формат подготовки и утверждения Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 года. Основанием для этого является то, что с реформатированием Морской коллегии России эта компетенция полностью закреплена за президентом Российской Федерации⁶, утверждение данной Стратегии целесообразно осуществлять указом президента России.

Что касается Стратегии развития ВМФ России на период до 2050 года, то этот документ стратегического целеполагания является важнейшей вехой в государственной политике России в Мировом океане, которая содержит:

- анализ развития военно-политической обстановки в мире;
- варианты вероятного возникновения вооружённых конфликтов;
- оценку потенциалов ведущих военно-морских держав.

В ней:

- дана оценка текущего состояния и возможностей ВМФ с учётом опыта специальной военной операции;
- сформулированы основные требования к будущему боевому составу флота, его основные задачи в мирное и военное время;
- определены приоритетные направления развития судостроительного комплекса Российской Федерации.

С точки зрения целеполагания этот документ, безусловно, является ключевым для развития судостроения в России, так как судостроительная промышленность сегодня имеет преимущественно оборонную направленность и объём произведённой за последние пять лет продукции военного назначения составил около 90% от объёма всей произведённой продукции отрасли судостроения.

Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2035 года и дальнейшую перспективу до 2050 года⁷ является центральным исполнительным документом планирования и программирования

⁵ Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 13 августа 2024 г. № 691 «О Морской коллегии Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51026>

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 28 октября 2019 г. № 2553-р (ред. от 12.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года» // URL; <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-28102019-n-2553-r/>

по направлению судостроения и кораблестроения в России и определяет основные направления государственной политики в области развития судостроительной промышленности России на длительную перспективу. Стратегия направлена на:

- создание нового конкурентоспособного облика судостроительной промышленности Российской Федерации на основе;

- развитие научно-технического и кадрового потенциала;

- оптимизацию, модернизацию и техническое перевооружение производственных мощностей;

- совершенствование нормативно-правовой базы для удовлетворения потребностей государства и иных заказчиков в современной продукции судостроительной отрасли.

Важность такого рода документа не вызывает сомнения прежде всего потому, что именно судостроение является на сегодня наиболее уязвимым сегментом всей морской деятельности России. Анализ показывает, что существует катастрофический дефицит морского флота, особенно крупнотоннажного, в экспортно-импортных операциях, так как реально объём выпуска судов различного класса в России в 2024 г. лишь незначительно превышает по количеству выпуск судов с верфей СССР в 1957 г.⁸

Это как минимум в четыре раза ниже нужного для поддержания численности флота на существующем уровне и не решает задачи выпуска преимущественно крупнотоннажных судов для доставки навалочных и насыпных грузов – балкеров, а также танкеров нефтегазового класса.

Одновременно Стратегия отмечает целый ряд серьёзных проблем производственно-технологического характера в отечественной судостроительной отрасли, а именно:

- дефицит построечных и спусковых сооружений серийного производства крупнотоннажных кораблей;

- высокий уровень износа оборудования на действующих мощностях;

- низкая серийность производства судов;

- отсутствие российских современных средств производства и высокая доля импортного оборудования и комплектующих, которая может достигать 70–100%.

Стратегия отмечает также, что на этапе строительства и ремонта наблюдается низкий уровень инвестиционной активности в гражданском секторе по сравнению с оборонной отраслью, не решена задача полной загрузки верфей (верфи в среднем загружены на 30–50% проектной мощности). Реальная ситуация осложняется острым дефицитом квалифицированных кадров, что препятствует быстрому наращиванию производственных мощностей.

На основании такого рода оценок в настоящее время идёт системная работа по уточнению параметров стратегического планирования на этом направлении. В частности, завершается подготовка проекта федерального закона «О судостроении в Российской Федерации», призванного обеспечить благоприятные условия для инвестиций, модернизации верфей и подготовки кадров. Разрабатывается программа кораблестроения до 2050 г., которая должна

⁸ <https://morvesti.ru/analitika/1692/116156/>

позволить планировать весь жизненный цикл кораблей, определить их количество, типы строящихся кораблей и судов, серийность. Разработана и принята уже отмеченная выше Стратегия развития военно-морского флота России на период до 2050 года⁹.

В этой связи необходимо скорректировать архитектуру документов стратегического планирования на направлении морской деятельности, имея в виду необходимость существенной переработки Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2035 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года, а также оптимизации системы документов, регламентирующих обеспечение морской деятельности.

Например, применительно к международно-правовому обеспечению морской деятельности остро стоят вопросы о:

- делимитации границ арктического шельфа между арктическими государствами (Россия, США, Канада, Норвегия, Дания);
- решении проблемы признания Соединёнными Штатами системы прямых исходных линий, определяющих территориальные воды вдоль арктического побережья и исторические заливы;
- заключении межгосударственных соглашений по проблемам военной безопасности и демилитаризации Арктики, в том числе между го-

сударствами – членами Арктического совета¹⁰.

В реализации государственной политики России в Мировом океане ведущую роль, безусловно, играют вопросы развития *морского транспорта и атомного флота*. Морской транспортный комплекс в новых геополитических условиях становится всё более важной и во многом незаменимой составляющей совокупной мощи государства и повышения его конкурентоспособности на мировых рынках. Это одна из крупнейших структур в экономическом сегменте государства.

Наиболее отчётливо эту роль морского транспортного комплекса можно проследить на фоне анализа ситуации, связанной с применением западных санкций по отношению к экспортным перевозкам российской нефти.

Так, по оценкам аналитиков американской консультативной компании *S&P*, по состоянию на конец 2024 г. Россия контролирует более 65% теневого флота танкеров, обеспечивающих перевозки подсанкционной нефти. При этом теневой флот танкеров, используемых для перевозки подсанкционной нефти, насчитывает 889 танкеров водоизмещением более 27 тыс. т, что составляют около 17% мирового флота нефтяных танкеров суммарным дедевитом более 111,6 млн т¹¹.

Важнейшими получателями этих нефтепродуктов являются Индия и Китай. В частности, после начала украинского кризиса традиционные

⁹ Стратегия развития ВМФ на период до 2050 г.

¹⁰ *Поваляев А.А., Беляков В.Г.* Отдельные аспекты практической реализации положений Морской доктрины России в области международно-правового обеспечения морской деятельности // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 79–83.

¹¹ Non-G-7 tanker share at new high as Russian exports recover. S&P Global Commodities at Sea and Maritime Intelligence Risk Suite // URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/866025-rossiya-kontroliruet-boleee-65-tenevogo-flota-tankerov-i-aktivno-imi-polzuetsya/>

ближневосточные поставщики Индии переориентировали нефть на европейский рынок, поэтому Дели был вынужден искать новые источники, и сейчас 37% индийского импорта нефти приходится на поставки из России. Власти страны заявили, что продолжают закупки даже после введения американских пошлин¹².

Пекин тоже отвергает ультиматумы Вашингтона. МИД Китая заявил, что политика принуждения не принесёт результатов, поэтому Китай будет отстаивать свой суверенитет и закупать энергоресурсы теми способами, которые соответствуют национальным интересам. Несмотря на угрозы санкций, Пекин ясно дал понять, что продолжит покупку российской нефти в прежних объёмах¹³.

Развитие морского транспортно-го комплекса осуществляется в соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года¹⁴, в которой определены ключевые проекты по его развитию, проведён анализ ситуации в сфере морского транспорта, определены вопросы его развития. В этой связи необходимости формирования дополнительного документа стратегического планирования в рамках защиты национальных интересов России в Мировом океане нет.

Что касается атомного флота России, то, учитывая, что стратеги-

ческие цели, задачи и целевые показатели развития морской деятельности, в том числе ледокольного атомного флота, отражены в Стратегии, а также в соответствующих государственных программах, формирование дополнительного документа стратегического планирования также нецелесообразно.

Важным является направление *кадрового обеспечения* морской деятельности. Сегодня в России на этом направлении сформирована общегосударственная система подготовки специалистов.

Система подготовки моряков с высшим образованием осуществляется в соответствии с международными нормами под кураторством Минтранса России в 19 федеральных государственных университетах (училищах, институтах) и со средним специальным образованием – в более чем 80 колледжах (курсах, центрах) Российской Федерации.

Вместе с тем тема кадрового дефицита в морской отрасли остаётся острой на протяжении последних лет. Эксперты отмечают, что интерес молодёжи к морской профессии постепенно снижается и престиж морского образования за последние 20 лет существенно упал. Требуется меры по повышению привлекательности морской профессии, включая улучшение условий труда, модернизацию флота и поддержку молодых специалистов на этапе обучения и сертификации¹⁵. Кроме того, необ-

¹² <https://monocle.ru/monocle/2025/34/khod-slonom/?ysclid=meh1ubzcfi592134000>

¹³ Там же.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-27112021-n-3363-r/>

¹⁵ Верёвкин А. Дефицит кадров на флоте: проблемы и перспективы // SeaNews // URL: <https://seanews.ru/2025/05/07/ru-kadrovyyj-golod-na-flote-problemy-i-perspektivy/>

ходимо существенное увеличение количества новых учебных судов.

Эффективность морской деятельности во многом зависит от развития систем обеспечения её безопасности: навигации и гидрографии, поиска и спасания на море, безопасности объектов морской инфраструктуры и прилегающих к ним акваторий. Каждая из этих систем отличается многообразием функций и задач и регламентируется собственными документами стратегического планирования.

Рассмотрим центральный блок – систему навигационно-гидрографического обеспечения (НГО) морской деятельности.

В соответствии с Кодексом торгового мореплавания от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ навигационно-гидрографическое обеспечение морских путей осуществляется Министерством обороны, для которого НГО морских путей является ключевым элементом обеспечения национальной безопасности.

Исходя из этого, под НГО понимается комплекс мероприятий, осуществляемых в целях создания благоприятных в навигационно-гидрографическом отношении условий для действий сил и войск ВМФ, использования технических средств, обеспечения безопасности плавания кораблей и судов, полётов авиации, изучения и оценки океанских и морских

районов (зон) при принятии решений на всех уровнях управления¹⁶.

Ответственность за НГО в акватории Северного морского пути, морских портов и на подходах к ним законодательно закреплена за Министерством транспорта РФ.

Управление навигационно-гидрографическим обеспечением осуществляется Министерством транспорта РФ (с подведомственными ему Федеральным агентством морского и речного транспорта, Федеральной службой по надзору в сфере транспорта) и Министерством обороны РФ в пределах своих компетенций. Важно отметить, что как в Минобороны, так и в Министерстве транспорта отсутствует единый государственный орган с самостоятельным административным статусом, отвечающим за НГО¹⁷.

Основным недостатком существующей схемы НГО является несовершенство нормативно-правовой базы, регламентирующей организацию навигационно-гидрографического обеспечения морской деятельности.

Так, например, правительство России утверждает Положение о порядке осуществления навигационно-гидрографического обеспечения в акватории Северного морского пути, в акваториях морских портов, расположенных на побережье акватории Северного морского пути, и на подходах к ним¹⁸. Для других районов и

¹⁶ Куликовский И.В., Адамович О.Р., Бербенев Д.В. Направления совершенствования системы навигационно-гидрографического обеспечения Военно-Морского Флота // Военная Мысль. 2023. № 12. С. 50-58.

¹⁷ Алексеева Е.Г. Анализ системы и организационной структуры управления навигационно-гидрографическим обеспечением судоходства // Вестник государственного университета морского и речного торгового флота им. Адмирала С.О. Макарова. 2015. Вып. 3. С. 145.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2019 г. № 1643 (ред. от 16.11.2020) «Об утверждении Положения о порядке осуществления навигационно-гидрографического обеспечения в акватории Северного морского пути, в акваториях морских портов, расположенных на побережье акватории Северного морского пути, и на подходах к ним» (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru/73220299/>

акваторий Мирового океана решение задач по навигационно-гидрографическому, гидрометеорологическому и топогеодезическому обеспечению морской деятельности России обеспечивается Гидрографической службой Министерства обороны Российской Федерации.

В этой связи представляется целесообразным, руководствуясь нормой Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации об обеспечении согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, показателям, финансовым и иным ре-

сурсам, инициировать разработку документа стратегического планирования федерального уровня – Основы навигационно-гидрографического обеспечения морской деятельности в Российской Федерации.

Что же касается иных проблем развития морской деятельности Российской Федерации, то существующие документы стратегического планирования в полной мере их регламентируют и разработки дополнительных документов стратегического планирования не требуется.

Предлагаемая архитектура документов стратегического планирования в сфере морской деятельности РФ представлена на рис. 3.

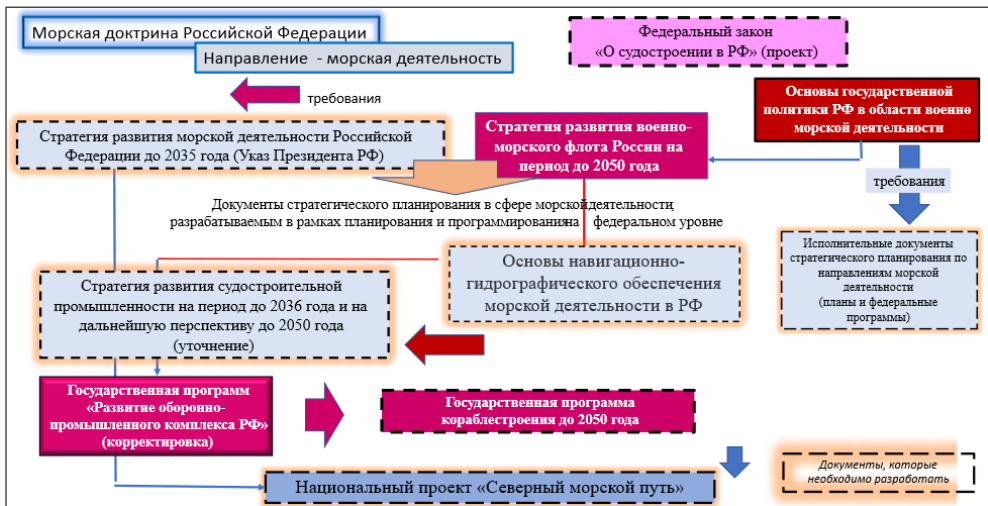

Рис. 3. Предлагаемая архитектура документов стратегического планирования в сфере морской деятельности России

С точки зрения повышения эффективности развития ключевого направления морской деятельности – судостроения, предлагаемый формат позволит решить давнюю и наиболее острую проблему сегодняшнего судостроения в Российской Федерации, а именно:

- преодолеть технологическую отсталость и закредитованность судостроительных производств;
- сформировать отлаженную систему кредитования в сфере судостроения;
- обеспечить формирование межотраслевой кооперации, прежде

всего в части создания отечественного судового оборудования и развития производства комплектующих устройств;

– повысить степень локализации производства судов.

Кроме этого, предлагаемая система документов стратегического планирования в сфере морской деятельности России даст возможность обеспечить координацию стратегического управления и мер бюджет-

ной политики, согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, показателям. В целом же это направление реализации Морской доктрины России целесообразно дополнить одним новым документом стратегического целеполагания и уточнить ряд уже существующих документов стратегического планирования программно-планового характера.

Таким образом, в интересах формирования сбалансированной системы документов стратегического планирования в области морской политики необходимо внести существенные коррективы в Морскую доктрину России с учётом изменившейся внешнеэкономической и внешнеполитической обстановки, возникновения новых угроз национальным интересам страны в Мировом океане и положений руководящих документов в области стратегического планирования.

Кроме того, требуется разработка дополнительных документов стратегического целеполагания в формате основ государственной политики в области морской политики и морской деятельности. Также необходимо создать инструментарий государственного мониторинга морской политики и морской деятельности, оценки эффективности проводимых мероприятий и завершить работу по нормативно-правовому обеспечению деятельности Российской Федерации на пространствах Мирового океана, включая принятие федерального закона «О судостроении».

При этом важно в полной мере учитывать новые задачи и вызовы, связанные с проектом формирования Трансарктического транспортного коридора как крупнейшего мультимодального арктического комплекса, который должен объединить морской, речной, железнодорожный и автомобильный виды транспорта, энергетическую и инфраструктурную инфраструктуру Арктической зоны и Дальнего Востока России.

Предлагаемый подход к формированию сбалансированной системы документов стратегического планирования в морской сфере может быть применён и к любой другой крупной предметной области государственного управления. При этом, как показывает опыт работы над Стратегией национальной безопасности как базовым документом стратегического планирования в России, таких крупных областей не должно быть много. Помимо морской политики и морской деятельности к таковым можно отнести:

– военную сферу, в которой главным документом стратегического целеполагания является Военная доктрина Российской Федерации;

– сферу сельского хозяйства и продовольствия, в которой целеполагание определяется Доктриной продовольственной безопасности России;

– область информации, связи, включая развитие искусственного интеллекта, которая в целом охвачена Доктриной информационной безопасности России;

– научно-техническую сферу, в которой целеполагание определяет Стратегию научно-технологического развития России;

– сферу социально-экономического развития, в которой действуют Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., множество разрозненных документов отраслевого и регионального развития, но до сих пор отсутствует целостное стратегическое целеполагание*.

Во всех этих областях государственного управления формирование сбалансированной и взаимоувязанной архитектуры документов стратегического планирования должно начинаться с определения национальных интересов России в данной предметной области.

Именно понимание национальных интересов является ключом к принятию оптимального политического решения в сфере внешней политики и национальной безопасности, формулированию политических целей и задач¹⁹. На них строится стратегическое целеполагание и вся система документов стратегического планирования, начиная от аналитических, прогнозных и концептуальных, до программно-плановых.

Г. Моргентау, американский политолог, основатель школы политического реализма, определяет национальные интересы как долговременные, жизненно важные для всей нации выражения общности, которые воплощаются в стремлении представителей одной нации к объединению на основе общности культуры (языка, семейных, религиозных, моральных, национальных традиций и обычаев) в границах единой политической системы и общей политики и которые она готова защищать ради своего выживания и благополучия²⁰.

Национальные интересы, в свою очередь, образуют иерархию, вершину которой составляют жизненно важные и важные интересы, которые Моргентау относит к постоянным, а основание – цепочки промежуточных или преходящих интересов, которые направлены на обеспечение интересов важных и жизненно важных.

Исходя из этой логики, важные и жизненно важные национальные интересы формулируются в базовом документе стратегического планирования, каковым в нашей стране является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая определяет их как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии²¹. Они отражают потребности государства в экономическом

¹⁹ Назаров В.П. Национальные интересы во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 1. С. 7-21.

²⁰ Morgenthau H.J. In defense of the national interest: a critical examination of American foreign policy. N.Y.: Knopf, 1951. P. 33-34.

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

* Все вышеперечисленные документы утверждены указами президента Российской Федерации.

выживании и безопасности перед лицом внешних угроз – то главное, что для него нужно и важно²². В свою очередь, промежуточные интересы, обеспечивающие реализацию важных и жизненно важных интересов, должны составлять основу целеполагания главных документов стратегического планирования в крупных предметных областях государственного управления.

Отсюда следует, что путь к формированию сбалансированной архитектуры стратегического планирования – в адекватном определении национальных интересов в целом для нации или страны и в крупных предметных областях государственного управления. Именно национальные интересы, как справедливо отмечает А. Кокошин, являются «важнейшим инструментом практики государственного управления»²³.

В то же время понятие «национальный интерес» является достаточно новым для отечественной политической практики, поскольку долгое время государственные интересы России отождествлялись с интересами монархов и царственных династий, а в советский период – идеологическими догмами²⁴. Приходится согласиться с мнением главного редактора журнала «Россия в глобальной политике», члена президиума РСМД Ф. Лукьянова, который считает, что в России пока не сложилось ясного понимания национального интереса²⁵. Поэтому их определение и формулирование представляет собой достаточно сложную научно-практическую задачу.

Библиография

- Алексеева Е.Г.* Анализ системы и организационной структуры управления навигационно-гидрографическим обеспечением судоходства // Вестник государственного университета морского и речного торгового флота им. Адмирала С.О. Макарова. 2015. Вып. 3. С. 145-155.
- Войтоловский Г.К. Государственная стратегия как вектор развития морской деятельности // Морская политика России. Июнь, 2007.
- Кокошин А.А.* Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5-19.
- Куликовский И.В., Адамович О.Р., Бербенев Д.В.* Направления совершенствования системы навигационно-гидрографического обеспечения Военно-Морского Флота // Военная Мысль. 2023. № 12. С. 50-58.
- Назаров В.П.* Национальные интересы во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 1. С. 7-21.
- Поваляев А.А., Беляков В.Г.* Отдельные аспекты практической реализации положений Морской доктрины России в области международно-правового обеспечения морской деятельности // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 79-83.

²² «А куда вы лезете?» Политолог Дмитрий Саймс о том, что такое национальные интересы и как они поссорили США и Россию // URL: https://weekend.rambler.ru/read/52349478/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

²³ *Кокошин А.А.* Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5-19.

²⁴ *Назаров В.П.* Национальные интересы во внешней политике России.

²⁵ *Лукьянов Ф.* Зачем говорить о национальном интересе? // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-govorit-o-natsionalnom-interese/?sphrase_id=88476635

- Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2019 г. № 1643 (ред. от 16.11.2020) «Об утверждении Положения о порядке осуществления навигационно-гидрографического обеспечения в акватории Северного морского пути, в акваториях морских портов, расположенных на побережье акватории Северного морского пути, и на подходах к ним» (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru/73220299/>
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 августа 2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332557/
- Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-27112021-n-3363-r/>
- Распоряжение Правительства РФ от 28 октября 2019 г. № 2553-р (ред. от 12.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336470/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/
- Распоряжение Правительства РФ от 28 октября 2019 г. № 2553-р (ред. от 12.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года» // URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-28102019-n-2553-r/>
- Стратегия развития Военно-Морского Флота на период до 2050 года утверждена президентом России // URL: <https://portnews.ru/news/377915/>
- Указ Президента Российской Федерации от 13 августа 2024 г. № 691 «О Морской коллегии Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51026>
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>
- Morgenthau H.J.* In defense of the national interest: a critical examination of American foreign policy. N.Y.: Knopf, 1951. – 283 p.

Примечание. Рисунки в тексте даны в редакции авторов

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 19 марта 2026 г.

Особенности военной стратегии президента Д. Трампа

Олег ИВАНОВ

Современная международная обстановка характеризуется потрясением мирового порядка, построенного на правилах коллективного Запада, и дальнейшим продвижением к полицентричному миру.

Выступая на заседании Валдайского клуба (октябрь 2025 г.), президент В.В. Путин отметил: «Международные отношения переживают кардинальную трансформацию. Как ни парадоксально, но многополярность стала прямым следствием попыток установить и сохранить глобальную гегемонию, ответом международной системы и самой истории на навязчивое стремление выстроить всех в одну иерархию, на вершине которой находились бы страны Запада»¹.

В то же время наряду с объективным процессом трансформации международных отношений начался кризис отстаиваемого коллективным Западом мирового порядка. Об этом разными словами говорят западные мировые лидеры и официальные лица. Один из стойких сторонников уходящего мирового порядка, премьер-министр Канады М. Карни, на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2026 г.) с горечью говорил о нахождении мира в середине разлома, а не о переходе в новое состояние. Государственный секретарь США М. Рубио на Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2026 г.) дал критическую оценку господствующему до настоящего глобальному либерализму. В частности, он отметил: «Эйфория от этого три-

ИВАНОВ Олег Петрович – доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МГИМО МИД России. *E-mail*: oleg.ivanov@dipacademy.ru

Ключевые слова: США, Россия, Китай, доктрина Уайнбергера – Пауэлла, стратегия офшорного балансирования.

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78134>

умфа (имеется в виду глобальный либерализм. – Авт.) привела нас к опасному заблуждению: что мы вступили “в конец истории”, что теперь каждая нация станет либеральной демократией, что связи, сформированные исключительно торговлей и коммерцией, заменят национальную идентичность, что основанный на правилах глобальный порядок – избитый термин – заменит национальные интересы и что теперь мы будем жить в мире без границ, где каждый станет гражданином мира»². Рубио подчеркнул, что США будут следовать исключительно национальным интересам, и другим западным государствам лучше делать то же самое, выстраивая свою внешнюю и внутреннюю политику.

Одновременно с этими процессами в мире продолжает в последние годы развиваться тренд в отношениях между ведущими державами, в первую очередь между США и КНР, стратегическое соперничество³, в котором значимую роль играет американская военная сила. На неё же делается ставка для поддержки мирового порядка, построенного, по крайней мере для США, уже не столько на западных правилах, сколько на американских национальных интересах. В этой связи представляется актуальным рассмотреть вопрос: какое место отводит руководство США военной силе и как оно намеревается её применять в стремительно меняющемся мире.

Продвигаемая, в первую очередь Демократической партией США, идея использовать военную силу для расширения демократии в других странах на фоне разворачивающегося межгосударственного стратегического соперничества становится неактуальной. На это указывал бывший министр обороны и директор ЦРУ Р. Гейтс: «Соединённые Штаты всегда должны быть готовы защищать свои интересы, но для того чтобы возродить внутреннюю поддержку роли Соединённых Штатов в глобальном лидерстве, американские лидеры должны про-

являть большую сдержанность, посылая в бой лучших военных мира. Миссия американских военных не должна состоять в том, чтобы пытаться формировать будущее других стран. Не каждое возмущение или акт агрессии, не каждое угнетение или кризис должны вызывать военный ответ США»⁴.

Новый мировой порядок, построенный на западных правилах, рухнул не из-за «подрывных действий» лидеров Глобального Юга, а из-за несостоятельности самой концепции и нежелании президента Д. Трампа её поддерживать⁵.

² Secretary of State Marco Rubio at the Munich Security Conference, February 14, 2026 // URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference>

³ Иванов О. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // Обозреватель–Observer. 2024. № 2. С. 27–36.

⁴ Gates R. The Overmilitarization of American Foreign Policy // Foreign Affairs, July/August, 2020 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-02/robert-gates-overmilitarization-american-foreign-policy>

⁵ Трансформация международной безопасности: кризис и новые возможности. М.: Квант Медиа, 2026. – 242 с.

В новой *Стратегии национальной безопасности США* подчёркивается: «Наши элиты глубоко просчитались с готовностью Америки нести вечное бремя глобальных проблем, которые никак, по мнению американского народа, не были связаны с национальными интересами. Они переоценили способность Америки одновременно финансировать масштабное государство, регулирующее и управляющее системой социального обеспечения, наряду с огромным военным, дипломатическим, разведывательным комплексом и системой иностранной помощи. Они сделали крайне ошибочные и разрушительные ставки на глобализм и так называемую свободную торговлю, которые подорвали средний класс и промышленную базу, от которых зависит экономическое и военное превосходство Америки»⁶.

Стратегия президента Трампа направлена на защиту и продвижение в первую очередь американских национальных интересов, которые заключаются в следующем:

– «мы хотим обеспечить, чтобы Западное полушарие оставалось достаточно стабильным и достаточно хорошо управляемым, чтобы предотвратить и сдержать массовую миграцию в Соединённые Штаты;

– мы хотим, чтобы правительства полушария сотрудничали с нами в борьбе с наркотеррористами, картелями и другими транснациональными преступными организациями;

– мы хотим, чтобы полушария оставались свободным от враждеб-

ного иностранного вторжения или владения ключевыми активами и поддерживало критически важные цепочки поставок;

– мы хотим обеспечить наш постоянный доступ к ключевым стратегическим местам. Другими словами, мы будем утверждать и обеспечивать соблюдение “дополнения Трампа” к доктрине Монро;

– мы хотим остановить и обратить вспять продолжающийся ущерб, который иностранные субъекты наносят американской экономике, сохраняя при этом Индо-Тихоокеанский регион свободным и открытым, сохраняя свободу судоходства на всех важнейших морских путях и поддерживая безопасные и надёжные цепочки поставок и доступ к критически важным материалам;

– мы хотим поддержать наших союзников в сохранении свободы и безопасности Европы, одновременно восстанавливая цивилизационную уверенность Европы и её западную идентичность;

– мы хотим предотвратить доминирование враждебной державы на Ближнем Востоке, в его запасах нефти и газа, а также в узких местах, через которые они проходят, избегая при этом “вечных войн”, которые с большими потерями втянули нас в этот регион;

– мы хотим обеспечить, чтобы американские технологии и стандарты – особенно в области искусственного интеллекта, биотехнологий и квантовых вычислений, – двигали мир вперёд»⁷.

⁶ National Security Strategy of the United States of America, November 2025. P. 1 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>

⁷ Ibid. P. 5.

Глобальная стратегия США по-прежнему нацелена на сохранение выгодного для страны баланса силы и недопущение появления соперника в лице КНР или России или группы соперников в виде организации, например ШОС, или группы государств типа БРИКС, которые могли бы бросить вызов американскому глобальному и региональному доминированию.

В новой *Национальной оборонной стратегии США (2026 г.)* говорится: «Наша цель проста: не допустить, чтобы кто-либо, включая Китай, мог доминировать над нами или нашими союзниками. По сути, создать военные условия, необходимые для достижения цели Стратегии национальной безопасности – баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе, который позволит всем нам наслаждаться достойным миром»⁸.

Для этого, отказываясь от политики экспорта демократии в прежнем формате и сдерживании, администрация Трампа выстраивает стратегию рационального выбора, основанную на системном анализе, перенесённого из бизнеса.

Во-первых, обращается особое внимание на оценку угроз безопасности США. «Как предписывает Стратегия национальной безопасности, данная Стратегия чётко признаёт, что не все угрозы одинаково серьёзны, масштабны и имеют одинаковые последствия. Но даже менее значимые угрозы всё равно важны и не должны игнорировать-

ся. Поэтому, даже отдавая приоритет угрозам, имеющим наиболее серьёзные последствия для безопасности, свободы и процветания нашей страны, данная Стратегия также позволяет нашей стране, нашим союзникам и партнёрам эффективно и устойчиво противостоять другим угрозам»⁹.

Во-вторых, угрозы оцениваются исключительно через призму американских национальных интересов. В этой связи в Национальной оборонной стратегии США указывается: «Эта стратегия принципиально отличается от грандиозных стратегий прошлых администраций после окончания холодной войны, которые были оторваны от конкретных практических интересов американцев. Она не отождествляет интересы американцев с интересами остального мира, не считает угрозу для человека на другом конце света той же самой, что и для американца. Она также не рассматривает навязывание нашего образа жизни силой как необходимое.

Она не стремится решить все мировые проблемы. Скорее она фокусируется на практических аспектах реальных, заслуживающих доверия угроз безопасности, свободе и процветанию американцев. При этом она признаёт, что некоторые угрозы, например угроза нашей Родине, более прямые и ощутимые, чем другие. Однако в ней также признаётся, что даже те вопросы, которые могут казаться далёкими, например, важность сохранения доступа США к

⁸ 2026 NDS. National Defense Strategy. Restoring Peace Through Strength for a New Golden Age of America, Department of War. P. 3 // URL: <https://static.mediapart.fr/files/2026/01/26/2026-national-defense-strategy.pdf>

⁹ Ibid. P. 8.

Индо-Тихоокеанскому региону как крупнейшему в мире рынку, всё же имеют исключительно реальные, поистине фундаментальные последствия для жизненно важных интересов нашей страны»¹⁰.

Согласно официальной оценке, национальная безопасность США подвергается целому спектру угроз: от таких асимметричных, как нелегальная миграция, наркотрафик, иностранные террористические организации, а также не до конца ещё уничтоженные «Аль-Каида» и «Исламское государство»*. Несмотря на сохраняющийся высокий уровень асимметричных угроз, в Стратегии утверждается о нарастании сочетания традиционных и нетрадиционных угроз: «В последние годы также возросло число прямых военных угроз стране, включая ядерные угрозы, а также различные виды обычных ударных и космических, кибернетических и электромагнитных боевых действий»¹¹.

Не называя прямо своими противниками какую-либо из ведущих стран, администрация Трампа тем не менее выделяет КНР и Россию. Что касается КНР, то она больше оценивается как конкурент или соперник, а не прямая военная угроза, хотя нельзя исключать, что в закрытых документах стоит знак равенства между соперником и военной угрозой. «Именно поэтому Стратегия национальной безопасности предписывает Министерству войны поддерживать благоприятный баланс

военной мощи в Индо-Тихоокеанском регионе, но не с целью доминирования, унижения или удушения Китая. Напротив, наша цель гораздо шире и разумнее: она заключается просто в том, чтобы гарантировать, чтобы ни Китай, ни кто-либо другой не смог доминировать над нами или нашими союзниками. Это не требует смены режима или какой-либо другой экзистенциальной борьбы. Скорее возможен достойный мир на условиях, выгодных для американцев, но которые Китай тоже может принять и соблюдать»¹².

Официально позиция США при президенте Трампе отошла от заявленной цели президента Байдена: нанести стратегическое поражение России на Украине. Однако в Национальной оборонной стратегии подчёркивается: «Россия останется постоянной, но управляемой угрозой для восточных стран – членов НАТО в обозримом будущем. Действительно, несмотря на то что Россия страдает от множества демографических и экономических трудностей, но продолжающаяся война на Украине показывает, что она по-прежнему обладает значительными запасами военной и промышленной мощи. Россия также продемонстрировала, что обладает национальной решимостью, необходимой для ведения затяжной войны в ближнем зарубежье. Кроме того, хотя российская военная угроза в основном сосредоточена на Восточной Европе, Россия обладает

¹⁰ 2026 NDS. National Defense Strategy.

¹¹ Ibid. P. 9.

¹² Ibid. P. 10.

* Террористические организации, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещены на законодательном уровне.

крупнейшим в мире ядерным арсеналом, который она продолжает модернизировать и диверсифицировать, а также подводными, космическими и кибервозможностями, которые она могла бы использовать против территории США»¹³.

Исходя из этой оценки, следует задача американским военным: «Министерство войны обеспечит готовность американских войск к защите от российских угроз США»¹⁴.

Оценка угроз через призму национальных интересов тесно увязывается с целями и приоритетами стратегии, способами их достижения и наличными ресурсами. Причём последние подразумевают как американские ресурсы, так и их союзников, а также где они могут быть задействованы. Согласно Национальной оборонной стратегии США, вытекают приоритеты планируемого применения военной силы США:

- защита территории США;
- сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе силой, а не конфронтацией;
- увеличение распределения бремени между США и их союзниками и партнёрами;
- ускорение развития оборонно-промышленной базы США.

Какую доктрину американское руководство собирает использовать для применения своих вооружённых сил?

В последние несколько десятилетий американское военное планирование опиралось на две доктрины: Пауэлла – Уайнбергера и Шульца – Эспена.

Первая доктрина, имевшая название «*Всё или ничего*», предусматривала применение военной силы исключительно для защиты жизненно важных национальных интересов, быстро и решительно сокрушая противника в сжатые сроки. При этом важным условием было то, что военная сила рассматривалась как крайняя мера после неудачи дипломатии и после одобрения конгресса США.

Однако после окончания холодной войны концептуально применение военной силы в значительной степени реализовывалось в рамках доктрины Шульца – Эспена под названием «*Школа ограниченных целей*». Основные положения этой доктрины заключались в следующем:

- во-первых, возможно угрожать применением ограниченной военной силой для поддержки дипломатии и (или) её дополнения для достижения ограниченных целей;
- во-вторых, можно применять военную силу до разрастания кризиса и в ограниченном количестве;
- в-третьих, применение военной силы не является крайней мерой, и к ней можно прибегать для достижения в том числе и не жизненно важных интересов;
- в-четвёртых, получение одобрения конгресса, по крайней мере на начальном этапе, необязательно.

Предшественники Трампа, демократические администрации, охотно использовали военную силу для экспорта демократии в мире и социальной инженерии, включая «цветные революции». Однако ещё до прихода к власти президента Трампа

¹³ 2026 NDS. National Defense Strategy. P. 10.

¹⁴ Ibid.

па известные американские эксперты отмечали неудачные результаты такой практики.

По мнению бывшего посла США в России М. Макфола, «применение военной силы во имя достижения свободы не только дало очень скромные результаты в Афганистане и Ираке, но и дискредитировало все усилия, особенно американские, по распространению демократии в мире»¹⁵.

В продолжившемся обсуждении необходимости применения военной силы и её способов Р. Гейтс уточнял: «Вмешательство с целью предотвращения убийства ни в чём не повинных гражданских лиц стало одной из наиболее частых причин применения силы после окончания холодной войны. Но такие конфликты сами по себе вызывают острые вопросы. Прежде чем вмешиваться военным путём, лидеры должны оценить, действительно ли основные интересы США находятся под угрозой, насколько реалистичны цели, готовность других помочь, потенциальные людские и финансовые затраты на интервенцию, что может пойти не так, когда американские войска ударят по земле. Это трудные вопросы, но их нужно решать с широко открытыми глазами. Планка для использования в США военных для целей, не связанных с защитой жизненно важных национальных интересов, должна быть очень высокой»¹⁶.

Доктринальные особенности применения военной силы США при президенте Трампе приводятся в официальных документах. В Стратегии национальной безопасности (2025 г.) утверждается: «Мы хотим набрать, обучить, оснастить и ввести в строй самую мощную, смертоносную и технологически продвинутую армию в мире, чтобы защитить наши интересы, предотвратить войны и – в случае необходимости – одержать в них *быструю и решительную победу с минимальными потерями* (курс. – Авт.) среди наших войск»¹⁷.

В Национальной оборонной стратегии США утверждается: «Мы будем готовы предпринять целенаправленные и решительные действия, которые конкретно будут способствовать продвижению интересов США»¹⁸. Это «дополнение Трампа» к доктрине Монро и американские вооружённые силы готовы обеспечить его *быстрое, мощное и точное* (курс. – Авт.) применение, как это показала операция «Абсолютная решимость»*. Приведённые характеристики указывают, что, скорее всего, концептуально военная сила будет применяться на основе доктрины Уайнбергера – Пауэлла «*Всё или ничего*», что возвращает американских военных в период холодной войны, когда США готовились вести войну с крупными и близкими по потенциалу странами.

¹⁵ Макфол М. Демократия на марше? Америка и продвижение её ценностей // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. С. 59-74.

¹⁶ Gates R. The Overmilitarization of American Foreign Policy.

¹⁷ National Security Strategy of the United States of America. P. 3.

¹⁸ 2026 NDS. National Defense Strategy. P. 3.

* Военная операция США против Венесуэлы, проведённая 3 января 2026 г.

Важным приоритетом стратегии Трампа является изменение распределения бремени в сторону её увеличения для союзников и партнёров.

«Как ясно дал понять президент Трамп, наши союзники и партнёры должны взять на себя свою справедливую долю бремени нашей коллективной обороны»¹⁹.

Этим объясняется настойчивость Трампа заставить союзников по НАТО взять на себя обязательство выйти на повышенные военные расходы. При этом:

– «союзники по НАТО согласны с тем, что их обязательство о выделении 5% будет охватывать две основные категории инвестиций в оборону. Союзники по НАТО станут ежегодно выделять не менее 3,5% ВВП на основе согласованного определения оборонных расходов НАТО к 2035 г. для покрытия основных оборонных потребностей и достижения целевых показателей НАТО в области потенциала;

– союзники по НАТО договариваются представлять ежегодные планы, отражающие надёжный пошаговый путь к достижению этой цели;

– союзники по НАТО будут направлять до 1,5% ВВП ежегодно, в частности, на защиту нашей критически важной инфраструктуры, наших сетей, обеспечение нашей гражданской готовности и устойчивости, стимулирование инноваций и укрепление нашей оборонно-промышленной базы»²⁰.

Таким образом, президент Трамп, не видя прямой угрозы со стороны

России как в Европе, так и в других частях мира, стремится освободить себе руки и направить потенциал США для соперничества с таким быстро набирающим силу конкурентом, как Китай.

Другая важная особенность стратегии Трампа – фактически взятие на вооружение стратегию офшорного балансирования, предложенную в своё время американскими профессорами Дж. Миершаймером и С. Уолтом, которые призывали отказаться от либерального гегемонизма как генеральной линии в американской внешней и оборонной политике. По их мнению, более рационально и эффективно для США было бы избрать иной курс, а именно: «Следуя стратегии офшорного балансирования, Вашингтон откажется от амбициозных усилий по переделке общества в других странах и сосредоточится на том, что действительно важно: сохранении американского доминирования в Западном полушарии и противодействии потенциальным гегемонам в Европе, Северо-Восточной Азии и Персидском заливе. Вместо того чтобы выступать в роли мирового полицейского, США должны поощрять другие страны к активному участию в сдерживании поднимающихся держав и вмешиваться только в случае необходимости. Это не означает отказа от позиции единственной мировой супердержавы или возвращения к стратегии “Америка – это крепость”. Скорее офшорное балансирование позволит сбе-

¹⁹ 2026 NDS. National Defense Strategy. P. 13.

²⁰ Декларация Гаагского саммита принята главами государств и правительств стран НАТО, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Гааге 25 июня 2025 г. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_236705.htm?selectedLocale=ru

речь силы и таким образом обеспечит лидерство Соединённых Штатов в будущем и укрепит свободу внутри страны»²¹.

Несмотря на то что стратегия офшорного балансирования была предложена не сегодня, демократические администрации США воздерживались от её принятия, так как в таком случае им пришлось бы отказаться от либерального экспансионизма и глобализма. Руководство США при президенте Трампе пересмотрело установки демократов и концептуально остановилось на стратегии, которая весьма близка к стратегии офшорного балансирования. На это указывают определённые наиболее важные принципы американской внешней, оборонной и разведывательной политики:

– *во-первых*, это отказ от расширенной трактовки понятия национального интереса, когда практически все регионы и мировые проблемы рассматривались как попадающие в зону национальных интересов США;

– *во-вторых*, стремление к невмешательству, но с существенной оговоркой: «Для страны, интересы которой столь многочисленны и разнообразны, как наши, жёсткое следование принципу невмешательства невозможно. Однако именно эта предрасположенность должна устанавливать высокую планку для определения того, что является оправданным вмешательством»²².

Это условие оставляет лауну для весьма вольного трактования, что является «оправданным вмешательством», а что нет. Критерии для определения не разработаны, что позволяет заходить далеко и не придерживаться международного права;

– *в-третьих*, примат национального государства и его национальных интересов. «Соединённые Штаты будут ставить собственные интересы на первое место и в отношениях с другими странами будут поощрять их также уделять приоритетное внимание своим интересам»²³. Из этого следует, что, несмотря на теоретическое равенство всех государств, интересы США будут более приоритетными, что совпадает с известной оценкой, что «все равны, но кто-то равнее». При этом Трамп готов отдать приоритет не праву, а силе для продвижения американских интересов;

– *в-четвёртых*, соблюдение принципа баланса силы, который сторонники либерального интернационализма давно определили устаревшим. «Соединённые Штаты не могут позволить ни одной стране стать настолько доминирующей, чтобы это угрожало нашим интересам. Мы будем работать с союзниками и партнёрами для поддержания глобального и регионального баланса сил, чтобы предотвратить появление доминирующих противников. Поскольку Соединённые Штаты отвергают злополучную концепцию

²¹ *Мишаймер Дж., Уолт С.* Доводы в пользу офшорного балансирования. Лучшая внешнеполитическая стратегия США // Россия в глобальной политике. 2016. № 5 // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya-18344>

²² National Security Strategy of the United States of America. P. 9.

²³ Ibid.

глобального господства как таковую, мы должны предотвратить глобальное, а в некоторых случаях даже региональное господство других стран»²⁴. По сути дела, президент Трамп возрождает известное правило, которое обосновал один из основателей американской геополитики, Н. Спикмен, утверждавший, что больше безопасности в сбалансированной силе, чем в декларациях о добрых намерениях. Национальная оборонная стратегия конкретизирует важный принцип баланса силы, уточняя его региональное приложение: «Мы будем поддерживать благоприятный баланс сил в каждом из ключевых регионов мира, как это предписано Стратегией национальной безопасности. Поскольку американские войска сосредоточатся на обороне страны и Индо-Тихоокеанском регионе, то наши союзники и партнёры в других регионах возьмут на себя основную ответственность за собственную оборону при критически важной, но более ограниченной поддержке со стороны американских войск»²⁵.

Насколько, согласно своему видению, сможет президент Трамп реализовать свою стратегию, покажет время, но базовые установки

уже оказались под критикой и ограничениями его оппонентов. В частности, об отсутствии прямых оценок России в качестве угрозы говорила во время слушаний в Комитете по иностранным делам палаты представителей бывший заместитель помощника министра обороны США по вопросам России, Украины и Евразии Л. Купер. Закон о национальной обороне на 2026 финансовый год устанавливает политику, согласно которой Министерство войны, с некоторыми оговорками, обязано получить одобрение конгресса для вывода войск и техники из Европы.

Ещё в Стратегии национальной обороны США от 2015 г. при оценке международной обстановки утверждалось, что из трёх прогнозируемых вооружённых конфликтов: межгосударственный, гибридный и низкой интенсивности – вероятно первого будет постепенно увеличиваться. Доктринальные установки, вытекающие из действующих официальных документов, подтверждают, что американское руководство продолжает готовить вооружённые силы к межгосударственному конфликту как наиболее вероятному в ближайшем будущем.

Таким образом, США подталкивают своих соперников к зеркальным действиям. Если стратегическое соперничество не будет ограничено договорами и не будет проходить в определённых международно-правовых рамках, то доминирующей силой станет военная, а международные отношения будут определяться известным «законом инструмента», который гласит, что если из всех имеющихся инструментов, которые у вас есть, это только молоток, то все проблемы будут выглядеть как гвозди.

²⁴ National Security Strategy of the United States of America. P. 10.

²⁵ 2026 NDS. National Defense Strategy. P. 14.

Библиография

- Декларация Гаагского саммита принята главами государств и правительств стран НАТО, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Гааге 25 июня 2025 г. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_236705.htm?selectedLocale=ru
- Иванов О.* Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // *Обозреватель–Observer*. 2024. № 2. С. 27-36.
- Макфол М.* Демократия на марше? Америка и продвижение её ценностей // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4. С. 59-74.
- Мирушаймер Дж., Уолт С.* Доводы в пользу офшорного балансирования. Лучшая внешнеполитическая стратегия США // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 5 // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya-18344>
- Трансформация международной безопасности: кризис и новые возможности. М.: Квант Медиа, 2026. – 242 с.
- 2026 NDS. National Defense Strategy. Restoring Peace Through Strength for a New Golden Age of America, Department of War // URL: <https://static.mediapart.fr/files/2026/01/26/2026-national-defense-strategy.pdf>
- Gates R.* The Overmilitarization of American Foreign Policy // *Foreign Affairs*, July/August, 2020 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-02/robert-gates-overmilitarization-american-foreign-policy>
- National Security Strategy of the United States of America, November 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>
- Secretary of State Marco Rubio at the Munich Security Conference, February 14, 2026 // URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference>
- <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78134>

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 31 марта 2026 г.

Балканы в контексте евразийской безопасности

Невоенные инструменты влияния России *

Татьяна ПОПАДЬЕВА

Балканы традиционно рассматриваются не только как пространство соприкосновения и сосуществования культур Востока и Запада, но и как важная арена геополитической конкуренции. В документах ЕС регион прямо описывается как один из передовых фронтов противостояния Запада и России¹. На этом фоне коллективный Запад усиливает своё присутствие, используя различные инструменты (миссии, инфраструктурные проекты и гранты) на формирование западных ценностей, в то время как Россия опирается на исторически сложившиеся культурно-цивилизационные связи и сохраняет, несмотря на различные рестрикции, заметное участие в энергетической сфере.

Сербия и Республика Сербская занимают в конфигурации евразийской безопасности особое положение. Белград, оставаясь кандидатом в ЕС, официально придерживается курса военного нейтралитета² и старается

ПОПАДЬЕВА Татьяна Игоревна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН. *SPIN-код*: 4179-0387, *E-mail*: popadeva@imemo.ru

Ключевые слова: евразийская безопасность, Балканы, Россия, Сербия, Республика Сербская, невоенные аспекты безопасности.

¹ *Caprile A., Stanicek B.* Russia and the Western Balkans: Geopolitical confrontation, economic influence and political interference // URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2023\)747096](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2023)747096)

² National Security Strategy of the Republic of Serbia. Belgrade, 2019 // URL: https://www.mod.gov.rs/multimedia/dodaci/prilog2_strategijanacionalnebezbednostirs_eng_1731678276.pdf

* Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

(несмотря на взятые после бомбардировок 1999 г. обязательства перед НАТО³) отстаивать свой внеальянсовый статус, а также сохраняет тесное сотрудничество с Москвой в энергетике.

А. Вучич не раз отмечал, что Сербия – важное транзитное звено для поставок российского газа и намерена получать его в максимально возможных объёмах по «Балканскому потоку».

В 2024 г. доля российского газа в сербском импорте достигла 93%⁴.

В то же время нельзя обойти вниманием созданный Вашингтоном кризис вокруг нефтяной государствообразующей компании NIS. Введённые (октябрь 2025 г.) санкции США лишили компанию, основным владельцем которой являлась «Газпромнефть» (44,85% акций), возможности покупать нефть и продавать нефтепродукты за рубежом. В качестве выхода из тупика было предложено вывести российских акционеров из капитала компании⁵. Вучич в свойственной ему витиеватой манере определил это так: «Мы попросим наших русских друзей ещё раз поразмышлять о последствиях для Сербии и попытаться вместе с нами найти решение»⁶.

Республика Сербская (РС), в свою очередь, как один из двух энтитетов Боснии и Герцеговины, тоже ориентирована на взаимодействие с Россией.

Её бывший президент и нынешний лидер правящей партии Союза независимых социал-демократов (СНСД) М. Додик неоднократно заявлял, что именно российский «Газпром» является надёжным партнёром сербского образования, обеспечивающего его энергетическую безопасность⁷.

Вместе с тем энергетические проекты РС сталкиваются с внутренними политическими вызовами своей энергетической безопасности, поскольку Федерация БиГ блокирует строительство газопровода из Сербии в Республику Сербскую.

Целесообразно рассмотреть перспективы формирующейся системы евразийской безопасности на Балканах, которая предлагает не просто новый мир безопасности, в том числе энергетической, что крайне актуально в свете масштабного конфликта на Ближнем Востоке, но и новый общий язык международного общения.

³ Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2. С. 43-44.

⁴ Янкович М.Л. Россия и Сербия рассматривают возможность строительства нового газопровода // Vreme. 12.08.2025 // URL: <https://vreme.com/ru/ekonomija/izvestija-rusija-i-srbija-razmatraju-izgradnju-novog-gasovoda/>

⁵ Пономарева Е.Г. США на Балканах: эволюция присутствия // Обозреватель–Observer. 2025. № 6. С. 28.

⁶ Мордюшенко О. Белград остался без лицензии // Коммерсантъ. 2025. 10 октября.

⁷ Республика Сербская подписала с Газпромом соглашение о поставках газа до 2025 г. Что дальше? // URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/820675-respublika-serbskaya-podpisala-s-gazpromom-soglashenie-o-postavkakh-gaza-do-2025-g-chto-dalshe/>

Невоенные инструменты внешнеполитического влияния

Вопрос о невоенных инструментах внешнеполитического влияния России на Балканах в последние годы заметно актуализировался, однако в научной литературе он концептуализирован не полностью.

В отечественных исследованиях преобладают либо работы о «мягкой силе» как общем внешнеполитическом ресурсе, либо исследования отдельных подсистем невоенного воздействия: экономической дипломатии и санкционных механизмов, диаспоральных и гуманитарных каналов, религиозных и культурных ресурсов, образовательной политики и публичной дипломатии⁸. При этом отечественные исследователи указывают на фактическую уникальность комплексных работ по экономическому инструментарию внешней политики России, а также подчёркивают, что российская модель «мягкой силы» всё ещё требует уточнения и конкретизации.

В зарубежном исследовательском дискурсе также можно отметить отсутствие согласия относительно того, насколько далеко и глубоко простирается российское влияние на Бал-

канах⁹. Более того, современная литература постепенно смещается с упрощённых схем «мягкая сила/гибридная война» к более сложным моделям, учитывающим восприимчивость местных элит, локальные идеологические запросы, историческую память, неприятие евро-атлантической интеграции и суверенистские нарративы, а также асимметрию институционального проникновения.

Новейшие исследования прямо указывают на Сербию и Республику Сербскую как на пространства, где российское влияние получает наиболее сильную политическую и символическую рецепцию¹⁰.

Именно поэтому представляется методологически оправданным отказаться от слишком широких и политизированных ярлыков и рассматривать невоенные инструменты влияния как совокупность взаимосвязанных, но аналитически различных механизмов: дискурсивно-символических, информационно-медийных, гуманитарно-образовательных, конфессионально-идентификационных, дипломатико-правовых и энергетико-экономических.

⁸ *Зиновьева Е.С.* Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4. С. 27-47; *Насыров И.Р.* Нематериальные ресурсы парадипломатии в российской внешней политике // Обозреватель–Observer. 2025. № 2. С. 63-75; *Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В.* Кино – инструмент когнитивной войны // Обозреватель–Observer. 2024. № 1. С. 41-57; *Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С.* Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры. М.: Проспект, 2024. – 424 с.; *Райнхардт П.О., Мозебах В.А.* Институциональные рамки и современные практики российской научной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 5. С. 208-225; *Рябов Д.А.* Информационная составляющая гибридной войны // Обозреватель–Observer. 2024. № 5. С. 19-35; *Энттина Е.Г.* 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? М.: Зебра Е, 2025. – 392 с.

⁹ *Cuppuleri A., Velju Ashiku L.* The Multidimensional Soft Power of Illiberal States: Russia in the Western Balkans // Nationalities Papers. 2024. Vol. 52. № 4. P. 761-781.

¹⁰ *Jackson T., Jeffrey A.* Improvising regions: diplomatic practices between Russia and the Republika Srpska // Territory, Politics, Governance. 2021. Vol. 9. № 4. P. 536-556; *Vukomanović M.* Political Orthodoxy as a Source of Soft Power in Russia and Serbia // Teme. 2024. Vol. 48. № 1. P. 1-18.

Такой подход позволяет перейти от общего тезиса о «российском присутствии» к более точному исследованию того, какие именно каналы влияния работают, в каких аудиториях, в каких институциональных условиях и с какими ограничениями в Сербии и в Республике Сербской.

Базовым является тезис о том, что невоенное влияние не сводится ни к пропаганде, ни к «мягкой силе» в узком смысле работ Дж. Ная¹¹, а представляет собой комбинацию ресурсов, институтов, нарративов и практик, которая становится эффективной лишь при наличии благоприятной среды восприятия.

Вызовы безопасности в Сербии и Республики Сербской

В настоящее время Сербия и Республика Сербская сталкиваются прежде всего с невоенными вызовами безопасности. В энергетической сфере речь идёт о санкционном давлении, направленном на сокращение их доступа к российским энергоносителям. Существенной проблемой остаются и киберугрозы: летом 2025 г. Министерство юстиции Сербии сообщило о масштабных атаках на судебную систему (с территории Украины и Венгрии) и квалифицировало их как элемент гибридного воздействия на страну¹².

Дополнительным источником напряжённости остаётся и концепт Сербского мира¹³, который развивается в условиях оспаривания сербского суверенитета, политической субъектности, идентичности и самого факта своего существования.

Сохраняющиеся замороженные конфликты (прежде всего продвижение Западом непризнанной республики Косово в международные организации и попытки централизации Боснии и Герцеговины посредством внешнего протектората¹⁴) поддерживают хроническую нестабильность в регионе. При этом евро-атлантическая архитектура безопасности не снимает существующих противоречий, а во многом усиливает общественно-политический раскол в Сербии и Республике Сербской по вопросам евроинтеграции и дальнейшего расширения НАТО. Кроме того, новым фактором дестабилизации стало формирование в 2025 г. трёхстороннего оборонного союза Албании, Хорватии и Косово: 18 марта в Тиране стороны подписали декларацию о сотруд-

¹¹ *Nye J.S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics.* N.Y.: PublicAffairs, 2004. – 192 p.

¹² Минюст Сербии заявил об атаках на судебную систему хакеров с Украины и из Венгрии // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24650737>

¹³ Декларација о заштити националних и политичких права и заједничкој будућности српског народа // URL: [https://www.predsednik.rs/pres-centar/saopstenja/deklaracija-o-zastiti-nacionalnih-i-politickih-prava-i-zajednickoj-buducnosti-srpskog-naroda](https://www.predsednik.rs/pres-centar/saopštenja/deklaracija-o-zastiti-nacionalnih-i-politickih-prava-i-zajednickoj-buducnosti-srpskog-naroda)

¹⁴ С 2021 года легитимность Аппарата Высокого представителя не признаёт Республика Сербская, а Россия и Китай выступают за его упразднение // URL: https://bih.mid.ru/ru/press-centre/news/otvety_ofitsialnogo_predstavatelya_mid_rossii_m_v_zakharovoy_na_voprosy_gazety_faynenshl_tayms_po_bo/

ничестве в оборонной сфере¹⁵, что в Белграде было воспринято как потенциальный вызов региональному балансу.

Президент Сербии А. Вучич прямо заявил, что этот формат вызывает у Белграда серьёзную обеспокоенность¹⁶. На этом фоне сербское руководство активизировало модернизацию вооружённых сил: в частности, было объявлено о закупке китайских авиационных ракет дальностью до 250–400 км и о намерении продолжать обновление высокотехнологичных систем вооружения¹⁷.

В годовщину агрессии НАТО против Югославии бывший министр обороны Сербии А. Вулин заявил, что угроза безопасности Сербии исходит не только от названных стран, но и от всего Североатлантического альянса: «Это не только угрозы от Хорватии, Словении, Албании и так называемого Косово, это угрозы от блока НАТО, членами которого они являются, а так называемое Косово – большая база НАТО. У Сербии нет другого выбора, кроме как вооружаться и укреплять силы»¹⁸.

Вместе с тем страны НАТО активно используют складывающийся кризис безопасности на Балканах для извлечения экономических выгод.

Так, во время визита Э. Макрона в Белград (29 августа 2024 г.) был подписан контракт на покупку 12 новых истребителей *Rafale*.

Помимо самих самолётов, соглашение предусматривает логистический пакет и резервные узлы, а общая стоимость сделки составляет 2,7 млрд евро.

Многие сербские эксперты охарактеризовали эту покупку как вынужденную, отметив, что поставки будут долгими – Сербия получит самолёты не раньше 2028–2029 гг. По их мнению, более предпочтительным вариантом для Белграда были бы российские самолёты, которые выгоднее по соотношению цены и качества, чем западные и даже китайские аналоги. Однако из-за давления Запада Сербия пошла на убыточную для себя сделку с Францией¹⁹.

В то же время Турция руководствуется ещё более прагматическим подходом, вооружая сразу все стороны потенциального конфликта.

Так, Анкара усиливает своё военное-техническое присутствие на Балканах прежде всего через беспилотники и сопутствующую помощь:

- Косово в 2023 г. закупило турецкие *Bayraktar*²⁰;
- Албания уже имела такие дроны.

¹⁵ Сокольникас И. Албания, Хорватия и Косово подписали трёхстороннее оборонное соглашение // Парламентская газета. 2025. 18 марта.

¹⁶ Вучич: Хорватия, Албания и Косово создают альянс для нападения на Сербию // Ведомости. 2026. 14 марта.

¹⁷ NATO-partner Serbia admits buying Chinese missiles after photos leaked // URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/nato-partner-serbia-admits-buying-chinese-missiles-after-photos-leaked-2026-03-13/>

¹⁸ Вулин назвал причины перевооружения Сербии // URL: <https://ria.ru/20260324/serbiya-2082525912.html>

¹⁹ Эксперт прокомментировал покупку Сербией истребителей Rafale у Франции // URL: <https://ria.ru/20240831/serbiya-1969627601.html>

²⁰ В Косово приняли на вооружение турецкие дроны Bayraktar // URL: <https://www.rbc.ru/gbcfreenews/64b41ee59a79472c909501e3>

В октябре 2024 г. Эрдоган пообещал Тиране ещё и партию ударных дронов-камикадзе²¹.

В Боснию и Герцеговину Турция в 2025 г. передала два *Bayraktar TB2* вместе с наземными станциями управления и подготовкой персонала²².

Получается, что кризис безопасности на Балканах является для стран НАТО не столько военно-политическим вызовом на одном из периферийных фронтов противостояния Запада и России, сколько механизмом получения экономических выгод.

Невоенные аспекты безопасности – основа сотрудничества Русского мира и Сербского мира

Перманентный кризис евро-атлантической системы безопасности, который обострился на фоне ближневосточного конфликта, актуализировал поиск иных моделей взаимодействия на пространстве Евразии. В этой логике продвигаемая Россией и поддерживаемая рядом государств инициатива новой евразийской архитектуры безопасности понимается как гибкая и децентрализованная система, основанная на суверенном равенстве государств, уважении их политической самостоятельности и признании цивилизационного многообразия. Её базовые установки сформулированы в 2024 г. в «Евразийской хартией многообразия и многополярности в XXI веке»²³.

В том же году, осознавая необходимость новых решений в системе международных отношений, Сербия и Республика Сербская подписали Декларацию о защите национальных и политических прав и общего будущего сербского народа²⁴.

В таблице сопоставлены ключевые положения этих документов в сфере безопасности, а также даны положения невоенных аспектов из Стратегий безопасности России²⁵ и Сербии²⁶ (Республика Сербская не имеет отдельного документа). Очевидны возможные формы включения Сербии и Республики Сербской в складывающуюся евразийскую систему безопасности, прежде всего через невоенные механизмы сотрудничества.

²¹ Albania to get kamikaze drones from Turkey – PM Rama // URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/albania-get-kamikaze-drones-turkey-pm-rama-2024-10-10/>

²² Turkish drones in Bosnia and Herzegovina: More than military aid (Bosnia and Herzegovina) // URL: https://www.iletisim.gov.tr/english/dis_basinda_turkiye/detay/turkish-drones-in-bosnia-and-herzegovina-more-than-military-aid-bosnia-and-herzegovina

²³ Заявление Российской Федерации и Республики Беларусь о совместном видении Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturny-prostranstva-sng/1984612/

²⁴ Декларација о заштити националних и политичких права и заједничкој будућности српског народа.

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001>

²⁶ Стратегија националне безбедности Републике Србије // Службени гласник РС. 2019. Бр. 94 // URL: https://www.mod.gov.rs/multimedia/dodaci/prilog1_strategijanacionalnebezbednostirs_srp_1731677306.pdf

Сравнение ключевых положений невоенных аспектов безопасности в доктринальных документах России и Сербии

Невоенный аспект безопасности	Евразийская хартия	Декларация Весербского собрания	Стратегия России	Стратегия Сербии
Политическая безопасность	Многополярность, суверенное равенство, международное право, неделимость безопасности, отказ от навязывания моделей (тезисы 1–5; заключительный блок обязательств)	Дейтонский порядок, военная нейтральность, координация систем безопасности (п. 18, 28, 49)	Суверенитет, гражданский мир, законность, стратегическая стабильность (п. 25(2), 25(3), 26(3), 43–47, 94–98)	Суверенитет, территориальная целостность, внутренняя стабильность, региональный мир, европейская интеграция (разд. 3; 4.1; 4.2; 4.4; 4.5)
Экономическая безопасность	Общевразийское сотрудничество, развитие, использование континентальных механизмов кооперации (тезис о значении Евразии; заключительный блок)	Экономическое сближение Сербии и Республики Сербской, рост товарооборота, единая инфраструктура (п. 42, 47)	Устойчивое развитие, технологическая база, защита от внешнего давления и кризисов (п. 25(5), 26(5), 67–76)	Экономическое развитие, макрокэкономическая стабильность, инвестиции, региональное развитие (разд. 3; 4.6)
Безопасность общества, идентичности и культура	Цивилизационное, культурное и ценностное многообразие как норма мирового порядка (тезисы 1–3)	Сербский язык, кириллица, культурное и духовное единство сербского народа (п. 31)	Традиционные ценности, культура, историческая память, гражданское согласие (п. 25(3)(7), 26(8), 84–93)	Защита сербского народа, меньшинств, культурного, религиозного и исторического идентитета (разд. 4.3)
Энергетическая безопасность	Кооперация в рамках общеевразийских механизмов	Общий инфраструктурный и Хозяйственный контур, база для энергетических проектов (п. 47)	Энергетическая устойчивость как часть Критической инфраструктуры и экономической безопасности (п. 33(17); п. 67–76)	Диверсификация поставок, резервы, рост Производства, возобновляемые источники (разд. 4.6)
Информационная безопасность	Защита многообразия и неприятие навязанных моделей	Язык, письмо, культурная консолидация, работа с диаспорой (п. 31, 48)	Защита информационного пространства, противодействие деструктивному информационному воздействию (п. 25(4), 26(4), 48–57)	Защита данных и реагирование на современные информационные угрозы (разделы об угрозах и мерах политики безопасности)

Анализ стратегических документов показывает, что взаимодействие России, Сербии и Республики Сербской имеет достаточно прочную нормативно-политическую основу, однако реальные формы такого сотрудничества находятся преимущественно вне военной сферы.

В нормативной рамке Евразийской хартии основное значение имеют суверенное равенство, культурно-цивилизационное многообразие, неделимость безопасности и опора на международное право. В Декларации Всесербского собора эти принципы получают региональное выражение – акцентируется внимание на защите Дейтонского порядка, координации действий Сербии и Республики Сербской, военном нейтралитете, а также на языковом, культурном и экономическом единстве сербского пространства.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в свою очередь, трактует безопасность широко, связывая её не только с обороной, но и с защитой суверенитета, гражданского мира, традиционных ценностей, информационной среды, экономической устойчивости. Сербская стратегия исходит из близкой логики, совмещая задачи обеспечения суверенитета, внутренней устойчивости, развития, защиты идентичности.

В целом это позволяет говорить о наличии общего языка безопасности у трёх стран, основанного не на блоковой военно-политической интеграции, а на приоритете суверенитета, общественной устойчивости, идентичности и права на самостоятельную модель развития.

Одним из базовых невоенных измерений безопасности в евразийском контексте выступает экономическая устойчивость. В современной международной системе экономика всё чаще превращается в инструмент политического воздействия через санкционные механизмы, ограничения доступа к финансовой инфраструктуре, контроль технологических цепочек и логистических маршрутов²⁷, а евразийские инициативы предполагают развитие альтернативных расчётных механизмов, диверсификацию торговых связей и реализацию инфраструктурных проектов, способных уменьшить зависимость государств от доминирования отдельных валют и мировых финансовых центров.

Для Сербии и Республики Сербской участие в подобных экономических сетях могло бы означать расширение торговых и инвестиционных возможностей, а также повышение устойчивости их экономик к внешним политическим ограничениям.

Ещё одним направлением невоенной безопасности является формирование транспортно-логистических коридоров, связывающих разные части Евразии.

Балканы, находящиеся на пересечении европейских и ближневосточных маршрутов, способны стать одним из узлов подобных проектов, обеспечивая связь между Центральной Европой, Черноморским регионом и Восточным Средиземноморьем. Включение Сербии в такие инфраструктурные инициативы могло бы усилить её геоэкономическое

²⁷ Тимофеев И.Н. Асинхронная многополярность: векторы развития и параметры управления. Сб. статей. М.: РСМД, 2025. С. 173-178.

значение и одновременно повысить региональную стабильность за счёт взаимозависимости транспортных и энергетических систем.

Не менее важным направлением выступает культурно-гуманитарное сотрудничество. В Декларации Всесербского собора особое внимание уделено сохранению исторической памяти, защите культурной идентичности и поддержанию связей с сербской диаспорой. Евразийская хартия, со своей стороны, подчёркивает значимость культурного многообразия и необходимость уважения цивилизационной специфики различных народов. Совпадение этих установок создаёт основу для взаимодействия в сферах образования, науки, культурного обмена и информационной политики.

Подобные практики могут рассматриваться как элементы «мягкой» безопасности, способствующие укреплению взаимопонимания и снижению конфликтного потенциала.

Существенное место в евразийском подходе занимает и информационно-цифровая безопасность. Распространение киберугроз, манипулятивных практик в медиасреде и масштабных информационных кампаний делает защиту цифровой инфраструктуры одним из ключевых направлений международного сотрудничества.

Для Сербии и Республики Сербской участие в совместных проектах по развитию цифровых технологий, обмену опытом в сфере кибербезопасности и созданию устойчивых

коммуникационных систем могло бы стать дополнительным каналом интеграции в евразийскую архитектуру безопасности.

Контроль над инфраструктурой данных формирует особую «архитектуру зависимости»²⁸, при которой ограниченное число государств и корпораций концентрирует ключевые ресурсы для разработки больших языковых моделей, тогда как остальные вынуждены пользоваться ими на заданных условиях. В этом смысле ИИ способен выполнять функцию «мягкой силы», транслируя культурные нарративы и ценности тех обществ, в которых он создаётся. Как показывают исследования²⁹, крупные языковые модели, обученные преимущественно на англоязычных массивах данных, нередко воспроизводят западноцентричные культурные установки, что усиливает когнитивную асимметрию и зависимость от внешних интерпретаций реальности. В этих условиях развитие собственных специализированных решений и участие в международных механизмах регулирования ИИ могут стать для Сербии и Республики Сербской важными инструментами сохранения цифрового и культурного суверенитета.

Наконец, существенную роль играют механизмы политического диалога и консультаций. В отличие от жёстко институционализированных военных блоков евразийская модель строится как сеть горизонтальных связей между государствами и организациями, включая разнообразные

²⁸ Денисов И.Е. Архитекторы реальности: как языковые модели переписывают правила международной политики // отв. ред. А.А. Байков, М.А. Сучков. М.: ИД МГИМО, 2025. – 32 с.

²⁹ Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion // International Security. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42-79.

региональные форматы сотрудничества³⁰. Такая конфигурация позволяет государствам участвовать в отдельных проектах и инициативах без необходимости вступать в единый союз и брать на себя жёсткие военные обязательства. Для Сербии, традиционно стремящейся балансировать между разными центрами силы, подобная гибкость может оказаться особенно значимой.

Таким образом, сравнение представленных документов позволяет сделать вывод, что потенциальное включение Сербии и Республики Сербской в евразийскую систему безопасности наиболее вероятно будет развиваться через невоенные формы взаимодействия: экономические, инфраструктурные, гуманитарные и информационные. Именно

эти механизмы способны сформировать устойчивую основу для долгосрочной стабильности, одновременно сохраняя для участников политическую автономию и культурную самобытность в условиях становления многополярного мирового порядка.

Премьер-министр Венгрии В. Орбан прав: современная Европа находится в состоянии хаоса из-за конфликтов на Украине и Ближнем Востоке, непредсказуемости США и разрушения прежнего мирового порядка³¹. В этих условиях идея новой системы безопасности, предложенная в Евразийской хартии, может рассматриваться как ответ на запрос, существующий не только на Балканах, но и в пространстве Европейского союза.

Социология подтверждает, что российское влияние в Сербии и Республике Сербской существенно превышает свой экономический вес и реализуется прежде всего в символическо-политической плоскости.

По данным исследования «Китай и Россия в общественном мнении Сербии» (апрель 2025 г.), Россия была названа главным политическим партнёром Сербии (44,2% опрошенных против 39,5% респондентов, назвавших Евросоюз).

При этом в экономической сфере на доминирующую роль ЕС указали более 60% респондентов, а России – лишь 12,7%.

Такая асимметрия показательна: внешние акторы говорят с сербским обществом на принципиально разных языках. Европа – на языке финансовых транзакций, а Россия апеллирует к сербским гражданам через политическое воображение и идентитарную солидарность³².

Новейшие данные подтверждают замеры прошлых лет.

В 2021 г. против вступления в ЕС, «если бы оно привело к ухудшению отношений с Россией», в Сербии высказались бы 58% респондентов, за – 28%.

³⁰ Тимофеев И. Архитектура евразийской безопасности: генезис, принципы и возможные направления развития // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti-genezis-printsipy-i-vozmozhnye-napravleniya-razvitiya/>

³¹ Орбан: в Европе царит хаос // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26756643>

³² Rašeta D., Milić D., Mladenović M., Radnić L., Kostić M. Kina i Rusija u javnom mnjenju Srbije: mediji i stavovi građana. Dvomesetni pregled, januar 2025 – april 2025. Beograd, 2025. P. 17 // URL: <https://novitreciput.org/wp-content/uploads/2025/04/Kina-i-Rusija-u-javnom-mnjenju-Srbije.pdf>

Сходные позиции наблюдались и в Республике Сербской: в 2021 г. роль Сербии в современных международных отношениях положительно оценивали 70% респондентов РС, роль России – 63%, тогда как политику США 51% опрошенных воспринимали отрицательно³³. Отечественное исследование 2025 г. тоже подтверждает, что среди сербов в Боснии и Герцеговине преобладают евроскептические настроения: 49% сербов выступают против евроинтеграции БиГ (в поддержку высказываются лишь 29%), т. е. «в случае сербов это маркер сопротивления “диктату” ЕС в БиГ, в первую очередь, в отношении статуса РС»³⁴.

Проведённое исследование показывает, что дискурсивная сила России на Балканах функционирует как ресурс невоенной безопасности.

Как замечают российские исследователи, «текущий кризис ещё больше подчеркнул глубокую зависимость Западных Балкан от внешних по отношению к ним сил. В то же время именно кризис открыл возможность выбора государственно ориентированной траектории в марафоне балканских наций: у многих из них ещё есть шанс занять достойное место в рождающемся многополярном мире»³⁵.

Новая система безопасности Евразии, за которую выступает Россия, не отменяет институциональных и экономических связей Балканского региона с Европейским союзом, но формирует устойчивые рамки восприятия, в которых нейтралитет, суверенитет, православная солидарность и сопротивление внешнему давлению интерпретируются как более значимые гарантии безопасности, чем формальная интеграция в западные структуры.

Библиография

Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Западные Балканы: внешние игроки в преддверии и в ходе текущего кризиса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 678-688.

Денисов И.Е. Архитекторы реальности: как языковые модели переписывают правила международной политики // отв. ред. А.А. Байков, М.А. Сучков. М.: ИД МГИМО, 2025. – 32 с.

Заявление Российской Федерации и Республики Беларусь о совместном видении Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1984612/

Зиновьева Е.С. Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4. С. 27-47.

³³ Public Opinion Research in Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Montenegro, North Macedonia, Serbia and Slovakia. 2021. P. 22-26 // URL: <https://www.ndi.org/sites/default/files/REAPPS2021researchpublicversion.pdf>; Public Opinion Poll: Bosnia and Herzegovina. 2021. P. 11 // URL: https://www.ndi.org/sites/default/files/BiHpoll_DC%20Presentation.pdf

С 2016 г. деятельность в России американской НПО «Национальный демократический институт международных отношений» (NDI) признана нежелательной.

³⁴ *Энтина Е.Г.* 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? С. 26.

³⁵ *Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г.* Западные Балканы: внешние игроки в преддверии и в ходе текущего кризиса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 687.

- Насыров И.Р.* Нематериальные ресурсы парадипломатии в российской внешней политике // *Обозреватель–Observer*. 2025. № 2. С. 63-75.
- Пономарева Е.Г.* США на Балканах: эволюция присутствия // *Обозреватель–Observer*. 2025. № 6. С. 21-37.
- Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С.* Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры. М.: Проспект, 2024. – 424 с.
- Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В.* Кино – инструмент когнитивной войны // *Обозреватель–Observer*. 2024. № 1. С. 41-57.
- Пономарева Е.Г., Фролов А.В.* Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 2. С. 43-44.
- Райнхардт Р.О., Мозебах В.А.* Институциональные рамки и современные практики российской научной дипломатии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. Т. 15. № 5. С. 208-225.
- Рябов Д.А.* Информационная составляющая гибридной войны // *Обозреватель–Observer*. 2024. № 5. С. 19-35.
- Сокольников И.* Албания, Хорватия и Косово подписали трёхстороннее оборонное соглашение // *Парламентская газета*. 2025. 18 марта.
- Тимофеев И.* Архитектура евразийской безопасности: генезис, принципы и возможные направления развития // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti-genezis-printsipy-i-vozmozhnyie-napravleniya-razvitiya/>
- Тимофеев И.Н.* Асинхронная многополярность: векторы развития и параметры управления. Сб. статей. М.: РСМД, 2025. С. 173-178.
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001>
- Энтина Е.Г.* 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? М.: Зебра Е, 2025. – 392 с.
- Декларација о заштити националних и политичких права и заједничкој будућности српског народа // URL: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/saopstenja/deklaracija-o-zastiti-nacionalnih-i-politickih-prava-i-zajednickoj-buducnosti-srpskog-naroda>
- Стратегија националне безбедности Републике Србије // Службени гласник РС. 2019. Бр. 94 // URL: https://www.mod.gov.rs/multimedia/dodaci/prilog1_strategijanacionalnebezbednostirs_srp_1731677306.pdf
- Caprile A., Stanicek B.* Russia and the Western Balkans: Geopolitical confrontation, economic influence and political interference // URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2023\)747096](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2023)747096)
- Cuppuleri A., Veliu Ashiku L.* The Multidimensional Soft Power of Illiberal States: Russia in the Western Balkans // *Nationalities Papers*. 2024. Vol. 52. № 4. P. 761-781.
- Farrell H., Newman A.L.* Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42-79.
- Jackson T., Jeffrey A.* Improvising regions: diplomatic practices between Russia and the Republika Srpska // *Territory, Politics, Governance*. 2021. Vol. 9. № 4. P. 536-556.
- National Security Strategy of the Republic of Serbia. Belgrade, 2019 // URL: https://www.mod.gov.rs/multimedia/dodaci/prilog2_strategijanacionalnebezbednostirs_eng_1731678276.pdf
- Nye J.S. Jr.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: PublicAffairs, 2004. – 192 p.

Račeta D., Milić D., Mladenović M., Radnić L., Kostić M. Kina i Rusija u javnom mnjenju Srbije: mediji i stavovi građana. Dvomesечni pregled, januar 2025 – april 2025. Beograd, 2025 // URL: <https://novitreciput.org/wp-content/uploads/2025/04/Kina-i-Rusija-u-javnom-mnjenju-Srbije.pdf>

Vukomanović M. Political Orthodoxy as a Source of Soft Power in Russia and Serbia // *Теме*. 2024. Vol. 48. № 1. P. 1-18.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2026 г.

Статья принята к публикации 9 апреля 2026 г.

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2026 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: +7-495-951-22-25

Экономическая провокация – инструмент геоэкономического противоборства

Полина СОКОЛОВА

В современной системе международных отношений прямое военно-силовое противостояние всё чаще уступает место гибридным методам, среди которых особое значение приобретают инструменты экономического давления. Внезапные торговые ограничения, скоординированные атаки на валютные рынки или провокационные заявления, вызывающие финансовую панику, стали привычным элементом геоэкономического соперничества¹. Подобные действия в медиа и политическом лексиконе всё активнее обозначаются термином *экономическая провокация*.

Однако несмотря на растущую частоту употребления, чёткое научное содержание этого понятия остаётся неопределённым. Отсутствие однозначной дефиниции, критериев идентификации и системной классификации превращает экономическую провокацию в удобный публицистический ярлык, но не в рабочий аналитический инструмент. Это создаёт существенную проблему как для академического анализа природы современных экономических конфликтов, так и для выработки адекватных ответных мер на государственном уровне.

Фрагментарность теоретического осмысления этого феномена связана с его пограничным положением на стыке нескольких дисциплин. С одной стороны, он укоренён в классической теории политической провокации как

СОКОЛОВА Полина Александровна – ведущий специалист кафедры международного сотрудничества и управления факультет международных отношений и бизнеса Института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. *E-mail*: sokol.pol2000@mail.ru

Ключевые слова: экономика, провокация, торговая война, санкции, экономическое давление, гибридные войны.

¹ *Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А.* Специфика ведения информационной войны // *Власть*. 2014. № 10. С. 73.

действия, направленного на вызов прогнозируемой и выгодной реакции², а с другой – непосредственно связан с концептом экономической войны, понимаемой как реализация политических целей экономическими средствами³. Глубинный симбиоз политики и экономики в глобальном масштабе, когда политические решения немедленно находят отклик на рынках, а значимые экономические действия несут мощный политический заряд⁴, делает изучение экономической провокации не просто релевантным, а необходимым.

Из вышеизложенного следует, что для преодоления существующего концептуального вакуума требуется систематизация данного феномена. Целесообразно провести операционализацию понятия «экономическая провокация» через формулирование рабочего определения и построение многоаспектной типологии, охватывающей цели, акторов, уровни и основные методы его реализации.

Генезис концепта: от политической провокации к экономическому измерению

Фундамент понимания экономической провокации заложен в общей теории провокации, которая коренится в базовых механизмах социальной коммуникации. В её основе лежит универсальная стратегия, при которой инициатор привлекает выгоду не из первоначального акта, а из прогнозируемой ответной реакции объекта.

Российский конфликтолог А.В. Дмитриев даёт точное определение, отмечая, что «в самом общем виде провокацию можно понимать как действие одной стороны, направленной на вызов прогнозируемой и выгодной для неё реакции другой стороны»⁵.

В сфере политики эта общая схема обретает специфические черты, эволюционируя из простого манипулятивного приёма в сложный технологический инструмент борьбы за власть и влияние.

Согласно С.А. Семедову и П.А. Соколовой, «политическая провокация представляет собой один из приёмов, используемый для политической борьбы или манипуляции, включающий в себя набор специально организованных ситуаций подрывного характера, целью которых является вызов определённого спектра эмоций, необходимых действий или ответных мер со стороны политического про-

² Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Провокация. Введение в теорию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 20.

³ Титова Е.О. Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2006. Т. 64. С. 116.

⁴ Шевченко Б.И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире // Экономический журнал. 2016. № 3. С. 113.

⁵ Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Провокация. Введение в теорию. С. 20.

тивника»⁶. Её ключевым отличием от простой манипуляции является агрессивная, наступательная природа, направленная на принуждение противника к саморазрушительным шагам.

Однако в современных условиях арсенал политического воздействия давно вышел за рамки чисто информационных или силовых операций. Для достижения геополитических целей субъекты международных отношений всё активнее прибегают к инструментам экономического давления. Эта трансформация стала возможной и необходимой благодаря фундаментальному сращиванию политической и экономической сфер, которое является системообразующей чертой современной мирополитической архитектуры, когда наблюдается глубинный симбиоз: «Политика экономизируется, экономика политизируется»⁷. Происходит качественное изменение взаимосвязи: «мировая политика и мировая экономика выступают в международной предпринимательской деятельности в едином блоке, меняясь местами в качестве субъекта и объекта»⁸.

В результате любые значимые экономические действия несут в себе мощный политический заряд, а политические решения немедленно находят отклик в экономиче-

ской плоскости. Именно поэтому попытки отыскать примеры сугубо экономических провокаций, лишённых политической подоплёки, в разрезе международных отношений оказываются тщетными.

Следовательно, происходит закономерная эволюция и специализация инструментария: классические приёмы политической провокации адаптируются и находят своё прямое применение в экономической сфере^{9, 10}.

Информационная атака или создание управляемого кризиса доверия получают новое, более изощрённое воплощение в виде целенаправленных информационных вбросов, влияющих на курсы валют и капитализацию компаний или в виде инициирования расследований против компаний-конкурентов под надуманными предлогами.

Фактически экономическая провокация в мировом масштабе состоит на службе у политики, выступая современным, высокоэффективным и зачастую денационализированным инструментом реализации политических интересов. Этот переход от политической провокации к экономической создаёт потребность в чётком концептуальном оформлении последней, что требует обращения к смежному концептуальному полю – теории экономической войны.

⁶ Семедов С.А., Соколова П.А. Политические провокации в эпоху социальных сетей // Вестник Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. Серия: Политология. Международные отношения. 2025. Т. 16. № 2. С. 59.

⁷ Шевченко Б.И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире С. 113.

⁸ Там же.

⁹ Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Провокация. Введение в теорию.

¹⁰ Семедов С.А., Соколова П.А. Политические провокации в эпоху социальных сетей.

Определение сущности экономической провокации

Для концептуального оформления экономической провокации необходим прочный теоретический фундамент, который предоставляет теория экономической войны, которая служит не просто отправной точкой, а важнейшей методологической основой, задающей системный контекст, в рамках которого провокационные тактики обретают стратегический смысл¹¹.

В современной научной литературе, несмотря на отсутствие канонического определения, укоренился подход, рассматривающий экономическую войну как реализацию политических целей экономическими средствами¹².

Это определение является одновременно ёмким и операциональным: оно, с одной стороны, чётко указывает на подчинённость экономических действий политическому замыслу, а с другой – позволяет выделять в рамках широкой стратегии отдельные дискретные акции, необязательно ведущие к тотальному противостоянию, но нацеленные на достижение конкретных тактических преимуществ. Именно на этом стыке – между масштабной стратегией экономической войны и точечным инструментарием политической провокации – и формируется концепт экономической провокации.

Отталкиваясь от приведённых дефиниций политической провокации и фундаментального принципа подчинённости экономики политическим интересам, можно сформулировать следующее определение:

Экономическая провокация – это умышленное, часто демонстративное или, наоборот, скрытное действие субъекта (государства, корпорации, финансовой группы) в экономической, финансовой или нормативной сфере, рассчитанное на предсказуемую негативную реакцию объекта, с целью создания для него невыгодных условий и извлечения собственной выгоды из последствий этой реакции. Выгода от таких действий может быть различна, например, получение конкурентных преимуществ, дестабилизация рынков или оправдание последующих собственных действий.

Данное определение фиксирует ключевые родовые признаки провокации (умышленность, расчёт на ответную реакцию, извлечение выгоды из последствий), но транслирует их в экономическую плоскость, определяя и предметную сферу (экономика, финансы, нормативное регулирование), и круг потенциальных акторов.

Сформулированное понятие позволяет отделить экономическую провокацию как от обычной конкурентной борьбы, движимой сугубо рыночной логикой, так и от актов прямой экономической агрессии или полномасштабной экономической войны, выделив её в самостоятельный объект научного анализа. Оно охватывает широкий спектр действий – от демонстративного введения завышенных пошлин до скрытых операций по дестабилизации валютного рынка – и даёт чёткие критерии для их идентификации в современной международной практике.

¹¹ Курочкин Ю.С. Экономическая война. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. С. 413.

¹² Титова Е.О. Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии С. 116.

Типология экономических провокаций: цели, акторы и методы

Сформулированное определение задаёт концептуальные рамки, однако для прикладного анализа феномена необходима его системная типологизация. В отличие от масштабных задач полномасштабной экономической войны цели экономической провокации часто носят тактический и сфокусированный характер¹³. На основе синтеза теоретических наработок и анализа современных конфликтов можно выделить следующий спектр ключевых целей:

- стратегическое ослабление экономического потенциала конкурента;
- дискредитация и нанесение репутационного ущерба;
- дестабилизация товарных, финансовых или валютных рынков;
- создание искусственного дефицита или избытка для контроля над ценами;
- спекулятивное обогащение на краткосрочной волатильности;
- срыв конкретных выгодных сделок или проектов противника.

Интегрирующей, высшей целью при этом остаётся достижение политических результатов – от изменения внешнеполитического курса объекта до легитимизации собственных агрессивных действий.

Достижение этих целей осуществляется конкретными акторами на различных уровнях. Для систематизации анализа целесообразно выделить три операционных уровня, адаптировав традиционную эконо-

мическую схему к реалиям конфликтного взаимодействия:

1. Макроуровень (государственный) – противостояние национальных правительств и центральных банков, где типичным инструментом выступает «тарифная провокация» — внезапное введение завышенных пошлин.

2. Мезоуровень (отраслевой/корпоративный) – противостояние между транснациональными корпорациями, их альянсами или отраслевыми ассоциациями, например, для создания искусственного дефицита на глобальном рынке.

3. Микроуровень (межкорпоративный) – локальные столкновения отдельных компаний с использованием методов недобросовестной конкуренции¹⁴.

Арсенал методов экономических провокаций эволюционирует, заимствуя и адаптируя инструментарий экономической войны к точечным операциям. Условно его можно разделить на несколько ключевых направлений, каждое из которых обладает специфическим механизмом воздействия:

- информационные провокации – вброс ложной информации, манипулятивные заявления официальных лиц, направленные на формирование определённых рыночных ожиданий и провокацию панических реакций;
- нормативно-правовые провокации – внезапные и спорные с правовой точки зрения запреты, рассле-

¹³ Казанцев С.В. Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2019. С. 7.

¹⁴ Гладкий А.А. Обман и провокации в малом и среднем бизнесе. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. С. 120.

дования и иски против компаний или целых стран, часто инициируемые через международные организации;

– тарифные и торговые провокации – демонстративные угрозы или реальное введение завышенных пошлин, квот, эмбарго¹⁵, а также организация точечных торговых блокад;

– финансовые провокации – целенаправленные атаки на национальную валюту, манипуляции с гособлигациями, замораживание активов или блокировка денежных переводов¹⁶;

– организация корпоративных атак – методы, исторически используемые в бизнес-среде, но выведенные на государственный уровень (промышленный шпионаж, целенаправленная «утечка умов»¹⁷, кибер-

атаки на критическую инфраструктуру, поддержка недружественных поглощений).

Примечательно, что методы, используемые на микро- и мезоуровне, находят своё прямое отражение в арсенале государств. Это подтверждает тезис о глубоком переплетении экономики и политики, где тактики корпоративной войны легко масштабируются до инструментов геэкономического противостояния. Современные экономические провокации всё чаще используют сложные скрытно-дестабилизирующие технологии, включая целенаправленные кибератаки и технологии когнитивного воздействия (*high-hum*)¹⁸, что отражает общую тенденцию к дематериализации инструментов экономического принуждения.

Эмпирический анализ: криптовалютный кризис октября 2025 года как экономическая провокация

Предложенный теоретический аппарат позволяет верифицировать концепт экономической провокации на конкретном материале.

События, связанные с заявлениями президента США Д. Трампа о китайских пошлинах и последовавшим обвалом крипторынка 10–11 октября 2025 г., при тщательном рассмотрении обнаруживают все ха-

рактерные признаки тщательно спланированной экономической провокации¹⁹, где информационное воздействие стало ключевым дестабилизирующим механизмом.

Непосредственным контекстом стал очередной виток торгового противостояния США и Китая, обострённый решением Министерства коммерции КНР от 9 октября 2025 г.

¹⁵ Экономические войны и экономические санкции // Военное обозрение. 2015. 4 февраля.

¹⁶ Чичканов В.П., Сухарев О.С. Экономическая война против России: методы проведения и противодействие // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2022. № 1. С. 73.

¹⁷ Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А. Специфика ведения информационной войны. С. 73.

¹⁸ Смирнова О.О. Когнитивные технологии экономических войн // Теневая экономика. 2023. Т. 7. № 4. С. 376.

¹⁹ Кочетов А. Анатомия Апокалипсиса: почему крипторынок на самом деле рухнул в октябре 2025 (и дело не только в Трампе) // Дзен. «Кочетов Алексей». 15.10.2025 // URL: https://dzen.ru/a/aO6DlLx_mwuzcE4K

вести строгие ограничения на экспорт редкоземельных металлов²⁰. Ответ Д. Трампа, обнародованный через социальную сеть *Truth Social* в ночь на 11 октября, явно превышал рамки обычной дипломатической реакции. Его заявление о готовящемся введении стопроцентных дополнительных пошлин на все китайские товары с 1 ноября 2025 г. содержало элементы ультимативности, непропорциональности и было рассчитано на паническую реакцию рынков.

Анализ совокупности факторов с высокой долей вероятности указывает на продуманную демонстративно-силовую экономическую провокацию, направленную на создание управляемого хаоса на финансовых рынках, извлечение спекулятивной прибыли из искусственной волатильности и оказание максимального психологического давления на китайское руководство. Расчёт строился на предсказуемой панической реакции инвесторов, традиционно выводящих капитал из рискованных активов, включая криптовалюты, в периоды геополитической нестабильности. Особую доказательную силу провокационной гипотезе придают три ключевых обстоятельства:

– во-первых, *временной фактор*: публикация была сделана в пятницу вечером по американскому времени, когда ликвидность рынков мини-

мальна, что гарантировало катастрофические колебания курсов;

– во-вторых, *данные об аномальной активности*, так как необычно высокие объёмы продаж, начавшиеся за час до официального заявления, свидетельствуют о возможном использовании инсайдерской информации²¹;

– в-третьих, *последующий отказ от угроз*. Скорый отказ Трампа от реализации объявленных пошлин²² ставит под вопрос искренность первоначальных намерений, превращая заявление в разовую провокацию с чётко ограниченными во времени целями.

Результаты полностью подтвердили провокационный характер акции. Совокупный объём ликвидированных позиций на крипторынке превысил 19 млрд долл., а более 1,4 млн трейдеров понесли убытки, в то время как отдельные участники рынка заработали на падении до 88 млн долл.²³

Личная вовлечённость Д. Трампа и его семьи в криптоиндустрию добавляет данному кейсу дополнительные основания для рассмотрения через призму концепта экономической провокации²⁴.

Совокупность факторов – экстремальность и временные параметры заявления, аномальная рыночная активность до его публикации, последующий отказ от угроз и личная

²⁰ Кочетов А. Анатомия Апокалипсиса: почему крипторынок на самом деле рухнул в октябре 2025 (и дело не только в Трампе).

²¹ Там же.

²² Трамп передумал вводить 100% тариф для Китая. Как реагирует крипторынок // Trading View, 17.10.2025 // URL: <https://ru.tradingview.com/news/beincrypto:6ec79448a67b8:0/>

²³ Кильдюшкин Р. Анонимный трейдер заработал \$88 млн на криптовалюте во время «Трамп-краха» // Газета.ру. 12.10.2025 // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/10/12/26939258.shtml?updated>

²⁴ Кузьминчева А. Как Дональд Трамп связан с криптовалютами. Карточки // РБК. 03.06.2025 // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/683ec4a39a79472f6ecdbd71>

заинтересованность инициатора – с высокой степенью вероятности указывает на то, что события октября 2025 г. представляют собой класси-

ческий случай экономической провокации, адаптированной к реалиям цифровой экономики и высокочастотных финансовых рынков.

Таким образом, проведённое исследование позволяет не только конкретизировать понятийный аппарат, но и сделать ряд выводов, значимых для понимания логики современного межгосударственного соперничества.

Во-первых, экономическая провокация утверждается в качестве ключевого тактического элемента гибридного противоборства, эффективно заполняющего пространство между обычной конкурентной борьбой и полномасштабной экономической войной. Её растущая распространённость свидетельствует о сдвиге в методах достижения политических целей в сторону управляемой, дозированной конфронтации, где важнейшим ресурсом становится способность контролировать и провоцировать ситуативную нестабильность.

Во-вторых, предложенная типология выявляет тревожную тенденцию к конвергенции и взаимному усилению методов, используемых на разных уровнях. Техники корпоративного шпионажа или информационные атаки, отработанные в бизнес-среде, теперь легитимизируются и масштабируются на государственном уровне, а инструменты государственного экономического принуждения, в свою очередь, приватизируются и используются негосударственными акторами. Это стирает традиционные границы между войной и бизнесом, создавая принципиально новую, гибридную среду для силового взаимодействия.

В-третьих, анализ кейса 2025 г. демонстрирует, что цифровая сфера и децентрализованные финансовые рынки становятся приоритетным полигоном для экономических провокаций нового поколения. Скорость распространения информации, автоматизация торговли и глобальный характер крипторынков многократно усиливают провокационный потенциал единичного заявления, превращая его в инструмент моментального глобального воздействия. Это ставит перед государствами и регуляторами новую комплексную задачу: разработку механизмов оперативного распознавания и нейтрализации подобных атак в условиях, когда традиционные правовые и операционные рамки запаздывают.

Следовательно, разработанный в статье концептуальный аппарат – определение, типология, критерии идентификации – является не только средством научного анализа, но и необходимым фундаментом для практического реагирования. Дальнейшее изучение феномена видится в углублённом анализе превентивных мер и стратегий устойчивости экономических систем, способных минимизировать ущерб от подобных целенаправленных дестабилизирующих воздействий, которые, судя по всему, будут лишь нарастать в обозримой перспективе.

Библиография

- Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А.* Специфика ведения информационной войны // *Власть*. 2014. № 10. С. 72-79.
- Гладкий А.А.* Обман и провокации в малом и среднем бизнесе. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 192 с.
- Дмитриев А.В., Сычёв А.А.* Провокация. Введение в теорию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. – 337 с.
- Казанцев С.В.* Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2019. – 99 с.
- Курочкин Ю.С.* Экономическая война. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. – 1191 с.
- Семедов С.А., Соколова П.А.* Политические провокации в эпоху социальных сетей // *Вестник Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. Серия: Политология. Международные отношения*. 2025. Т. 16. № 2. С. 57-68.
- Смирнова О.О.* Когнитивные технологии экономических войн // *Теневая экономика*. 2023. Т. 7. № 4. С. 369-390.
- Титова Е.О.* Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2006. Т. 64. С. 114-124.
- Чичканов В.П., Сухарев О.С.* Экономическая война против России: методы проведения и противодействие // *Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России*. 2022. № 1. С. 71-75.
- Шевченко Б.И.* Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире // *Экономический журнал*. 2016. № 3. С. 103-116.
- Экономические войны и экономические санкции // Военное обозрение*. 2015. 4 февраля.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 19 февраля 2026 г.

Внешняя политика России в Африканском регионе

Новые подходы к российско-африканским отношениям

Станислав АГУРЕЕВ

Поиск новых подходов к российско-африканским отношениям

В последние годы, когда в российской внешней политике стал очевидным «разворот на Восток» к странам Глобального Юга, проблема политических и экономических изменений на Африканском континенте приобрела особую актуальность, появился ряд новых партнёрств в торгово-экономических отношениях, расширилась география взаимоотношений и визитов первых лиц Российского государства в страны региона. На первый план вышла экономика, в которой наиболее важную роль сегодня играет выстраивание африканской повестки с опорой на сотрудничество в сфере энергетики, торговли, развитии транспортной инфраструктуры, а также в военно-технического и

научной областях¹. Серьёзно конкретизированы и задачи по расширению экономического взаимодействия со странами региона.

Так, весьма амбициозной задачей является постепенный выход в 2026 г. на торговый оборот со странами континента в 40 млрд долл.

Не следует забывать, что сегодня Африка обладает очень важным рынком для российских товаров и большим потенциалом в энергетической сфере.

В настоящее время Африка – это динамично развивающийся континент с огромными ресурсными и логистическими возможностями, большим человеческим потенциалом.

АГУРЕЕВ Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МГИМО МИД России. *E-mail*: stas.agureev@mail.ru

Ключевые слова: Африканский регион, политика России в Африке, принципы нового партнёрства.

¹ План действий Форума партнёрства Россия – Африка на 2023–2026 гг. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5971>

Африка, по мнению российского эксперта, «развивается самыми быстрыми темпами среди всех макро-регионов мира. Уже к 2020–2030 гг. континент станет главным источником трудовых ресурсов, покупательского спроса и природных возможностей для развития мировой экономики, т. е. на долгосрочную перспективу»².

Африканское направление на протяжении последних лет стало стратегическим для многих междуна-родных акторов в условиях обострившейся конкуренции за влияние на континенте. Уже к 2010 г. ВВП африканских стран удвоился, заметные изменения произошли в странах южнее Сахары, где с 1992 г. сменился ряд политических режимов после проведённых демократических выборов. Активную роль играют африканские государства и в создании субрегиональных объединений, наиболее важная роль среди которых принадлежит Африканско-му союзу, САДК, ЭКОВАС^{*3}.

Но самое главное, Африканский континент встал на путь выбора собственной модели развития, уходя от экономической и политической ориентации на развитые страны Запада. Заметной чертой этого стала начавшаяся «деколонизация сознания», появилась заинтересованность африканских акторов к расширению международных экономических и политических связей, активному

развитию «африканской повестки», ориентированной на нужды самого региона. Эти факторы оказали заметное влияние на выработку положений Концепции внешней политики России в отношении африканских стран и оказали влияние на повышение влияния к континенту в её редакциях от 2016 к 2023 г.

В сфере внешней политики между Российской Федерацией и многими африканскими государствами развиваются равноправные партнёрские отношения. Следует отметить большую поддержку со стороны российского политического руководства включению Африканского союза в состав формата G20, совпадения целого ряда принципиальных позиций по построению более справедливого мира на многополярной основе с учётом интересов каждого суверенного государства в противовес глобальному проекту «мира, основанного на правилах», под гегемонией глобального Запада и мондиалистских финансовых структур.

Важным фактором укрепления и развития политических отношений с Африканским континентом в современных условиях является сотрудничество России со странами региона в рамках зерновой сделки (2022 г.). Можно отметить заинтересованность ряда африканских стран в мирном урегулировании украинского конфликта, в частности, ЮАР, Конго, Сенегал, Уганда и др. предло-

² *Абрамова И.О.* Россия – Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 12. С. 3.

³ *Крутько А.А., Агуреев С.А.* Основные приоритеты внешней политики России в странах Африки южнее Сахары: исторический опыт и современные подходы // *Дипломатическая служба*. 2023. Т. 19. № 5. С. 437–447.

* САДК (SADC) – Торгово-экономический союз стран юга Африки.

ЭКОВАС (ECOWAS) – Экономическое сообщество стран Западной Африки.

жили собственные проекты мирного соглашения. В целом Африка выступает весьма активно не только в рамках ООН, но и других международных организаций с собственными инициативами.

Сегодня Африка видит в России прежде всего надёжного партнёра в борьбе с неокOLONиализмом, терроризмом и радикальными группировками, большая роль принадлежит

связям с государствами континента по линии обеспечения безопасности.

Так, именно Россия оказала необходимую помощь Центральной Африканской Республике, а также Мали в борьбе с террористическими группами.

Этот запрос африканских правительств на «экспорт безопасности» стал новым трендом в российско-африканских отношениях.

Особенности новой теории современных российско-африканских отношений

Изменения в подходах российской внешней политики в отношении африканских стран в современных условиях, рост значимости данного направления в целом получил отражение в трудах российских учёных-международников.

Среди них особо следует отметить труды российских учёных-африканистов О.И. Абрамовой, Л.Л. Фитуни⁴, А.А. Маслова и В.Ю. Свиридова⁵, Г.М. Сидоровой⁶, В.М. Татаринцева⁷, авторов коллективного труда по российско-африканским отношениям из Дипломатической академии МИД России⁸.

Опираясь на существующие труды, автор сформулировал положения собственной теории развития российско-африканских отношений на современном этапе. Весьма полезными для определения роли Африканского континента в мировых экономических связях стали экспертные доклады и информационные справочники, содержащие статистические материалы⁹.

Итак, политика России на Африканском континенте претерпела заметную трансформацию: на смену идеологическому подходу пришло понимание выстраивания африканской повестки на основе понимания

⁴ *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.* Новая стратегия России на Африканском направлении // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 12. С. 90-100.

⁵ *Маслов А.А., Свиридов В.Ю.* От созвучия риторики к практическим шагам. Россия и новые задачи в Африке // *Россия в глобальной политике.* 2023. Т. 21. № 2. С. 197-206.

⁶ *Сидорова Г.М.* Россия – Африка: перспективы сотрудничества // *Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения.* 2025. Т. 9. Вып. 1. С. 77-82; *Sidorova G.M.* The African reality within the context of the new world order // *Herald of the Russian Academy of Science.* 2010. Vol. 80. № 5. P. 455-460.

⁷ *Татаринцев В.М.* Африка. Настоящее и будущее. М.: Восток – Запад, 2012. – 392 с.

⁸ *Россия – Африка: стратегическое сотрудничество.* М.: Дипломатическая академия МИД России, 2023. – 324 с.

⁹ *Африка-2023. Возможности и риски.* Информационный справочник. М.: ВШЭ, 2023. – 190 с.; *Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России.* Доклад по итогам ситуационного анализа. М.: Международные отношения, 2021. – 142 с.; *Доклад «Возвращение России в Африку»: стратегия и перспективы.* Международный дискуссионный клуб Валдай. Октябрь, 2019. – 36 с.

значимости развития экономических связей, в том числе и увеличения товарооборота. При этом целесообразно анализировать трансформацию российской внешней политики в отношении государств южнее Сахары и не рассматривать зону Магриба, так как арабский мир имеет свою специфику, политическую культуру и формировался в иных исторических условиях.

Современная теория развития российско-африканских отношений требует комплексного подхода и имеет свою хронологию.

Первый этап российско-африканских отношений – 1991 – начало 2000 г., когда после распада СССР была потеряна прежняя основа отношений с африканскими странами, свёрнуты многие программы экономического и политического сотрудничества и во многом произошла переориентация российской внешней политики на сотрудничество со странами Запада. Логичной датой окончания данного этапа можно считать 2006 г., когда отношения с Африканским континентом стали рассматриваться с точки зрения их целостности и высокой ценности для российской внешней политики в условиях внутреннего экономического подъёма страны после тяжёлого экономического периода. О возросшем интересе и начале возвращения России в Африку свидетельствует и динамика визитов российского президента В.В. Путина в африканские страны, усиление торгово-экономического сотрудничества.

Второй этап (2006–2011 гг.) стал временем укрепления отноше-

ний между Российской Федерацией и африканскими странами, выстраивания приоритетов российской внешней политики в Африканском регионе. А в 2011 г. важной вехой, определившей многие векторы политического и экономического сотрудничества, стало вступление ЮАР в БРИКС. Это событие было своего рода переломным для начала формирования в российском истеблишменте и экспертном сообществе африканской повестки, а ЮАР стала рассматриваться как «ворота России в Африку».

Третий этап (2011–2016 гг.) – это время, когда африканская повестка приобрела институциональное обоснование в рамках Концепции внешней политики России 2016 г., где в качестве важной задачи рассматривалось не только укрепление сотрудничества с государствами континента, но и с международными организациями, где особый приоритет отдавался Африканскому союзу. Несмотря на то что Африканскому региону был уделён раздел в завершающей части Концепции-2016, там указывалось, что «Россия будет расширять разноплановое взаимодействие с африканскими государствами на двусторонней и многосторонней основе»¹⁰. Также в качестве внешнеполитического приоритета была выделена борьба с терроризмом на континенте. Утверждение Концепции-2016 стало значимым шагом по активизации российской внешней политики в Африканском регионе, и, что наиболее показатель-но, наметился поворот к Африке,

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

ставшей частью политики ухода от чисто западного вектора.

Стал логичным продолжением предыдущего этапа *четвёртый этап* (2017–2023 гг.), когда состоялись саммиты Россия – Африка 2019 и 2023 гг. и заметно укрепилось не только экономическое, но и политическое присутствие России в регионе: было серьёзно усилено российское влияние в Центральной и Западной Африке, получили дальнейшее развитие военно-технические связи с государствами континента.

Как указывают российские эксперты-африканисты А.А. Маслов и В.Ю. Свиридов, «Африка приобрела куда большее значение для внешней политики России, чем прежде»¹¹.

Однако на потенциал расширения связей России со странами Африканского континента существенное влияние оказывают и негативные факторы, среди которых политическая нестабильность в ряде стран и насильственная смена политических режимов, экономические проблемы, санкции, вводимые Западом против России, а также усложнение и удорожание логистических маршрутов¹². В то же время даже рост издержек не приводит к снижению российской внешнеполитической активности на африканском треке, что свидетельствует о планомерном и долговременном повороте российской внешней политики к Африканскому региону.

В 2023–2026 гг. можно с уверенностью отметить, что были созданы все необходимые условия для фор-

мирования «нового партнёрства со странами региона». Таким образом, этот хронологический отрезок можно охарактеризовать именно как формирование «новой политики России в Африке».

Отличительными чертами этой политики стали:

- оценка многополярности как альтернативы западной глобалистской идеологии, что совпадает с российскими подходами;

- антинеоколониализм;

- создание пространств безопасности, заинтересованность африканских стран в сохранении суверенитета с опорой на российское присутствие;

- расширение географии и объёма экономических связей с Африкой;

- усиление концепта культурной политики, «мягкой силы» России в отношениях со странами континента;

- укрепление двустороннего партнёрства как с отдельными странами, так и с африканскими региональными организациями при отходе от идеологических стереотипов;

- появление новых партнёрств в регионе, долгое время не являвшихся во времена СССР значимыми приоритетами (в числе такие страны, как Эритрея, Эсватини, Экваториальная Гвинея и др.);

- отказ от идеологической составляющей и переход к прагматизму в выстраивании отношений со странами региона.

Именно указанные черты позволяют говорить о формировании но-

¹¹ Маслов А.А., Свиридов В.Ю. От созвучия риторики к практическим шагам. Россия и новые задачи в Африке. С. 198.

¹² Там же.

вого подхода к развитию отношений России с африканскими странами.

Особенностью российской внешней политики данного периода является дистанцирование от идеологической заданности, конкретизация задач, активизация сотрудничества во всех основных сферах – от экономики и политики до культурных связей и «мягкой силы». В отличие от советской модели сотрудничества «...на первый план выходит повестка устойчивого развития самих африканских стран, обоюдная заинтересованность к увеличению объёма торгово-экономических отношений»¹³.

Приоритетным среди африканских стран является сотрудничество с такими государствами, как ЮАР, Эфиопия, Нигерия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик, Судан, Мали, Центральная-Африканская Республика, Экваториальная Гвинея и др. Однако в последние годы можно отметить и тенденцию по расширению взаимодействия с малыми африканскими странами,

проявившими повышенный интерес к саммитам Россия – Африка 2019 и 2023 гг., результатом чего стало заключение целого ряда соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Поддерживает Россия и формирование африканской повестки в рамках БРИКС, в частности, вступление новых членов в состав организации, что произошло в 2023 г. (Египет и Эфиопия).

Таким образом, внешняя политика России в отношении африканских стран в отличие от конца 80-х – начала 90-х годов становится целостным и самоценным направлением государственной политики, когда конкретизированы приоритетные направления деятельности, увеличивается общее количество российских проектов в регионе, т. е. Африка не является периферийным направлением сотрудничества и представляет собой регион с огромным рынком для российских товаров, большим ресурсным и трудовым потенциалом.

Развитие концепта «мягкой силы» России в Африке

В последние годы активно развиваются и концепты политики «мягкой силы» России в регионе – от отдельных программ изучения русского языка в африканских странах до расширения вещания российских телеканалов. Однако сфера информационной политики в целом требует усиления из-за относительно небольшой осведомлённости африканцев о России, её истории, куль-

туре, традициях. Особое внимание следует уделять и сфере противодействия агрессивной информационной политики коллективного Запада, направленной на дискредитацию российских целей и задач в регионе. Это требует комплексного подхода и наличия специально подготовленных кадров в области информационно-стратегического противоборства.

¹³ Агуреев С.А. Трансформация внешней политики СССР/России в зоне Африканского Рога (1960–2024 гг.) // Обозреватель–Observer. 2025. № 2. С. 45.

Данным целям служит недавнее открытие редакционного центра «Спутник» в Эфиопии при участии председателя Совета Федерации России В.И. Матвиенко (2025 г.)¹⁴.

В последние годы увеличивается приём африканских студентов в российские вузы, во многом улучшается и переосмысливается опыт СССР в подготовке африканских кадров. Совершенствование советского опыта культурной политики в отношении африканских партнёров также является важной задачей для развития связей со странами Африканского континента.

Знаковым событием в отношениях с африканскими странами стала и организация экзархата Русской православной церкви на континенте (2021 г.).

В настоящий момент в Африке действует уже более 200 приходов, ведётся активная просветительская и миссионерская деятельность, оказывается помощь местному населению.

Однако лидером в применении концепта «мягкой силы» в регионе по-прежнему остаётся Китай. Отмечается, что переход КНР от «мягкой силы» к «дискурсивной силе» требует проведения более активной внешней политики. Элементом «дискурсивной силы» КНР в регионе является Форум китайско-африканского сотрудничества (FOAC), где активно используется знакомство африканцев с китайским языком и культурой. Этой

же цели в странах Африки отвечают и многочисленные университеты Конфуция, ставшие крупнейшим китайским образовательным проектом в масштабах континента¹⁵.

Россия в рамках концепта «мягкой силы» опирается как на советский опыт, так и выработку новых подходов к сотрудничеству с африканскими партнёрами. В советский период за счёт массовой подготовки африканских кадров и программ обучения африканских студентов в СССР была создана прослойка грамотных управленцев и инженеров, многие из которых и сегодня оказывают непосредственное влияние на экономику развивающихся стран. «Благодаря сотрудничеству с СССР в африканских государствах сформировался весьма широкий слой экономической и политической элиты, технической, творческой и военной интеллигенции, говоривших на русском языке. Советские общественно-политические и научные издания, учебники на русском языке, а также их переводы регулярно закупались африканскими странами в значительных количествах, поскольку там на них существовал реальный спрос со стороны подготовленных в СССР научно-технических специалистов»¹⁶.

Культурные связи были установлены СССР с 41 государством Африки.

Однако сегодня накопленный в советские годы потенциал близок к исчерпанию, так как прежние

¹⁴ Матвиенко приняла участие в открытии редакционного центра Sputnik в Эфиопии // Сенатинформ // URL: https://senatinform.ru/news/matvienko_prinyala_uchastie_v_otkrytii_redaktsionnogo_tsentra_sputnik_v_efiopii/?ysclid=mlgh7u0im9982910426

¹⁵ Гулянец В.В. Политика Китая в странах Африки: роль стратегии «мягкой силы» // Дипломатическая служба. 2023. Т. 19. № 5. С. 433.

¹⁶ Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на Африканском направлении. С. 92.

кадры, подготовленные в СССР для африканских стран, выходят на пенсию, а их удельный вес в экономике государств уменьшается. Всё это требует выработки комплексных подходов к концепту «мягкой силы» в современных условиях, разработки новых программ подготовки специалистов как в России, так и в самих государствах континента.

Сегодня большую роль в реализации концепта «мягкой силы» играют проекты «Русского дома», а также Российских центров науки и культуры, открытых во многих странах

Африки. Ещё одним немаловажным аспектом «мягкой силы» является сотрудничество с государствами континента в области спорта.

В 2024 г. в Казани состоялись «Игры будущего», участие в которых приняли представители африканских стран.

Расширение российского культурного влияния в последние годы позволило создать основу для дальнейшего партнёрства в культурной сфере и активно способствует формированию положительного образа нашей страны среди африканцев.

Перспективы развития российско-африканских отношений

Сегодня десятки российских компаний успешно работают на континенте.

Среди них Газпром, Русал, Лукойл, Русгидро, Росатом и др.

Россия обладает огромным потенциалом в развитии отношений с африканскими государствами по целому ряду направлений – от строительства дорог и транспортной инфраструктуры до крупных атомных проектов, военно-технического сотрудничества, внедрения образовательных и научных технологий.

Достигнутые в этих сферах результаты получили отражение в Декларации Второго саммита Россия – Африка, где был сделан акцент на долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество с африканским континентом¹⁷.

Как указывают эксперты, «...российские технологии для локальной переработки сырья могут сыграть роль катализатора африканской промышленности»¹⁸. Российские технологии также являются конкурентным преимуществом нашей страны на африканском треке.

Конкурентоспособность российских внешнеполитических и экономических проектов в Африке может быть повышена за счёт инвестиции в кадры, активного участия в создании новых форм коммуникации со странами региона, передачи опыта государственного строительства, развития инфраструктуры африканских государств для расширения российского экспорта. Необходимо Африке и российский опыт в области образования, здравоохранения, правовых институтов.

¹⁷ Декларация Второго саммита Россия – Африка // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5972>

¹⁸ Россия – Африка: стратегическое сотрудничество. С. 194.

Следует обратить внимание и на такие новые тенденции в российской внешней политике, как опора на антиколониализм и пересмотр принципов однополярной системы международных отношений¹⁹. Именно это ведёт к формированию положительного образа российской внешней политики в африканских странах, так как государства континента стремятся к большей суверенизации своей политики и уменьшения экономической зависимости от бывших метрополий. Следует принять во внимание тенденции формирования новой реальности в российско-африканских отношениях, которая определяется кардинальными переменами в политической и особенно экономической жизни государств Африки, которые стремятся к развитию двусторонних связей²⁰.

Среди наиболее приоритетных направлений для работы российских государственных компаний являются:

- энергетика, сельское хозяйство, атомная энергетика;
- строительство железных и шоссейных дорог;
- сфера IT-технологий;
- транспорта и портовой инфраструктуры.

Одним из конкурентных направлений деятельности для российских компаний могут стать авиаперевозки, учитывая большую потребность африканских стран в обеспечении качественного и безопасного авиасообщения. В по-

следние годы на этом треке с успехом работают саудовские и турецкие компании.

Будущее российского присутствия в Африке зависит от активного участия нашей страны в развитии инфраструктурных проектов с соответствующими объёмами капиталовложений. Весьма показательно, что, обладая большим трудовым и ресурсным потенциалом, многие государства Африки по-прежнему сильно нуждаются в электрификации и сетях 5G.

Большим опытом в области телекоммуникаций обладают российские компании, заметным спросом на африканском рынке пользуется технология «умных городов», поэтому реализация этих проектов является делом самого ближайшего будущего.

Огромным потенциалом обладают и российские атомные технологии, учитывая растущие запросы африканцев на строительство атомных станций.

Большим потенциалом обладает и программа развития Африки – «Повестка 2063», что создаёт дополнительные возможности для сотрудничества с Африканским союзом и отдельными странами региона. По-прежнему требуется поддержка небольшим и средним российским компаниям для выхода на африканский рынок. Реализации этой цели способны помочь региональные центры, а также информационное сопровождение их деятельности²¹.

¹⁹ Маслов А.А., Свиридов В.Ю. От созвучия риторики к практическим шагам. Россия и новые задачи в Африке. С. 200.

²⁰ Там же.

²¹ Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на Африканском направлении. С. 98.

Современные отношения Российской Федерации с Африканским континентом приобрели новое качество и стали осмысливаться с точки зрения долговременности и практической значимости африканских стран для внешней политики нашей страны. Большие успехи достигнуты в области развития экономических и политических связей со странами Африканского континента; произошло кардинальное переосмысление всего предыдущего периода отношений, заново расставлены акценты в ключевых сферах сотрудничества.

Это нашло подтверждение в Концепции внешней политики России 2023 г.²² и итоговых документах саммитов Россия – Африка 2019 и 2023 гг., существенно возросло с 2006 г. число контактов между представителями российского и африканского истеблишмента.

Переход российской внешней политики на африканском треке к более активным действиям требует создания новой теории, объясняющей характер развития наших отношений со странами континента. Наиболее важными её чертами являются: ориентация России на многополярность и антиколониализм, создание пространства безопасности на континенте, сохранение суверенитета государств Африки, расширение географии и объёма экономических связей, активизация диалога как с конкретными странами, так и с международными субрегиональными организациями, новое партнёрство при отказе от идеологической составляющей.

Требуется и обоснование этапов сотрудничества, определение логики каждого из них. Дискуссия на эту тему была бы крайне полезна и в плане определения региональных приоритетов, и конкретных сроков их достижения в развитии отношений со странами Африки. По пути выделения региональных и коммерческих целей сегодня идут многие страны и международные организации (КНР, США ЕС).

Ближайшие пять лет станут решающими в деле укрепления российско-африканских отношений. Однако процесс этот не будет простым и уже сопровождается возрастающей конкуренцией со стороны других акторов. В этой связи одной из главных задач является активизация российской информационной политики, противодействие информационной кампании, открытой коллективным Западом против нашей страны на Африканском континенте.

Библиография

- Абрамова И.О.* Россия-Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 3-7.
- Агуреев С.А.* Трансформация внешней политики СССР/России в зоне Африканского Рога (1960–2024 гг.) // Обозреватель–Observer. 2025. № 2. С. 38-49.
- Гулянец В.В.* Политика Китая в странах Африки: роль стратегии «мягкой силы» // Дипломатическая служба. 2023. Т. 19. № 5. С. 431-436.

²² Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Декларация Второго саммита Россия – Африка // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5972>

Крутько А.А., Агуриев С.А. Основные приоритеты внешней политики России в странах Африки южнее Сахары: исторический опыт и современные подходы // Дипломатическая служба. 2023. Т. 19. № 5. С. 437-447.

План действий Форума партнёрства Россия – Африка на 2023–2026 гг. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5971>

Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1>

Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 26 марта 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)

Колонизация сознания – один из инструментов неоколониализма

Полина ХОХЛОВА

Современный неоколониализм эволюционировал от прямого территориального захвата к многогранной системе скрытого доминирования, где экономическая зависимость сочетается с культурным и когнитивным контролем. Колонизация сознания выступает одним из его наиболее изощрённых инструментов, проникая в умы через глобальные нарративы и технологии.

В этой системе колонизация сознания интегрирует все инструменты, превращая субъектов в соучастников своей эксплуатации через идеологическую гегемонию. Колонизация сознания представляет собой систематическое воздействие на культурные, психологические и социальные установки населения стран, которые долгое время находились под колониальным гнётом, испытывают последствия такого прошлого или по какой-либо причине потеряли свой социокультурный суверенитет.

Удивителен тот факт, что колонизация сознания – это словосочетание, которое кажется достаточно экзотичным для политических и исторических наук. Вопреки распространённому ошибочному мнению, термин не новый, исследователи рассматривали проблему колонизации сознания ещё в эпоху существования метрополий и зависимых от них стран. Отчасти «экзотичность» данного понятия можно объяснить его междисциплинарностью; понимание содержания данного термина требует обращения к смежным наукам, политической философии в частности.

ХОХЛОВА Полина Андреевна – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики Дипломатической академии МГИМО МИД России. *SPIN-код*: 8814-5850, *E-mail*: polya-kh-kh@yandex.ru

Ключевые слова: колонизация сознания, неоколониализм, США, Франкофония, СССР, Россия.

Проблема истины в стратегии колонизации сознания

В контексте исследования процесса колонизации сознания необходимо обозначить комплексность и сложность понятия «истина». Это, пожалуй, одна из базовых и самых дискуссионных дефиниций в философии. Сотни лет различные школы политической философии, в зависимости от исторического контекста, по-разному определяли её смысловое содержание.

Немецкий философ, один из ключевых мыслителей XIX в., Ф. Ницше считал идею абсолютной истины иллюзорной, связывая её с волей к власти и особенностями субъективного опыта¹.

Французские философы постструктурализма Ж. Деррида и Ж. Делёз рассматривали познание как бесконечный процесс, где истина – это иллюзия или симулякр².

Таким образом, можно утверждать, что истина для всех разная. Но ещё важнее в рамках исследования колонизации сознания осознавать, что на понимание истины и её формирование у конкретных лиц или даже социальных групп можно влиять извне. Понимание истины не может быть сформировано вне политического, исторического и социального контекста.

Французский философ, историк и социальный теоретик постструктурализма М. Фуко рассматривал истину не как абсолютную, неиз-

менную сущность, а как продукт конкретных исторических, социальных и властных отношений. Его подход радикально отличался от традиционных представлений о знании как о поиске объективной реальности. Истина для Фуко – это не застывшее положение, а «стратегема», орудие в борьбе, формируемое в определённом контексте. В работе «Археология знания» Фуко ввёл понятие дискурсивной формации – совокупности правил и условий, которые определяют, что можно говорить, думать и считать значимым в определённую эпоху³.

Методы когнитивного воздействия описывались в работах Ф. Фанона, который в своей книге «Чёрная кожа, белые маски» анализировал, как колониальная власть формирует самоощущение и идентичность подданных. Он показал, что колониальные отношения проникали вглубь психики человека, заставляя его воспринимать себя через призму представлений и стереотипов колонизаторов, что приводило к внутреннему конфликту и чувству неполноценности⁴.

По словам Нгуи ва Тхионго, колонизаторы пытались изменить «ментальный мир колонизированных» и подчинить колонизированных своей версии истины⁵.

¹ Жерновникова П. Философия фикции в работах Ф. Ницше // Гуманитарный вестник. 2022. № 4. С. 1-13.

² Баток А.З. Постмодернистские понятия деконструкции и симулякра в эпистемологическом контексте // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 1. С. 5-7.

³ Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. С. 11-12.

⁴ Фанон Ф. Чёрная кожа, белые маски / пер. с фр. Д.А. Коржинского. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 109-131.

⁵ Ngũgĩ wa Thiong'o. Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature: Studies in African literature / Ngugi wa Thiong'o, Ngũgĩ wa Thiong'o : East African Publishers, 1986. P. 16.

Американская стратегия колонизации сознания

Сегодня в условиях распространения неокOLONиальных практик проблематика порабощения сознания возвращается в фокус научного внимания. Без преувеличения, лидерами в экстраполяции собственных «истин» в современной истории являются США. Справедливо подчёркивал известный американский политолог Дж. Най, что США экспортировали свои ценности и идеологии, что оказывало влияние на формирование общественного сознания в других странах⁶. Этот тезис подтверждают многочисленные научные исследования на релевантную тематику.

В первую очередь следует обратиться к сравнительно свежему докладу китайского аналитического центра Института Синьхуа «Колонизация сознания. Средства, корни и глобальные угрозы когнитивной войны США».

Исследователи утверждают, что американская стратегия колонизации сознания представляет собой системный подход к доминированию над умами народов через идеологическое проникновение, формируя зависимость от западных ценностей без прямого территориального контроля. Этот процесс эволюционировал от исторических практик идеологической экспансии к современным цифровым технологиям, создавая многоуровневую систему манипуляции восприятием.

Колонизация сознания в американском варианте характеризуется принудительной трансформацией

мышления, злокачественной манипуляцией и скрытым проникновением, отличаясь от традиционного культурного обмена неравенством и долговременным деструктивным эффектом. В контексте послевоенного мира, когда европейские империи рухнули, США использовали «мягкую силу» для достижения колониальных выгод с минимальными затратами, экспортируя ценности через СМИ, образование и культурные продукты.

Соответствующая политика оказала значительное влияние на языковые предпочтения, образ жизни, модели потребления и даже на мировоззрение людей в постколониальных и развивающихся странах. Через кино, музыку, телевизионные шоу, социальные сети и рекламу западные культурные нормы, ценности и идеалы проникают во многие уголки мира и формируют новый колониальный дискурс, часто незаметно для самих людей. Этот процесс создаёт ситуацию, в которой местные культуры и традиции начинают восприниматься как второстепенные или устаревшие, что ведёт к утрате культурной самобытности.

Данная стратегия зародилась в эпоху континентальной экспансии XIX в., укрепилась в период глобального лидерства после мировых войн, достигла пика в фазе гегемонии после распада СССР и преобразовалась в «когнитивную войну» в эпоху ИИ⁷. Соответствующая политика подразумевает участие властей, социальное содействие и координа-

⁶ Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: PublicAffairs, 2004. P. 89-112.

⁷ Colonization of the Mind. The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare. Xinhua Institute. September, 2025. P. 1 // URL: <http://download.people.com.cn/waiwen/eight17572923241.pdf>

цию с союзниками, где ключевую роль играют агентства вроде ЦРУ, Национальный фонд за демократию (NED), маскирующие операции под «демократическую помощь»⁸.

Пропаганда делится на белую (открытую, транслируемую через СМИ, например, «Голос Америки»), серую (через такие каналы, как НПО), а также чёрную (секретную, с дезинформацией), что обеспечивает многоуровневость американских инструментов когнитивного воздействия⁹.

Цифровая гегемония США ещё больше усиливает эффект воздействия пропаганды на умы людей: контроль над платформами вроде Facebook и X* позволяет производить определённые алгоритмы, распространять необходимую информацию и как следствие – формировать у людей ложное восприятие действительности, ложные истины¹⁰. Американские ценности: демократия, свобода, права человека – преподносятся как универсальные, тем самым западные власти маскируют свои амбиции и стремление к гегемонии под видом морального превосходства. Американская мечта

и свобода слова служат инструментами идеализации авторитета США, поп-культура вроде Голливуда и программы Фулбрайта** культивируют элиты, лояльные Западу¹¹.

Технологии, от спутников Starlink до дипфейков, обеспечивают монополизацию инфраструктуры связи и информационного пространства¹². Колонизация сознания подрывает идеологические основы государств, провоцирует конфликты, в частности, продуктом соответствующей политики стала ликвидация режима Саддама Хусейна в Ираке, Муаммара Каддафи в Ливане и т. д.¹³

Согласно мнению исследователей института Циньхуа, вспышка «цветных революций» в Центральной и Восточной Европе, «арабской весны» на Ближнем Востоке тоже является продуктом экспорта американской идеологии, которая разрушает культурную идентичность, навязывает неолиберальные модели развития, подрывает авторитет местных элит и приводит к кризисам¹⁴. В глобальных масштабах стремление США «вбить «когнитивные клинья» приводит к культурной эрозии и столк-

⁸ Colonization of the Mind. The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare. P. 45.

⁹ Ibid. P. 10-12.

¹⁰ Ibid. P. 14.

¹¹ Ibid. P. 34.

¹² Ibid. P. 38.

¹³ Ibid. P. 44.

¹⁴ Ibid. P. 25.

* Социальные сети Facebook и X признаны экстремистскими организациями, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

** Программа Фулбрайта – международная академическая программа обмена, учреждённая в 1946 г. по инициативе сенатора США Дж.У. Фулбрайта и финансируемая Государственным департаментом США. Её цель – укрепление взаимопонимания между народами США и других стран через образовательные и культурные обмены. Программа предоставляет гранты студентам, учёным, преподавателям, специалистам и художникам из США и более чем 160 стран мира для обучения, преподавания, исследований или профессиональной деятельности за рубежом.

новению цивилизаций, усиливает тенденцию к поляризации мира¹⁵.

Итак, колонизация сознания – не новый термин. Ещё более интересным является тот факт, что широкий ряд исследований на эту тему связан именно с американской стратегией колонизации сознания, большая часть из них посвящена её применению против коренного американского населения – индейцев.

Колонизация сознания при помощи языка и образования подробно анализируется в трудах Зиткалы-Ша, где соответствующие инструменты рассмотрены в качестве механизмов стирания культурной идентичности коренных американцев. Её автобиографические рассказы в сборнике *American Indian Stories* (1921 г.) документируют опыт интернатов. Писательница предлагает тезис относительно проблематики колонизации сознания. Согласно её позиции, образование и язык являются одними из самых мощных инструментов колонизации сознания¹⁶. И это справедливо, поскольку язык – один из важнейших факторов формирования этнической идентичности человека¹⁷, влияет на его самовосприятие, самоидентификацию, обучение и становление личности.

Как отмечает Т.Л. Маккарти, на основе изучения американских юридических документов, переселение и

колонизация сознания взаимосвязаны, образование в некоторой степени ускоряло уничтожение культуры индейцев¹⁸. Автор подчёркивает, что процессы фрагментации земель и культуры индейцев в XV–XIX вв. соответствовал сути балканизации (термин, получивший известность в современные дни). Эта аналогия помогает понять масштаб разрушения.

Таким образом, образование стало инструментом колониальной политики, которая «балканизировала» земли индейцев (дробление, конфликты, потеря контроля над территориями) и ускорила исчезновение их культурной самобытности.

Дж. Маклеод подчёркивает, что колониализм тех лет использовал школы как инструмент легитимации собственной власти¹⁹.

Научный сотрудник Зеницкого университета А. Ахметспахич, исследуя ретроспективу американской стратегии колонизации сознания, приходит к выводу, что образование и язык являются менее агрессивными методами колонизации в физическом смысле, но при этом наиболее опасными²⁰.

Э. Саид в книге «Ориентализм» подробно рассмотрел, как создание определённого образа Востока в западном сознании служило инструментом закрепления западного доминирования. Американский

¹⁵ Colonization of the Mind. The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare. P. 48.

¹⁶ *Ahmetspahici A.* Colonizing the Mind: A Dialectic Approach to Education and Language in Zitkala-Ša's *American Indian Stories* // *Journal of Education and Humanities*. Winter 2020. Vol. 3. Original research paper. P. 23-32.

¹⁷ *Бокаев Б.Н.* Язык как фактор этнической идентичности // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011. № 5. С. 95-100.

¹⁸ *McCarthy T.* Language planning and policy in Native America: History, theory, Praxis. *Multilingual Matters*. 2013. P. 51-52.

¹⁹ *McLeod J.* *Beginning Postcolonialism*. Manchester: Manchester University Press, 2000. P. 140.

²⁰ *Ahmetspahici A.* Colonizing the Mind: A Dialectic Approach to Education and Language in Zitkala-Ša's *American Indian Stories*.

литературовед также подчёркивал то, как западные образовательные системы создают искусственное деление между «цивилизованным»

Западом и «экзотичным» Востоком, закрепляют стереотипы и идеологические предпочтения не в пользу восточных культур²¹.

Франкофония – инструмент постколониального социоэкономического и культурного контроля

Франкофония (*l'Organisation internationale de la Francophonie, OIF*)^{*} иллюстрирует мощь лингвокогнитивных инструментов в колонизации сознания. После обретения независимости бывшими колониями Франция через Международную организацию Франкофонии и политику Франсафрик сохраняла влияние в Африке.

Постколониальный когнитивный контроль не ограничивается воздействием в культурной сфере исключительно в её традиционном понимании, влияние нередко осуществляется посредством экономических механизмов.

Так, французская экономическая культура навязывается африканским элитам в странах CFA^{**22}.

Речь идёт о двух разновидностях общей валюты:

– западноафриканский франк КФА – используется странами Западной Африки;

– центральноафриканский франк КФА – применяется в государствах Центральной Африки.

Обе валютные системы являются наследием французского колониального прошлого. В настоящее время франк КФА служит официальной валютой для 14 африканских стран, которые частично формируют так называемую зону франка – территорию, где используются валюты, исторически связанные с французским экономическим влиянием. В этих 14 странах французский язык остаётся официальным, формирует элиты, лояльные Парижу, где понимание французского становится обязательным условием обретения высокого положения в обществе²³.

В.Р. Филиппов утверждает, что Франция использует Франкофонию для политического и экономического контроля в регионе²⁴. Лингвоко-

²¹ Said E.W. *Orientalism*. N.Y.: Pantheon Books, 1978. P. 15-45.

²² Alyson S. *Sacrificing Education on the Altar of Francophonie* // *Karmacolonialism* // URL: <https://karmacolonialism.org/sacrificing-education-on-the-altar-of-francophonie/>

²³ Налетова Д.В. История зарождения франкофонии как общественного движения в защиту французского языка и французской культуры (1880–1950-е гг.) // *Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2018. № 2. С. 145-154.

²⁴ Филиппов В.Р. *Франсафрик: тень Елисейского дворца над Чёрным континентом*. М.: ИЕ РАН, 2015. С. 45-67.

* Франкофония – международная межправительственная организация, объединяющая в рамках постоянного сотрудничества франкоговорящие государства, осуществляет многостороннее политическое, экономическое, социальное, культурное сотрудничество в интересах 90 франкоязычных государств.

** CFA – Африканское финансовое сообщество, представляет собой название для двух объединённых валютных систем в Африке.

гнитивное воздействие при помощи французского языка способствует увековечиванию французских стандартов мышления, что усиливает культурное превосходство и уменьшает влияние местных языков и культур.

Таким образом, как Франкофония, так и образовательные стратегии являются мощными инструментами неокOLONИализма, воздействующими на сознание людей через язык и культуру, сохраняя тем самым зависимость от бывших колониальных держав.

Этот пример подтверждает тезис: язык и образование являются инструментами для колонизаторов, вызывают «культурную амнезию» и добровольное подчинение.

Абд аль Рахман Ян-Мохамед в работе «Манихейская эстетика: политика литературы в колониальной Африке» описывает колониальный мир как арену антагонистических структур: поселенец воспринимает коренного жителя как абсолютное зло. Такое видение легитимизирует узурпацию не только земель, но и интеллекта коренного населения²⁵.

Феномен американской колонизации европейского кинематографа: утрата идентичности французским и итальянским кино?

Удивительным может показаться тот факт, что колонизация сознания осуществляется и в рамках взаимодействия западных держав друг с другом. Влияние американской культуры на европейское кино представляет уникальный исторический процесс, при котором две великие кинематографические традиции, французская и итальянская, претерпели глубокую трансформацию, утратив значительную часть своей самобытности.

Особую значимость этой проблеме придаёт тот факт, что именно Франция и Италия на протяжении десятилетий выступали главными оплотами «культурного сопротивления» голливудской экспансии.

Франция, начиная с эпохи Ш. де Голля и Ж. Помпиду, последовательно проводила политику защи-

ты национальной культуры, а Италия в послевоенные годы создала уникальный феномен авторского кино, оказавший влияние на мировую кинематографическую традицию. Однако, как показывают современные исследования, даже эти страны не смогли устоять перед натиском глобализации, и сегодня их кинематограф всё чаще утрачивает черты национальной уникальности, подчиняясь универсальным голливудским стандартам.

Франция традиционно рассматривала культуру как неотъемлемую составляющую национального суверенитета. Эта позиция восходит к периоду правления Ш. де Голля (1959–1969 гг.), который учредил Министерство культуры и назначил его главой писателя А. Мальро. Президент Франции исходил из убежде-

²⁵ Abdul R. JanMohamed. Manichean aesthetics: The politics of literature in colonial Africa. University of Massachusetts Press. P. 4.

ния, что культурное влияние является важнейшим инструментом внешней политики, а сохранение культурной идентичности – условием национальной независимости²⁶.

Период президентства Ф. Миттерана (1981–1995 гг.) и деятельности министра культуры Ж. Ланга стал временем наивысшего развития французской политики защиты кинематографа²⁷.

Ключевым моментом в истории французского сопротивления американской культурной экспансии стали дискуссии французской стороны с США в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а затем и в ВТО относительно возможности либерализовать рынок аудиовизуальных услуг. США настаивали на включении кино и телевидения в сферу действия соглашений о свободной торговле, однако Франция во главе с Ж. Шираком развернула беспрецедентную кампанию против этого требования, в результате которой стороны достигли соглашения о «культурном разнообразии»²⁸. Выступая в Париже (16 ноября 1999 г.), президент Ж. Ширак заявил: «Культура – это

не товар... Народы желают обмениваться своими ценностями, но при этом хотят сохранить свою душу»²⁹.

Однако эта политическая победа не означала автоматического сохранения национальной идентичности французского кино. Цифровая революция и появление новых игроков, таких как *Apple* и *Netflix*, поставили под вопрос эффективность ранее выработанных механизмов защиты культурного суверенитета³⁰.

В XXI в. французское кино претерпело значительную трансформацию. Особенно примечателен в данном случае феномен появления «французских блокбастеров» – коммерческих фильмов, ориентированных на массовую аудиторию и зачастую копирующих голливудские жанровые модели.

К числу подобных произведений эксперты относят, например, «Валериан и город тысячи планет» (2017 г.) Л. Бессона – дорогостоящий научно-фантастический фильм на английском языке, который по своим производственным параметрам и эстетике неотличим от голливудских аналогов³¹.

Итальянский кинематограф после Второй мировой войны стал од-

²⁶ Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 114-125.

²⁷ Там же.

²⁸ Косенко С. Актуальные аспекты современной культурной политики Франции // Власть. 2007. № 6. С. 82-85.

²⁹ Chirac J. Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la diversité culturelle et les positions que la France s'approprie à défendre dans le cadre de la conférence ministérielle de Seattle sur les prochaines négociations multilatérales au sein de l'OMC. Elysee. Fr., Paris, 16 nov. 1999 // URL : <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/1999/11/16/declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-la-diversite-culturelle-et-les-positions-que-la-france-s-apprete-a-defendre-dans-le-cadre-de-la-conference-ministerielle-de-seattle-sur-les-prochaines-negociations-multilaterales-au-sein-d>

³⁰ Walkley S. Cultural Diversity in the French Film Industry: Defending the Cultural Exception in a Digital Age. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 19.

³¹ Michael C. French Blockbusters: Cultural Politics of a Transnational Cinema. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 3-4.

ним из самых влиятельных в мире. Неореализм, представленный такими режиссёрами, как Р. Росселлини, В. де Сика и Л. Висконти, предложил новую эстетику, основанную на внимании к повседневной жизни простых людей, съёмках на натуре и использовании непрофессиональных актёров³².

В 60-е годы итальянское кино пережило новый расцвет с появлением таких режиссёров, как Ф. Феллини, М. Антониони, П.П. Пазолини, Б. Бертолуччи. Эти авторы создали уникальный стиль, сочетавший глубокий психологизм, социальную критику и изощрённую визуальную эстетику. Итальянское кино этого периода обладало отчётливой национальной идентичностью, отражая специфику итальянской истории, культуры и социальных отношений³³.

В 60–70-е годы итальянская комедия достигла расцвета, предложив уникальное сочетание социальной сатиры, гротеска и психологической глубины. Режиссёры этого направления – Д. Ризи, Э. Скола, М. Моничелли – создали произведения, глубоко укоренённые в итальянской реальности³⁴.

Однако с 80-х годов итальянское кино вступило в период кризиса. Сокращение государственного финансирования, доминирование телевидения, отток талантливых режиссёров в Голливуд – всё это привело к постепенному снижению уровня и утрате национальной специфики.

Современное итальянское кино демонстрирует ту же тенденцию к гомогенизации, что и французское. Хотя такие режиссёры, как Н. Моретти, М. Беллоккьо, П. Соррентино, продолжают получать международное признание, их фильмы всё чаще ориентируются на международную аудиторию и адаптируются к глобальным стандартам.

Показательным примером является творчество П. Соррентино. Его фильм «Великая красота» (2013 г.), получивший «Оскар», в некоторой степени отражает итальянскую культурную традицию, содержит множество отсылок к итальянской истории и искусству, снят в Риме. Однако форма фильма (отсутствие линейного сюжета, стилизованная визуальная эстетика, экзистенциальная тематика) соответствует стандартам международного арт-хауса, а не специфически итальянской традиции.

Таким образом, главным фактором, ведущим к утрате национальной идентичности европейского кино, стала экспансия Голливуда, которая в 90-е годы XX в. приобрела характер системного давления. Доминирование американских фильмов в мировом прокате создаёт структурное неравенство, которое трудно преодолеть даже при активной государственной поддержке³⁵. В цифровую эпоху этот принцип сталкивается с новыми вызовами – стриминговыми платформами, изменением зрительских привычек, глобализацией производства.

³² Tan E. Bicycle Thieves 1948 // Eternality Tan Film Blog. 2019 // URL: https://eternitytan.com/2019/06/05/bicycle-thieves-1948/?like_comment=14860&_wpnonce=999fe7896e

³³ Witcombe R. T. The New Italian Cinema. N.Y.: Oxford University Press, 1982. P. 13-14.

³⁴ Giacobelli E. La commedia all'italiana: La storia, i luoghi, gli autori, gli attori, i film. Roma: Gremese Editore, 1990. P. 11-12.

³⁵ Walkley S. Cultural Diversity in the French Film Industry.

Подводя итог, необходимо отметить, что процесс колонизации сознания играет центральную роль в поддержании глобального неоколониализма, стремительно воздействуя на социальные, экономические и культурные аспекты жизни стран, развивающихся в условиях постколониальной реальности.

Этот процесс требует осознанного противодействия и разработки методов деколонизации в сферах образования, экономики и культуры, чтобы обеспечить устойчивое и устойчивое развитие наций.

Библиография

- Баток А.З.* Постмодернистские понятия деконструкции и симулякра в эпистемологическом контексте // Известия вузов. Север-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 1. С. 5-7.
- Бокаев Б.Н.* Язык как фактор этнической идентичности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 5. С. 95-100.
- Жерновникова П.* Философия фикции в работах Ф. Ницше // Гуманитарный вестник. 2022. № 4. С. 1-13.
- Косенко С.* Актуальные аспекты современной культурной политики Франции // Власть. 2007. № 6. С. 82-85.
- Косенко С.И.* «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 114-125.
- Налетова Д.В.* История зарождения франкофонии как общественного движения в защиту французского языка и французской культуры (1880–1950-е гг.) // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 145-154.
- Фанон Ф.* Чёрная кожа, белые маски / пер. с фр. Д.А. Коржинского. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 272 с.
- Филиппов В.Р.* Франсафрик: тень Елисейского дворца над Чёрным континентом. М.: ИЕ РАН, 2015. – 228 с.
- Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 466 с.
- Abdul R. JanMohamed.* Manichean aesthetics: The politics of literature in colonial Africa. University of Massachusetts Press. – 590 p.
- Ahmetspahici A.* Colonizing the Mind: A Dialectic Approach to Education and Language in Zitkala-Ša's American Indian Stories // Journal of Education and Humanities. Winter 2020. Vol. 3. Original research paper. P. 23-32.
- Alyson S.* Sacrificing Education on the Altar of Francophonie // Karmacolonialism // URL: <https://karmacolonialism.org/sacrificing-education-on-the-altar-of-francophonie/>
- Chirac J.* Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la diversité culturelle et les positions que la France s'approprie à défendre dans le cadre de la conférence ministérielle de Seattle sur les prochaines négociations multilatérales au sein de l'OMC. Elysee. Fr., Paris, 16 nov. 1999 // URL : <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/1999/11/16/declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-la-diversite-culturelle-et-les-positions-que-la-france-s-approprie-a-defendre-dans-le-cadre-de-la-conference-ministerielle-de-seattle-sur-les-prochaines-negociations-multilaterales-au-sein-d>

- Colonization of the Mind. The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare. Xinhua Institute. September, 2025. – 32 p. // URL: <http://download.people.com.cn/waiwen/eight17572923241.pdf>
- Giacovelli E.* La commedia all'italiana: La storia, i luoghi, gli autori, gli attori, i film. Roma: Gremese Editore, 1990. – 288 p.
- McCarthy T.* Language planning and policy in Native America: History, theory, Praxis. Multilingual Matters. 2013. – 280 p.
- McLeod J.* Beginning Postcolonialism. Manchester: Manchester University Press, 2000. – 288 p.
- Michael C.* French Blockbusters: Cultural Politics of a Transnational Cinema. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.
- Ngũgĩ wa Thiong'o.* Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature: Studies in African literature / Ngũgĩ wa Thiong'o, Ngũgĩ wa Thiong'o : East African Publishers, 1986. – 174 p.
- Nye J.S.* Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
- Said E.W.* Orientalism. N.Y.: Pantheon Books, 1978. – 386 p.
- Tan E.* Bicycle Thieves 1948 // Eternality Tan Film Blog. 2019 // URL: https://eternalitytan.com/2019/06/05/bicycle-thieves-1948/?like_comment=14860&wponce=999fe7896e
- Walkley S.* Cultural Diversity in the French Film Industry: Defending the Cultural Exception in a Digital Age. Cham: Springer International Publishing, 2018. – 278 p.
- Witcombe R. T.* The New Italian Cinema. N.Y.: Oxford University Press, 1982. – 294 p.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 9 апреля 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Просим обратить внимание на изменения требований к подготовке сопроводительной документации.

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Институт государственной службы в культурном пространстве России

Владимир ЕГОРОВ

Политические институты, как созвездия, наполняют жизнью политическую систему, превращая её из мёртвой абстракции в политическую реальность, окрашенную разноцветьем и многоликостью. Одним из важнейших политических институтов является институт государственной службы, системообразующий с точки зрения понимания механизмов реализации власти.

Как и любая другая абстракция, его контент включает универсальные черты и характеристики, так как в противном случае такой не являлся бы объектом академической рефлексии, или, вернее сказать, теории политики.

Однако взгляд на институты вообще и упомянутый институт госслужбы в частности исключительно сквозь призму теоретических универсалий не даёт представления об их функционировании в реальном политическом процессе. Мало того, попытки определить в универсальных лекалах характеристики, влияющие на общественную практику, приводят к нерелевантным результатам. На контрпродуктивность некритичного переноса институтов, «выращенных» в конкретных национальных условиях, на чужеродную почву указывал один из выдающихся представителей институционализма Д. Норт¹. Такие попытки особенно малопродуктивны, когда в качестве почвы для «посадки» институтов используются страны из разных цивилизационных измерений.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail*: korrka@mail.ru

Ключевые слова: политические институты, государственная служба, досоветские служащие, советский институт госслужбы, российские госслужащие.

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // URL: <https://www.rulit.me/books/institucionalnye-izmeneniya-i-funkcionirovanie-ekonomiki-read-2245762-4.html>

Безусловно приемлемый для самого поверхностного рассмотрения политических институтов универсализм требует дополнительного углублённого и внимательного их изучения, когда речь идёт об определённом историко-культурном контексте, когда общепринятые в теории политики черты обретают неповторимое содержание и смысл.

Институт государственной службы России начал своё формирование с трансформации вотчинного типа управления в централизованный. Первые шаги в этом направлении были сделаны при Иване III. Знать, наделявшаяся боярским достоинством, получала поместные оклады и обязывалась проходить службы «по княжеским спискам». В дополнение к Думе стали функционировать канцелярия и многочисленные приказы².

«В качестве наместников знатные бояре возглавляли управление городами и уездами. Дворяне получали волости». Управление территориями осуществлялось на основе кормлений. Общегосударственными учреждениями стали казна и дворец³.

С момента своего формирования государственная служба в России качественно отличалась от аналогичного института Западной Европы, где таковая являлась результатом «общественного договора», предполагавшего взаимные с народом гарантии прав и обязанностей и материальные и социальные привилегии служащих. В России, несмотря на материальное обеспечение службы поместным землевладением, последняя рассматривалась как «крепость», «тягло»⁴.

Первый российский царь – Иван IV – продолжил линию создания вертикали государственной службы.

В 1549–1550 гг. фактически произошло огосударствление «местничества» (порядка, в соответствии с которым знатность происхождения гарантировала привилегии и статус занимаемого чина). Назначение на службу стало исключительным правом государства, вольного самому учитывать или не учитывать происхождение соискателя должности⁵. Указы, сокращавшие привилегии знати на госслужбе, способствовали дальнейшему увеличению дистанции между службой и обеспечивающими таковую преференциями.

«В порядке дня, – писал Н.Д. Альшиц, – встало создание аппарата чиновников государства (понятие, уже употребляемое в XVI в.), деятельность которых исключала бы злоупотребления в отношении казны и произвол в отношении подданных»⁶.

Нехватка ресурсов казны для замены наместников, злоупотреблявших кормлениями, управленцами, оплачиваемыми государством, заставила реформировать местное управление: на смену кормленцам пришли выборные целовальники и старосты. На первый взгляд такая реформа могла оцениваться как шаг

² Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. С. 184–185.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. С. 51.

⁶ Там же. С. 52.

к демократизации государственной службы, но на деле она вела к дальнейшему укреплению вертикали власти в условиях скудости государственного бюджета. Аргументом в пользу такого вывода могут служить меры власти, которые во второй половине XVII в. фактически подчинили местные выборные органы назначаемым воеводам⁷.

В 1556 г. последовал ещё один акт закрепления дворян за службой государству. Была установлена единая норма военной службы с земельных владений (причём формы землевладения в отношении службы были нивелированы).

Несмотря на то что условное поместное землевладение в годы Смуты показало свою неэффективность, государство тем не менее продолжало поддерживать поместную форму организации аграрной отрасли как материальную основу обязательной службы.

Как писал Л.В. Милов, «слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства»⁸.

Окончательное оформление государственной службы как «крепости» было связано с Соборным уложением (1649 г.), в котором служба государю

становилась непреложным делом дворян, предусматривающим «жестокое наказание» за уклонение. Неродение к государевой службе пресекалось круговой (в том числе материальной) порукой: за даточных людей нёс ответственность помещик или вотчинник, за последних воеводы и бояре⁹. Результатом оформления всеобщей системы крепостничества, т. е. определённых обязательств всех слоёв населения перед государством, и прежде всего служилых людей (закрепощение крестьян с 1550 по 1650 г. лишь обеспечивало материальную основу их служения), «всё глубже становилась пропасть, отделявшая страну от остальной Европы»¹⁰.

Многие специалисты справедливо связывают окончательное создание «нового правящего класса, шляхетства или дворянства, превращение его в эффективный, зависимый от власти инструмент управления с петровской эпохой»¹¹.

Все указы Петра Великого о служилых людях имели одну социальную направленность – создание организации их безусловного подчинения государственной службе. Последняя в таком позиционировании представлялась не привилегией или признаком аристократизма, а была тяжёлым бременем, отягощавшим социальное и материальное положение служащих. Отношения нарождавшегося со-

⁷ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. С. 57.

⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С. 559-561.

⁹ Соборное уложение 1649 года // URL: https://azbyka.ru/otechnik/istorija_|Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/

¹⁰ Каррер д'Анкокс Э. Незавершённая Россия. М.: РОССПЭН, 2005. С. 49.

¹¹ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / отв. ред. Л.В. Милов; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Институт российской истории. М.: Наука, 2008. С. 21.

словия управленцев с государством характеризовались полным доминированием державных интересов.

Так, Указ 1714 г. «О порядке nasledования движимых и недвижимых имуществ» обрекал всё дворянское потомство, кроме старшего отпрыска, на службу.

Табель о рангах 1722 г. не просто открывала дорогу на государственную службу представителям низших сословий, но ставила социальное достоинство в прямую зависимость (не от знатности или богатства), а от слуг на государственной службе.

Манифест о даровании вольности (1762 г.) и Жалованная грамота дворянству (1785 г.), предоставлявшие дворянам формально свободу от службы, на самом деле лишь гарантировали свободу её выбора, так как большая их часть не имела возможности жить «от земли».

Доходы от государственной службы были невелики, особенно у низшего звена уездного чиновничества, чей денежный оклад не обеспечивал даже прожиточного минимума.

Говоря о положении бюрократии, известный мыслитель И.Т. Посошков, современник Петра I, задавал риторический вопрос: «А жену и детей чем ему кормить, только по миру ходить, поневоле научат воровать и в мастерстве своём неправду делать»¹².

В условиях хронического недостатка бюджетных средств денежное довольствие чиновникам выплачивалось нерегулярно. Средства, отпу-

скаемые на содержание управленческого аппарата, с лёгкостью перенаправлялись на другие нужды.

«В 1723 году специальным указом предписывалось в случае нужды в деньгах и невозможности изыскать другие способы для их получения “разложить оную сумму на всех чинов всего государства, которые жалованье получают”. И в том же году у служащих была вычтена четвёртая часть денежного годового оклада и удержан весь хлебный оклад. В связи с отсутствием денег в казне губернским чиновникам не платили жалованье годами или выдавали его натурой: сибирскими мехами и прочими казёнными ценностями. Но и получая деньги из казны, чиновники не всегда могли их тратить, так как вынуждены были давать подписки, что в случае государственной нужды вернут эти деньги по первому требованию. В таких условиях, чтобы сохранить подьячих, стремившихся убежать или записаться в сельские и посадские общины, их нередко держали в конторах “без отпуску”. В конце 1724 года для экономии казённых средств оклады гражданских служащих были заметно урезаны»¹³.

С 1727 по 1763 г. чиновники были вообще лишены жалованья и переведены на акциденции (т. е. фактически взятки с просителей). В результате падения курса рубля оклады даже министерских служащих опустились ниже заработка лакея, кучера, швейцара¹⁴. В первой половине XIX в. бо́льшая часть чиновников России влачила жалкое существование¹⁵.

«Близкое к нищете положение бо́льшей части посвящающих себя гражданской службе, – отмеча-

¹² Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 221.

¹³ Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 358-370.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

лось в «Записке» Комитета для соображения законов о лихоимстве, – часто самого благорасположенного и лучшей нравственности чиновника невольным образом превращает во врага правительству»¹⁶.

В условиях, когда государственная служба представляла собой, по сути, тяжкое, невознаграждаемое обременение, среди чиновников процветало взяточничество и мздоимство.

«Например, в 1847 году за должностные преступления были судимы восемь процентов всех чиновников IX–XIV классов (4131 человек из 50 877), но около половины этих служащих возвращались на гражданскую службу. В том же 1847 году среди чиновников IX–XIV классов число бывших под судом составляло около 3,5 процента (400 из 10 771 человека). Следует заметить, что в случае недоказанной вины суд оставлял чиновника “в подозрении”; при такой формулировке пребывание под судом не сказывалось на его карьере. Например, в 1830-е годы должность председателя 1-го департамента Московской палаты уголовного суда занимал чиновник, дважды побывавший под судом»¹⁷.

Один из руководителей движения декабристов, князь С.П. Трубецкой, определяя общественные изъяны, формирующие его убеждение в необходимости изменения «состояния России», в качестве второго по значимости указывал «на всеобщие жалобы на лихоимство чиновников в губерниях»¹⁸. В проекте конституции Н.М. Муравьева предполагалось:

«Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений и порядка выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых»¹⁹.

Отличие социального положения российских и европейских служилых людей отмечал А.В. Романович-Славатинский, который писал, что «отличительная черта в истории нашего дворянства, сравнительно с дворянством Западной Европы, состоит в том, что у нас оно всегда было *установлением политическим, существовавшим и видоизменяющимся, сообразно целям и потребностям правительственным*. <...> У нас аристократические элементы сложены были в привилегированную общественную группу государственной властью, которая давала ей ту или другую организацию, повышала и принижала её, *сообразно потребностям государства*»²⁰.

Унизительное положение служилого сословия в России стало одной из причин движения декабристов, значительная часть которых, участвуя в европейских походах 1813–1814 гг., воочию убедилась в абсолютно ином положении людей, находящихся на службе государства в странах Европы.

При всей некомфортности жизнеобеспечения служилых самодержавие, стремясь поддержать управ-

¹⁶ Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки / подгот. В.П. Павловой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1983.

¹⁹ Там же. С. 82.

²⁰ Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: Изд. юрид. фак. Ун-та св. Владимира / под ред. [и с введ.] проф. А.А. Жилина. 2-е изд. (посмерт.). СПб.: тип. М-ва внутренних дел, 1912.

ленческую вертикаль, обеспечивало приток в их ряды «свежих сил» из низших сословий.

В составе дворян 15 губерний конца XIX – начала XX в. потомки древнейших дворянских родов (подтвердивших свою генеалогию с 1685 г.) составляли лишь 28,0% от общей численности, а так называемые новые дворяне – 65,5%²¹.

Приток выдающихся выходцев из низших сословий значительно укреплял бюрократический аппарат России. «Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетённых классов, – писал К. Маркс, – тем прочнее и опаснее его господство»²².

После крестьянской реформы (1861 г.) активно убывала и материальная основа служилого дворянства – поместья.

С 1862 по 1905 г. поместное землевладение уменьшилось на 41%²³. Непрерывно рос удельный вес мелкопоместных дворян (с землевладением до 100 дес.).

С 1877 г. по 1905 г. их доля в общем дворянском землевладении выросла на 8,7% и составила 58,9%.

Не требуется дополнительных аргументов, чтобы однозначно утверждать о нищенском существовании тех, кто составлял социальную основу служилого сословия. Проведённое в 50-х годах XIX в. обследование выявило «десятки тысяч потомственных дворян, которые по официаль-

ному заключению не могли вести образ жизни, приличный лицам первенствующего сословия»²⁴.

Не материальное благополучие и не убеждение в миссии долга перед народом и Отечеством формировали устойчивую самооценку социального предназначения служилого сословия и того, что составляло понятие дворянской чести, а укоренявшееся в истории и определяющее «привилегированный» общественный статус служение государю. В эволюционировавшем социальном положении знати от равных правителю со товарищей: дружинников, вотчинников – неизменной и исторически преемственной оставалась лишь «верность службе». И если бывший равным среди равных правитель постепенно обретал потенциал абсолютного монарха, то возможность самовластия тех, кто обеспечивал функцию управления, убывала в обратно пропорциональной зависимости.

Выражая эту мысль, К.П. Победоносцев в письме к императору Александру III писал: «...Дворянство... имеет особую постановку как сословие издревле служивое и потому имеющее особливую сословную честь. Вот почему, хотя и ни от кого нельзя ожидать совершенства и безусловной добродетели, дворянство по историческому своему положению, более чем всякое иное сословие, привыкло, с одной стороны, служить, а с другой стороны – начальствовать. Дворянству принадлежит действительно передовая роль, но непременно в связи с той

²¹ Карелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. С. 34.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 томах. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 25. Ч. II. С. 150.

²³ Карелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. С. 56.

²⁴ Там же. С. 63.

обязанностью, которую наложила на него история»²⁵.

Ещё более чётко К.П. Победоносцев выразил мысль о служении как исторически сложившейся обязанности управленцев. В статье «Власть и начальство» он отмечал: «Итак, дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, дело “самопожертвования”»²⁶.

Однако способность к «самопожертвованию» была присуща далеко не всем государевым людям. Прецеденты бескорыстного служения, даже жертвуя собственным благополучием, не были широко распространёнными. Хотя такие имена, как А.В. Суворов, А.А. Аракчеев, П.А. Столыпин и др., безусловно, составляют пантеон верных слуг государства, но не являются в этом смысле типичными для служилого дворянства.

Вынужденные компромиссы монарха после очевидной утраты доверия крестьянства, задавленного малоземельем и выкупными платежами, вызывали в среде государевых людей разочарование и утрату прежнего целеполагания службы. В мемуарной литературе, относящейся к первой русской революции, достаточно свидетельств негативной эволюции настроений дворян.

Например, председатель II Государственной думы А.Ф. Головин писал: «Приближая к себе и

отдаляя от себя тех или иных лиц в известные моменты, Николай II руководствовался вовсе не давлением окружающих близких, а тою общей политической конъюнктурой, которая то заставляет его подчиняться требованиям общества, то даёт ему возможность задержать или даже повернуть назад общественное движение»²⁷.

Отец командующего Белой армией барон Н.Е. Врангель вспоминал о событиях 1905 г.: «До этих пор с ним всё меньше и меньше считались, теперь его уже начали не уважать. “Не только править не умеет, но и своего народа боится”, – говорили во всеуслышание!»²⁸

Даже последовательный монархист С.Е. Трубецкой вспоминал: «Надо признать, что не революция подорвала в русском народе его монархический дух: дух этот хирел уже раньше и тем самым создал самую возможность революции. Уже десять лет спустя после смерти Императора Александра III дух русского народа был не тот, который я ощутил и пережил тогда ребёнком. При этом монархическое чувство хирело не только у тех, кто был задет революционной пропагандой. Я сам, будучи принципиальным монархистом, с огорчением не ощутил в себе (живого) монархического чувства при торжественном выходе Государя в Москве, в начале войны 1914 года. В том же признавались мне и другие убеждённые монархисты, например Серёжа Мансуров. А потом, уже в большевистской тюрьме, А.Д. Самарин и другие»²⁹.

Нараставший кризис института государственной службы к 1917 г. проявлялся в постепенном разрушении прежде незыблемых устоев цен-

²⁵ *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева к Александру III / предисл. М.Н. Покровского; Центр-архив. [1883–1894 гг.]: с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю П. М.: Новая Москва, 1925–1926. С. 57–58.

²⁶ *Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 427.

²⁷ *Барينو́ва Е.П.* Росийское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. С. 164–165.

²⁸ *Врангель Н.Е.* Воспоминания: (От крепостного права до большевиков). Берлин: Слово, 1924. С. 168.

²⁹ *Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. М.: Изд-во сов.-фр. совмест. предприятия «ДЭМ», 1991. С. 10.

трализованного управления, а самое главное – в сознании правящего класса. Об этом точно написал А. Блок: «Уже записались в либералы честнейшие из царских слуг»³⁰.

Внушительная часть на протяжении веков преданных службе государству дворян перешла в стан радикальных революционеров. В «Записке о мероприятиях по оздоровлению дворянства» говорилось: «Дворянство попало в тиски: с одной стороны, существующие *de jure* его права и вся пережитая им жизнь питали его высокомерие, с другой стороны, умственная и нравственная беспомощность, а главное, явившаяся нужда заставили дворянство брататься и даже унижаться перед теми, кто недавно был его рабами... и поэтому пасть довольно низко в глазах народа»³¹.

Такой итог российских государственных служащих был закономерным. Являясь инструментом политической власти и, таким образом, дистанцировавшись от народа, служилое сословие не обрело собственной социокультурной идентичности и могло существовать в традиционном «привилегированном статусе» лишь в условиях стабильности государственных институтов. При этом сама бюрократия лишь обеспечивала функционирование государства, но не определяла его стабильности, которая в исторически сложившемся российском этосе целиком зависела от единства царской власти и народа, освящённого церковью.

По поводу российской бюрократии Ю.М. Лотман писал, что она «не оставила следа в духовной жизни России, не создала ни своей культуры, ни своей этики, ни даже своей идеологии»³². В такой социальной конфигурации государственные служащие России не обрели статуса интеллектуальной политической элиты (участвующей в политических решениях). Элита, первенствующая в духовной сфере, в российском историко-культурном контексте должна была играть роль «перста указующего» на «праведный путь».

Московский Сократ Н.Ф. Фёдоров писал об этом так: «Впрочем, требование управления и подчинения неразумной, слепой силы разуму относится не к неверующим только, но как требование Божественной воли оно относится к верующим, так что в деле управления слепую силою могут соединиться те и другие, т. е. верующие и неверующие, хотя в мысли они и были бы сначала несогласны между собою; и такое управление слепую силою и подчинение её разумной воле сынов человеческих будет равнозначуще подчинению всех сынов человеческих воле Бога отцов и приведёт их к единомыслию, т. е. участие в одном общем деле приведёт к единомыслию и верующих и неверующих. Объединение должно начаться с интеллигенции; объединённая же в качестве воспитательной силы интеллигенция соединит все народы в деле управления слепую, неразумною природою, т. е. обратит их, все народы, в естествоиспытательную силу, и таким образом чрез воспитательную силу интеллигенции все обратятся в естествоиспытателей, разум народный, практический объединится, придёт в единство с разумом интеллигенции, учёных, т. е. с разумом теоретическим, идеал этого последнего станет долгом для разума

³⁰ Барينو́ва Е.П. Российское дворянство в начале XX века. С. 167.

³¹ Там же. С. 169-170.

³² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. С. 27.

практического, долгом, требующим исполнения, а человек делается орудием воли Божией в исполнении долга»³³.

Однако такому альянсу бюрократии и народа не было суждено состояться. Если на Западе социализация государственной службы обеспечивалась общественным консенсусом по поддержанию правового режима, гарантирующего права и свободы личности, то в России интеграция чиновников и общества могла быть только «общим делом», цель и средства которого лучше других осознаёт подлинная элита, не по состоянию и званию. В этом смысле на российской почве вряд ли правомерно различать два элитных «дивизиона»: интеллектуальный и политический.

В реальности российская бюрократия, осознававшая себя «привилегированным» сообществом, испытывала самоощущение, далёкое от единства с народом.

Дистанция государственных служащих и народа в полной мере нашла выражение в исторической памяти, хранящейся в дошедших до наших дней пословицах: «Жалует царь, да не жалует псарь», «Царь гладит, а бояре скребут», «Царские милости в боярское решето сеются», «Не от царей угнетение, а от любимцев царских», «Не князь грешит, а думцы наводят», «Не бойся царского гонения, бойся царского гонителя»³⁴.

В советскую эпоху положение государственных служащих хотя и претерпело изменения, но не радикальные. Вера в Царствие Божие была заменена коммунистической стратегией

достижения рая на земле, более близкой биологической природе человека.

В триаде «Православие – Самодержавие – Народность» первое уступило место коммунистической идеологии и воспитанию патриотизма. И если идеологическая составляющая даже отчасти не замещала выработанную веками соборность русского народа, то любовь к Отчизне, фундируемая мессианской ролью страны в освобождении человечества от гнёта капитализма, имела значительно большую укоренённость и являлась действительным инструментом консолидации граждан.

Другой важной скрепой советского общества являлась программная установка на повышение благосостояния народа. И действительно, во-первых, жизненный уровень рядовых граждан неуклонно рос, а во-вторых, увеличивалась доля общественных благ, распределяемых через общедоступные социальные фонды.

Частичная социализация государственного аппарата управления отразилась в исторической памяти народа, нашедшей выражение в пословицах: «Была Россия царская – стала пролетарская», «Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла», «Кто в Совете, тот за людей в ответе», «Советская власть не даст нам пропасть».

Вместе с тем дистанция между народом и бюрократией, которую в условиях социалистической природы власти требовалось преодолеть, напротив, расширялась по мере роста общественного благосостояния. Справедливости ради следует

³³ Фёдоров Н.Ф. *Философия общего дела*. М.: Проспект, 2025. С. 28.

³⁴ Даль В.И. *Пословицы русского народа*. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1862. С. 247.

заметить, что жёсткая вертикаль власти не всегда позволяла государственным служащим идти навстречу «пожеланиям трудящихся».

Накануне Октябрьской революции в работе «Государство и революция» В.И. Ленин указал на возможность избежать после завоевания власти пролетариатом негативных явлений, связанных с бюрократизмом.

Вождь большевиков считал, что профессиональных служащих можно заменить выборными руководителями из народной среды. «При таких экономических предпосылках, – писал он, – вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле контроля за производством и распределением, в деле учёта труда и продуктов – вооружёнными рабочими, поголовно вооружённым народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учёте с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать ещё лучше завтра, подчиняясь вооружённым рабочим.) Учёт и контроль – вот главное, что требуется для “налаживания”, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества»³⁵.

Однако уже первые шаги на пути строительства социализма показали невозможность организовать общество без профессионалов – чиновников и строгого подчинения управляемыми их распоряжениям.

Уже спустя год после завоевания власти В.И. Ленин, ставший председателем СНК, в работе «Очередные задачи Советской власти» писал: «Революция только что разбила самые старые, самые проч-

ные, самые тяжёлые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера. А сегодня та же революция и именно в интересах её развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса»³⁶.

Мало того, что председатель Советского правительства после года обладания политической властью понял, что без профессиональных управленцев не обойтись, он осознал необходимость привлечения опытных царских чиновников и специалистов.

«Советская власть конкретно определила свои тактические задачи и своеобразные методы действия для данной полосы развития, именно: руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаём условия для такого движения вперёд, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоёвываемых позиций»³⁷.

Средством преодоления неизбежно возникающего бюрократизма В.И. Ленин справедливо считал связь аппарата государственного управления с народом.

«Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи»³⁸.

Об опасности комчванства и бюрократизма предупреждал Л.Д. Троцкий. Однако, не придерживаясь мар-

³⁵ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. ПСС. Т. 33. Государство и революция. С. 17.

³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. Март – июль 1918. С. XV-XIX, 165-208, 277-280.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

ксистской трактовки причин этого негативного явления, как порождения «политического отчуждения», и с ленинским выводом о влиянии «эксплуататорских классов», он указывал на его истоки, связанные с несовершенством советского государственного аппарата.

Основное вредоносное последствие бюрократизма Л.Д. Троцкий видел в неэффективной работе целых сфер общественной жизни. По его мнению, перестройка управленческих структур должна была начинаться с «головой», с правящей партии, в которой после завоевания власти утрачивались коллективизм, критика, свободная ротация партийного руководства.

В «Письме к партийным совещаниям» он писал: «Нужно, чтобы партия, в лице всех своих ячеек и объединений, вернула себе коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики – без опаски и без оглядки, – право организационного самоопределения. Необходимо освежить и обновить партийный аппарат, заставив его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива... Обновление партийного аппарата – разумеется, в отчётливых рамках устава – должно быть произведено с целью замены оказавшихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И, прежде всего, должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые, при первом голосе критики, возражения, протеста, склонны требовать партбилет на предмет репрессий»³⁹.

Особое внимание он обращал на необходимость привлечения в партийный аппарат молодёжи.

«Совершенно недостаточно, чтобы молодёжь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодёжь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое даёт искренней убеждённостью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнодушие по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм – из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины, нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе в каждом данном случае твёрдое мнение и мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врага, но и внутри собственной организации»⁴⁰.

По мнению Троцкого, опасность советскому строю составляло смещение реальной власти от народа к бюрократии. Причину этого явления он видел в наличии в советской реальности противоречий: между классами и социальными группами, городом и деревней, национальными республиками и Центром, разными группами потребителей и т. д., в регулировании которых бюрократия обретала свой новый статус. Социальной опорой управленцев, по мнению Л.Д. Троцкого, стал «привилегированный слой»: «беспартийных большевиков», администраторов, мастеров, рабочей интеллигенции. Эта же база являлась источником пополнения чиновничества.

Помимо резкого осуждения советских бюрократов, оторвавшихся от нужд народа, Л.Д. Троцкий отмечал другой изъян советского строя: низкую эффективность управленческого

³⁹ Троцкий Л.Д. Письмо к партийным совещаниям // Новый курс (в редакции 1924 г.). Лев Троцкий // URL: <https://www.livelib.ru/book/21472/read-novyi-kurs-lev-trotskij/>

⁴⁰ Там же.

аппарата государственной службы, которая тормозит или даже препятствует развитию целых отраслей общественной жизни⁴¹. Негодование Троцкого вызывала некомпетентность, самодовольство, лень, чрезмерная озабоченность формальностями и документами чиновников⁴². При этом он не отрицал необходимости рациональной бюрократии как здорового элемента любого управления. Ему принадлежит авторство термина «главкократия», означавшего обязательное согласование всех, даже самых простых вопросов с Центром. Одним из средств преодоления волокиты и канцелярщины он считал долгосрочное планирование и придание Госплану законодательных функций.

Несмотря на провозглашённую коммунистами стратегию построения общенародного государства, достичь сокращения дистанции между бюрократией и нуждами народа не удалось, что в полной мере отразилось в народном творчестве.

В советских пословицах говорилось: «Бюрократ любой бумажке рад», «Бюрократ саботажнику брат», «Бумаг поток, а дело не идёт», «Где делом не руководят, там бумаги верховодят».

Таким образом, лишившись особой социальной смысл службы помазаннику Божьему, обеспечиваемой равенством в вере, государственные служащие советского периода в полной мере не интегрировались и с обществом, не стали его передовой частью, ведущей народ к общей цели.

В современной России институт государственной службы обладает качеством, впитавшим все исторически сложившиеся черты. Структура государственных служащих, встроены в вертикальную иерархию власти, обеспечивает функцию управления. Значительная часть бюрократии рассматривает место в государственном аппарате как средство обеспечивающее собственное материальное и социальное положение, обособленное от интересов общества.

Последние события, связанные с СВО (2022 г.), в полной мере показали несовпадение ценностей, сформировавшихся в общественном сознании народа и значительной части чиновничьего аппарата. Проблема встала настолько остро, что президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию заявил о необходимости новой элиты России, способной отстаивать интересы Родины, в том числе на государственной службе. «Все они с оружием в руках встали на защиту родины (участники СВО. – Авт.). Сердце наполняется гордостью. Такие, безусловно, не отступят, не подведут и не предадут», – сказал президент о военнослужащих. Именно они должны играть всё более важную роль во всех сферах жизни. Элита – не те, кто набил карманы, а люди, которые делом доказали преданность России»⁴³. Согласно опросам общественного мнения, коррупция не только препятствует социализации государственного аппарата служащих, но и является системным препятствием на пути общественного развития страны.

⁴¹ Twiss T.M. Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy. Haymarket Books, 2015. P. 79.

⁴² Ibid. P. 73-76.

⁴³ Новая элита. Путин определил будущее России. – РИА Новости, 29.02.2024 // URL: <https://ria.ru/20240229/putin-1930166879.html>

Анализ опубликованных МВД России статистических данных показывает, что количество преступлений, связанных с коррупцией, растёт начиная с 2017 г.

По итогам 2025 г. зафиксировано 107,2 тыс. экономических преступлений, общий ущерб от которых достиг рекордной суммы в 363,4 млрд руб.⁴⁴

Среди общественных сфер, в которых в наибольшей степени распространена коррупция, исследователи из Института социологии ФНИСЦ РАН, по итогам опроса населения, называют:

- органы власти на местах – 40,9%;
- правоохранительные органы – 33,8%;
- судебную систему – 22,0%;

– общество в целом – 27,1%.

Сами бюрократы считают несколько иначе. По их мнению, самыми коррумпированными являются:

- правоохранительные органы – 34,2%;
- федеральная власть – 24,9%;
- общество в целом – 21,4%.

Каждый четвёртый респондент и из чиновников, и из населения считает, что «всё российское общество в значительной мере поражено коррупцией». Более четверти госслужащих назвали в качестве причины коррупции слияние управленческого аппарата с крупным бизнесом (26,1%)⁴⁵.

Особенности современного элитогенеза, характерного позднему модерну, являются причиной, в том числе утраты патриотических чувств представителями управляющего сообщества. Большой частью привязанная к конвертируемым материальным активам часть бюрократии, как показали современные события, готова переместиться на постоянное место жизни туда, где эти активы можно использовать особенно комфортно, изменив не только служению, но и Отечеству⁴⁶.

В связи с изменением стратегии общественного развития России на национально ориентированный курс возникает потенциал социализации государственной службы. Об этом в качестве исторической перспективы говорил российский генеалог, тот, кто лучше многих других представлял себе облик российского чиновничества. Выдающийся исследователь служилого дворянства Л.М. Савелов отмечал, что «...общее духовное развитие народа несомненно находится в непосредственной связи с творческими талантами его наиболее энергичных, более талантливых представителей, обычно ведущих свой народ по пути развития и прогресса, по пути величия и славы»⁴⁷.

Библиография

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. – 241 с.

Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. – 349 с.

⁴⁴ В России за 2025 год выявили рекордное число фактов взяточничества с ущербом на 363 млрд // URL: <https://dzen.ru/a/aZALphD7Vhuwcnpo>

⁴⁵ Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценка экспертов // URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_10.html&&printmode

⁴⁶ За границу сбежали: бывший премьер, 11 первых вице-премьеров, 28 губернаторов и ещё около 50 «шишек» разного ранга // URL: <https://dzen.ru/a/ZoiJtdtpsSGm8T9h>; Израиль, Италия, Германия, Штаты и т. д. Куда свалили бывшие вице-премьеры РФ // URL: https://zavtra.ru/events/Izrail_italiya_germaniya_shtati_i_t_d_kuda_svalili_bivshie_vitceprem_eri_rf

⁴⁷ *Баринова Е.П.* Российское дворянство в начале XX века. С. 66.

- Врангель Н.Е.* Воспоминания: (От крепостного права до большевиков). Берлин: Слово, 1924. – 256 с.
- Карелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. – 304 с.
- Каррер д'Анкокс Э.* Незавершённая Россия. М.: РОССПЭН, 2005. – 189 с.
- Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. ПСС. Т. 33. Государство и революция. – 433 с.
- Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. Март – июль 1918. – 741 с.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. – 412 с.
- Марасинова Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / отв. ред. Л.В. Милов; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Институт российской истории. М.: Наука, 2008. – 458 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 30 томах. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 25. Ч. II. – 558 с.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. – 576 с.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // URL: <https://www.rulit.me/books/institucionalnyie-izmeneniya-i-funkcionirovanie-ekonomiki-read-2245762-4.html>
- Писарькова Л.Ф.* Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 358–370.
- Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева к Александру III / предисл. М.Н. Покровского; Центрархив. [1883–1894 гг.]: с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М.: Новая Москва, 1925–1926. – 384 с.
- Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб.: Наука, 1996. – 512 с.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Соцэкгиз, 1937. – 351 с.
- Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: Изд. юрид. фак. Ун-та св. Владимира / под ред. [и с введ.] проф. А.А. Жилина. 2-е изд. (посмерт.). СПб.: тип. М-ва внутренних дел, 1912. – 582 с.
- Соборное уложение 1649 года // URL: https://azbyka.ru/otechnik/istorija/_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/
- Троцкий Л.Д.* Письмо к партийным совещаниям // Новый курс (в редакции 1924 г.). Лев Троцкий // URL: <https://www.livelib.ru/book/21472/read-novyi-kurs-lev-trotskij/>
- Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. М.: Изд-во сов.-фр. совмест. предприятия «ДЭМ», 1991. – 328 с.
- Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки / подгот. В.П. Павловой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1983. – 409 с.
- Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. М.: Проспект, 2025. – 380 с.
- Twiss T.M.* Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy. Haymarket Books, 2015. – 502 p.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2026 г.

Статья принята к публикации 17 марта 2026 г.

Феномен «разделённых наций» в международных отношениях

На примере Германии после Второй мировой войны
(1945–1990 гг.)

Владимир ШТОЛЬ

Феномен «разделённых наций» является одной из наиболее сложных и травматичных проблем в истории международных отношений XX в. Он представляет собой ситуацию, при которой один этнос, обладающий общей территорией, хозяйственными связями, языком, историей и культурой, в результате геополитических катаклизмов оказывается разобщённым государственными границами, зачастую становясь заложником противостояния великих держав. Классическим и, пожалуй, наиболее показательным примером этого феномена является послевоенная история Германии.

Германский вопрос нельзя сводить исключительно к проблеме воссоединения и суверенитета, как это часто делалось в период 1945–1990 гг. Он всегда включал и другие аспекты: положение немецких меньшинств в Европе, миграционные процессы, определение немецкой национальной идентичности. Разгром нацизма привёл не только к смене политического режима, но и к территориальному и ментальному расколу немецкой нации, который продлился более 40 лет.

Исследование данного вопроса обусловлено не только историческим интересом, но и современным контекстом. Изучение механизмов сосуществования разделённых частей одной нации, роли внешнего фактора в этом процессе и, наконец, мирного преодоления раскола остаётся востребован-

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МГИМО МИД России. *E-mail:* v.shtol@gmail.com

Ключевые слова: «разделённые нации», германский вопрос, холодная война, ФРГ, ГДР, Западный Берлин, Берлинский кризис, объединение Германии, национальная идентичность.

ным и сегодня, когда мир продолжает сталкиваться с сепаратизмом, ирредентизмом и замороженными конфликтами.

Особый интерес представляет статус Западного Берлина – уникального политического образования, эксклава, который не входил де-юре в состав ФРГ, но жил по её законам и являлся «витриной Запада» в центре социалистического блока.

В большинстве работ как российских, так и англо-американских авторов особое внимание в рамках данной тематики уделялось прежде всего денацификации, ремилитаризации ФРГ, динамике немецкой национальной идентичности, проблеме интеграции восточных и западных немцев, «новой восточной» политике и объединению Германии.

Истоки и институциональное оформление германского раскола (1945–1949 гг.)

Потсдамская система: замысел и внутренние противоречия.

Поражение нацистской Германии в мае 1945 г. поставило перед державами-победительницами – СССР, США, Великобританией и Францией – задачу определения будущего Немецкого государства и нации.

Основные принципы послевоенного устройства были зафиксированы в решениях Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.)¹. Документы конференции исходили из необходимости сохранения экономического и политического единства страны, несмотря на её временную оккупацию. Ключевым принципом стала демилитаризация, денацификация, демократизация и декартелизация (так называемые четыре Д), которые предполагалось проводить единообразно на всей территории Германии.

Потсдамская система изначально содержала в себе глубокое внутреннее

противоречие: при декларировании совместных целей и единства союзников она институционально закрепляла будущий раскол через механизм зональной оккупации. Уже в первые послевоенные месяцы различия в понимании терминов «демократия» и «экономическое единство» между западными державами и СССР стали проявляться всё отчетливее.

Важно подчеркнуть, что в Тегеране (ноябрь 1943 г.) союзники рассматривали и более радикальные варианты решения германского вопроса, включая полное разукрупнение Германии.

От Германии было решено навсегда отторгнуть Восточную Пруссию (разделённую между Польшей и СССР), Чехословакии возвращалась Судетская область, Франции – Лотарингия и Эльзас. Потсдамские решения стали компромиссным вариантом, сохранившим Германию как единое экономическое пространство,

¹ Потсдамское соглашение (1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XI. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 200 с.

но заложившим механизмы, которые в условиях холодной войны привели к расколу.

Для управления страной был создан Союзный контрольный совет (СКС) в составе глав оккупационных администраций четырёх держав, решения в котором должны были приниматься единогласно. Территория Германии была разделена на четыре зоны оккупации. Особый статус получил Берлин, расположенный в центре советской зоны. Город тоже был разделён на четыре сектора, а управление им осуществляла межсоюзническая комендатура. Предполагалось, что этот механизм будет действовать до момента подписания мирного договора с единым германским правительством.

В советской историографии Потсдамские соглашения трактовались как победа принципов демократического переустройства Германии, тогда как западные историки акцентировали внимание на временном характере оккупационных механизмов и неизбежности их эволюции в условиях нарастающего противостояния.

Берлин – экспериментальная площадка межсоюзнического взаимодействия. Берлин как бывшая столица Рейха занимал особое место в планах союзников. Согласно соглашению от 12 сентября 1944 г. (Лондонский протокол), город подлежал совместной оккупации. 11 июля 1945 г. начала работу межсоюзническая комендатура, призванная координировать управление городским хозяйством.

Режим работы четырёхсторонней комендатуры был достаточно сложным. Заседания проводились регулярно с синхронным переводом на

четыре языка. В компетенцию комендатуры входили вопросы энергоснабжения, вывоза мусора, работы общественного транспорта, распределения продовольствия. Интересно, что в первые послевоенные годы удавалось достигать соглашений по многим техническим вопросам.

Например, единая энергосистема Берлина продолжала функционировать, несмотря на секторальное разделение. Берлинская полиция тоже сохраняла некоторое единство, хотя постепенно происходило обособление секторов.

Первые трения возникли по вопросу о доступе западных держав в их сектора. Сухопутные коридоры через советскую зону оккупации не были юридически оформлены до лета 1945 г., когда на Потсдамской конференции были достигнуты устные договорённости об использовании железных и автомобильных дорог. Отсутствие чёткого письменного соглашения о доступе впоследствии стало причиной острых кризисов. Советская администрация стремилась подчеркнуть, что Берлин является частью советской зоны экономически, в то время как западные союзники настаивали на его четырёхстороннем статусе вне зависимости от зоны.

На практике это выливалось в конфликты по поводу юрисдикции над железными дорогами, использования единой валюты и политических свобод. Уже в 1946 г. советская сторона выступила против слияния западных зон в Бизонию (экономическое объединение американской и британской зон), усмотрев в этом нарушение принципа четырёхстороннего управления. Однако западные державы

рассматривали это как вынужденную меру для оживления экономики Германии в условиях тупика в СКС. В 1948 г. к Бизонии присоединилась французская зона, что привело к созданию Тризонии – уже полноценного экономического и политического объединения западных зон оккупации, окончательно закрепившего раскол Германии.

Экономические модели в оккупационных зонах: сравнительный анализ. Период 1946–1947 гг. стал временем окончательного расхождения курсов оккупационных держав.

В советской зоне под руководством Советской военной администрации в Германии (СВАГ) начались глубинные социально-экономи-

ческие преобразования: аграрная реформа (экспроприация юнкерских земель) и национализация ключевых промышленных предприятий. Эти меры проводились под лозунгом ликвидации экономической базы нацизма и создания антифашистского демократического порядка.

В западных зонах, напротив, ставка делалась на рыночную экономику и постепенную интеграцию германских земель в западноевропейские структуры. Провозглашение плана Маршалла (1947 г.) и последующее включение в него западных оккупационных зон закрепило экономический раскол (табл.). Германия становилась не просто разделённой страной, но и ареной формирующейся холодной войны.

Таблица

Сравнительная таблица экономических преобразований (1945–1949 гг.)

Сфера	Советская зона/ГДР	Западные зоны/ФРГ
Аграрная реформа	Экспроприация помещичьих земель (свыше 100 га), создание народных имений	Сохранение частной собственности, компенсации перемещённым лицам
Промышленность	Национализация, создание сектора народных предприятий (VEB)	Декартелизация, демонтаж военных заводов, поддержка частного предпринимательства
Денежная реформа	24 июня 1948 г. (ответная мера – введение восточной марки)	20 июня 1948 г. (сепаратное введение немецкой марки)
Внешняя помощь	Репарационные поставки в СССР (ок. 4,3 млрд долл.)	План Маршалла (1,4 млрд долл. до 1952 г.)
Политическая система	Блоковая система под руководством СЕПГ	Парламентская демократия, многопартийность

В этих условиях Берлин оказался в уникальном положении. Расположенный в центре советской зоны, но управляемый четырёхсторонней администрацией, он стал перекрёстком двух систем. Западные сектора города, получавшие помощь по плану

Маршалла, постепенно превращались в остров западного образа жизни и рыночной экономики. Это вызывало растущее раздражение советского руководства, которое рассматривало западное присутствие в центре своей зоны как угрозу своей безопасности.

Берлинский кризис 1948–1949 гг.: позиции сторон и механизмы урегулирования. Поводом к первому масштабному противостоянию стала денежная реформа в западных зонах (20 июня 1948 г.) и распространение новой западно-германской марки на западные сектора Берлина. Советский Союз расценил это как нарушение соглашений о четырёхстороннем статусе города, поскольку введение новой валюты разрушало единое экономическое пространство Берлина и его окрестностей.

Ответом СССР стала блокада транспортных путей, связывающих западные сектора Берлина с западными зонами оккупации, начатая 24 июня 1948 г. Цель блокады, по мнению ряда исследователей, заключалась в том, чтобы вынудить западные державы покинуть город или согласиться на пересмотр его статуса в пользу советской зоны. Однако США и Великобритания организовали беспрецедентную по масштабам операцию по снабжению более 2 млн жителей западных секторов по воздуху – Берлинский воздушный мост*.

Советская версия событий, изложенная в том числе и в мемуарах участников, указывает на то, что Москва не планировала полной блокады, а стремилась использовать контроль доступа как рычаг давления в переговорах о будущем Германии. Решение не сбивать транспорт-

ные самолёты было принципиальным: Сталин не хотел прямой военной конфронтации с США, обладавшими ядерным оружием.

Кризис 1948–1949 гг. имел фундаментальные последствия:

- закрепил раскол Германии на два блока;

- превратил Западный Берлин в символ сопротивления советскому давлению в глазах западного мира;

- привёл в последующем к созданию сепаратных германских государств.

Конституционное оформление двух государств: тексты, контексты, интерпретации. 23 мая 1949 г. на территории трёх западных зон (Тризония) была провозглашена Федеративная Республика Германия.

7 октября 1949 г. в ответ на восточных землях была образована Германская Демократическая Республика.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения международного права того периода оба государства считали себя правопреемниками единой Германии.

Согласно преамбуле Основного закона (Конституции) ФРГ, «...немецкий народ... принял в силу своей учредительной власти настоящий Основной закон Федеративной Республики Германии. Он (народ) действовал также за тех немцев, которым было отказано в участии»².

² Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 г. Бонн: Бундесценрале, 1949.

* Технические детали Берлинского воздушного моста:

- ежедневно совершалось до 800 рейсов;

- задействованы аэродромы Темпельхоф (американский сектор), Гатов (британский сектор) и Тегель (французский сектор);

- всего перевезено около 2,3 млн т грузов;

- пик интенсивности – 16 апреля 1949 г. – 1398 рейсов за 24 часа.

ФРГ в данном случае рассматривала себя как единственное легитимное германское государство, призванное в будущем объединить всех немцев. Однако де-факто ФРГ также признавала и существование другого германского государства, вступая с ним в торговые и технические отношения. Главой государства, первым федеральным канцлером, стал Конрад Аденауэр.

ГДР провозгласила себя антифашистским государством рабочих и крестьян, строящим социализм. Конституция ГДР 1949 г. тоже говорила о единстве Германии, но подчёркивала, что путь к этому единству лежит через социалистические преобразования по образцу советской зоны³. Первым президентом ГДР стал известный коммунистический деятель Вильгельм Пик.

Что касается Западного Берлина, он не вошёл в состав ФРГ. В Конституцию ФРГ были внесены специальные оговорки (ст. 23 в ред. 1949 г. и позиция союзников), согласно которым полный суверенитет ФРГ на Берлин не распространялся. Город сохранял формальный оккупационный статус, при котором верховная власть по-прежнему принадлежала комендантам трёх западных держав. Фактически же Западный Берлин жил по законам ФРГ и получал от неё финансовую поддержку, но его жители не участвовали в выборах в бундестаг на общих основаниях и имели особые паспорта. Это создало уникальный прецедент *третьего германского образования*, не являвшегося ни полноценным государством, ни частью одного из двух существующих.

Два германских государства и особый статус Западного Берлина в эпоху холодной войны (1949–1990 гг.)

Государственная идентичность ФРГ и ГДР в 1950-е годы: конкурирующие проекты «подлинной Германии». После образования ФРГ в 1949 г. западногерманское государство под руководством канцлера К. Аденауэра взяло курс на последовательную интеграцию в западные структуры. Уже в 1951 г. ФРГ стала одним из основателей Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) – первого шага к европейской интеграции. Парижские соглашения 1954 г. восстановили суверенитет ФРГ и открыли путь к её вступлению в НАТО (1955 г.).

Этот выбор имел глубокие последствия для национальной идентичности западных немцев. В 50-е годы в ФРГ преобладал нарратив, согласно которому немцы рассматривались прежде всего как жертвы нацистского режима и военных действий, тогда как тема их соучастия в преступлениях замалчивалась. Это позволяло дистанцироваться от нацистского прошлого и сосредоточиться на экономическом восстановлении – «экономическом чуде».

В ГДР государственное строительство шло под знаком социали-

³ Конституция Германской Демократической Республики 1949 г. Берлин: Дитц Ферлаг, 1949 (Репринт: 1990).

стических преобразований и интеграции в восточный блок. В 1950 г. ГДР стала членом Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а в 1955 г. – Организации Варшавского договора (ОВД). Внутренняя политика определялась курсом на «строительство социализма», провозглашённым на II партийной конференции СЕПГ (1952 г.).

Отношение к нацистскому прошлому в ГДР формировалось принципиально иначе, чем в ФРГ. Государственная доктрина исходила из того, что ГДР как антифашистское государство порвала с нацизмом институционально и социально-экономически. Ответственность за нацистские преступления возлагалась на западногерманский капитализм и империализм. Это позволяло восточным немцам не рефлексировать по поводу личной вины, но одновременно создавало «слепые пятна» в коллективной памяти.

Западный Берлин в 1950-е годы: «витрина» и «фронтной город». Западный Берлин в 50-е годы представлял собой уникальный экономический анклав. Оторванный от своей естественной экономической среды, оставшейся в советской зоне оккупации, город существовал за счёт массивов дотаций из ФРГ. К середине 50-х годов субсидии составляли до 40–50% бюджета Западного Берлина. Эти средства направлялись на поддержание низких цен на общественный транспорт, социальное жильё, льготное кредитование предприятий.

Особую роль играли налоговые льготы для западноберлинских предприятий и для западногерманских фирм, инвестировавших в го-

род. Это привлекало капитал и создавало рабочие места. Одновременно действовала программа по привлечению молодых квалифицированных кадров: освобождение от воинской повинности (невозможной из-за оккупационного статуса) делало Западный Берлин привлекательным для студентов и молодых специалистов.

Политическая система Западного Берлина в период с 1949 по 1990 г. представляла собой уникальный гибрид. С одной стороны, в городе действовали западногерманские политические партии: ХДС (Христианско-демократический союз), СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), СвДП (Свободная демократическая партия), а с 80-х годов – «Зелёные». Они проводили съезды, вели агитацию и участвовали в выборах в палату депутатов – городской парламент, а с другой – депутаты от Западного Берлина в бундестаге ФРГ имели ограниченные права: они избирались, но не обладали правом решающего голоса при обсуждении и принятии законов, что было прямым следствием оговорок оккупационных держав.

Особенностью политической жизни города была его роль «прифронтной полосы» холодной войны. Это накладывало отпечаток на риторику и политическую повестку. Антикоммунизм здесь был не просто идеологией, а повседневным ощущением. Однако в городе также существовала легальная оппозиция в лице Социалистической единой партии Западного Берлина (СЕПЗБ) – фактически преемницы КПП, пользовавшейся поддержкой ГДР, но находившейся под надзором западных союзников.

Важным элементом было так называемое особое мнение западноберлинцев. Многие жители города, получая выгоды от экономической системы ФРГ, одновременно выступали с пацифистских позиций, опасаясь, что город станет ядерным полем боя. В 80-е годы Западный Берлин стал одним из центров западноевропейского движения за мир, что создавало напряжённость в отношениях между городским правительством и федеральным правительством в Бонне, особенно в вопросах размещения ракет «Першинг-2» и крылатых ракет (так называемое двойное решение НАТО 1979 г.).

Берлинские кризисы конца 1950-х – начала 1960-х годов.

В ноябре 1958 г. советское руководство во главе с Н.С. Хрущёвым выступило с инициативой, вошедшей в историю как «берлинский ультиматум». СССР потребовал превратить Западный Берлин в демилитаризованный «вольный город» и в шестимесячный срок вывести оттуда войска западных держав. В противном случае Советский Союз предполагал передать контроль над доступом в город правительству ГДР.

Мотивы этой инициативы были комплексными:

– *во-первых*, массовое бегство восточных немцев через Западный Берлин (около 200 тыс. чел. ежегодно) подрывало экономику и легитимность ГДР;

– *во-вторых*, Хрущёв стремился закрепить послевоенные границы и получить международное признание ГДР;

– *в-третьих*, ракетно-ядерный паритет с США создавал иллюзию возможности силового давления.

Западные державы отвергли ультиматум, подтвердив свои права на пребывание в Западном Берлине. Однако сам факт его выдвигания инициировал длительный переговорный процесс, кульминацией которого стала Венская встреча Н.С. Хрущёва и Дж.Ф. Кеннеди (июнь 1961 г.).

Встреча в Вене (3–4 июня 1961 г.) стала важной вехой в эскалации берлинского кризиса. Н.С. Хрущёв вновь поставил вопрос о заключении мирного договора с ГДР и превращении Западного Берлина в «вольный город». Дж.Ф. Кеннеди в свою очередь подтвердил приверженность США защите Западного Берлина. Меморандумы встречи фиксируют взаимное непонимание и жёсткость позиций.

После провала переговоров поток беженцев из ГДР резко усилился.

Только в июле 1961 г. страну покинули более 30 тыс. чел.

Руководство ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом настаивало на решительных действиях по закрытию границы.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. подразделения Национальной народной армии ГДР и рабочие дружины приступили к оцеплению Западного Берлина. Колочая проволока, а затем и бетонная стена разрежали город надвое. Советские войска были приведены в повышенную боевую готовность, но не вмешивались непосредственно.

Реакция Запада оказалась сдержанной. Американский командующий в Берлине генерал Л.О. Клей имел инструкции не применять силу для предотвращения возведения

стены, поскольку она строилась на территории ГДР.

Дж.Ф. Кеннеди публично заявил, что стена «не очень красивое решение, но в тысячу раз лучше войны».

Возведение стены обернулось для берлинцев глубокой психологической травмой. Семьи оказались разлучены, рабочие места потеряны, городское пространство искалечено. Разделение стеной привело к формированию у восточных и западных берлинцев двух разных типов самосознания, различия между которыми впоследствии с большим трудом удавалось преодолевать.

Повседневность разделённого города (1961–1971 гг.): два образа жизни. После 13 августа 1961 г. разделение Берлина приобрело материальную форму. Стена прошла не просто по административным границам, но разрезала улицы, кладбища, жилые кварталы. Для жителей обеих частей города это означало формирование двух различных повседневных реальностей, которые развивались по расходящимся траекториям.

В Западном Берлине жизнь определялась двумя факторами: осадным положением (географическим) и экономическим процветанием. Город получал огромные субсидии из ФРГ, что позволяло поддерживать высокий уровень социальных услуг и низкие цены на общественный транспорт. Освобождение от воинской повинности превращало Западный Берлин в центр студенческой контркультуры. Университеты города, особенно Свободный университет Берлина, расположенный в районе Далем, стали местом притяжения для леворадикальной интел-

лигенции, что привело к мощным студенческим волнениям 1967–1968 гг.

Парадоксальным образом изолированный анклав стал центром культурного обновления. Здесь работали альтернативные театры, независимые киностудии, издательства.

Западный Берлин воспринимался многими немцами из ФРГ как место свободы от условностей боннского общества, хотя эта свобода была оплачена гарантиями западных союзников и деньгами налогоплательщиков ФРГ.

В Восточном Берлине (столице ГДР) ситуация складывалась иначе. После возведения стены город должен был выполнять функцию «образцовой социалистической» столицы. На бульваре Унтер-ден-Линден и площади Александерплац велось масштабное строительство, призванное продемонстрировать достижения социализма. Центральным проектом стал комплекс зданий на площади Маркса-Энгельса (Дворец Республики).

Однако закрытие границы привело к парадоксальному эффекту: ГДР получила возможность проводить более стабильную внутреннюю политику, но во многом потеряла легитимность в глазах собственного населения, которое теперь могло сравнивать свою жизнь с жизнью западных немцев только по телевидению.

Жители Восточного Берлина массово смотрели западноберлинское телевидение, что создавало уникальную информационную среду. Стена породила два существующих параллельно социума, которые, однако, продолжали вести между собой не-

прекращающийся символический диалог. Жители ГДР могли видеть витрины западных магазинов и яркие огни рекламы, оставаясь физически отрезанными от них. Это ежедневное противоречие порождало сложный комплекс чувств: от любопытства и зависти до идеологического неприятия и сознательного отчуждения от официальной идеологии.

«Новая восточная политика» Вилли Брандта и договорной этап. Приход к власти в ФРГ социал-либеральной коалиции во главе с В. Брандтом в 1969 г. ознаменовал поворот к «новой восточной политике» (*neue Ostpolitik*). Основой новой стратегии стала формула «*Два немецких государства – одна немецкая нация*».

Московский договор между СССР и ФРГ (12 августа 1970 г.) зафиксировал отказ от применения силы и признание послевоенных границ, включая линию Одер – Нейсе (государственная граница между ПНР и ГДР). Важнейшим элементом стала оговорка о том, что договор не противоречит цели ФРГ «работать ради мирного положения дел в Европе, в котором немецкий народ вновь обретёт своё единство на основе свободного самоопределения»⁴.

Варшавский договор (7 декабря 1970 г.) нормализовал отношения ФРГ с Польшей и подтвердил нерушимость западной границы Польши по линии Одер – Нейсе⁵. Историче-

ским жестом стало коленопреклонение В. Брандта перед памятником жертвам восстания в Варшавском гетто. Этот шаг ознаменовал отказ от прежнего самоощущения немцев как исключительно пострадавшей стороны и стал актом признания исторической ответственности Германии.

3 сентября 1971 г. представители СССР, США, Великобритании и Франции подписали Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину. Документ фиксировал сложившийся статус-кво:

- Западный Берлин не являлся составной частью ФРГ и не мог управляться ею;

- СССР гарантировал беспрепятственный транзит гражданских лиц и грузов между ФРГ и Западным Берлином;

- западные сектора могли поддерживать связи с ФРГ;

- Советское генеральное консульство открывалось в Западном Берлине;

- западноберлинцы получали право посещать Восточный Берлин и ГДР (с определёнными ограничениями)⁶.

Соглашение стало компромиссом: Запад признал реальность разделения города и отказался от претензий на распространение юрисдикции ФРГ на Западный Берлин, а СССР отказался от требований превратить Западный Берлин в «вольный город» и признал его связи с ФРГ.

⁴ Московский договор между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 24.

⁵ Варшавский договор между ПНР и ФРГ от 7 декабря 1970 г. // Официальный сайт МИД Польши // URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja>

⁶ Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867184>

21 декабря 1972 г. был подписан основополагающий договор между ГДР и ФРГ (Берлинский договор)⁷. Стороны признавали суверенитет и территориальную целостность друг друга, обменивались постоянными представительствами (но не посольствами), обязывались развивать сотрудничество в экономической, научной и культурной сферах. Важно, что договор не квалифицировал ГДР как «заграницу» для ФРГ: отношения определялись как «особые» (*sui generis*).

В сентябре 1973 г. оба германских государства были одновременно приняты в ООН, что означало международное признание реальности двух государств на немецкой земле. Однако ФРГ продолжала настаивать на существовании единого немецкого гражданства (так называемая доктрина Хальштейна).

Германо-германские отношения в 1970–1980-е годы: сосуществование и взаимозависимость. Договорённости 1971–1972 гг. создали основу для интенсивных гуманитарных контактов. Были заключены соглашения о транзите, облегчающие поездки западных немцев в ГДР и Западный Берлин. Особое значение имела практика «выездов по неотложным семейным делам» и поездок пенсионеров ГДР на Запад.

По данным западногерманской статистики, количество поездок граждан ФРГ и Западного Берлина в ГДР выросло с 2,5 млн в 1970 г. до 8 млн в 1988 г.

ГДР получала от этих поездок валютную выручку (обязательный об-

мен, плата за визы), но одновременно сталкивалась с растущим информационным влиянием Запада.

Торговля между ФРГ и ГДР регулировалась особым режимом, поскольку ФРГ не признавала ГДР полностью иностранным государством. Товарооборот рассматривался как «внутригерманская торговля» и не облагался таможенными пошлинами.

Объём торговли вырос с 4,5 млрд марок в 1970 г. до 15 млрд марок в 1989 г.

ГДР поставляла в ФРГ нефтепродукты (из советской нефти), химикаты, текстиль, станки. ФРГ экспортировала в ГДР машины, оборудование, потребительские товары. Кроме того, ФРГ предоставляла ГДР беспроцентные кредиты (свинг), которые фактически были формой экономической поддержки в обмен на гуманитарные облегчения.

Парадокс германо-германских отношений заключался в том, что политическое противостояние не привело к полному разрыву культурных и научных связей. Напротив, в 1970–1980-е годы сложилась особая система отношений между двумя немецкими государствами, которую можно охарактеризовать как неформальное культурное соглашение, существовавшее без официально заключённого договора.

Научная сфера стала одним из главных мостов.

Академии наук обеих стран (Академия наук ГДР в Берлине и Общество Макса Планка в ФРГ) поддерживали обменные программы, не-

⁷ Vertrag über die Grundlagen der Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik, 21. Dezember 1972 // URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/index.php/de/Start/Detail/id/593846/page/0>

смотря на идеологические барьеры. Особенно интенсивным был обмен в области естественных наук, где политическая окраска была менее выражена. Историки и философы встречались на симпозиумах, хотя их дискуссии часто носили полемический характер, отражая противостояние марксистско-ленинской и западной методологий.

В литературе и искусстве ситуация была особенно показательной.

Писатели из ГДР, такие как Криста Вольф, Хайнер Мюллер, Штефан Гейм, издавались в ФРГ огромными тиражами, получая признание критиков и даже премии. Их книги становились предметом дискуссий в обоих германских государствах. При этом надо отметить, что указанные деятели культуры выступали против существующего партийного режима в ГДР.

В свою очередь, западногерманские авторы, такие как Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс, активно интересовались ситуацией в ГДР, хотя их доступ к восточногерманскому читателю был значительно ограничен цензурой СЕПГ.

Студия *DEFA* (киностудия ГДР) обогащала кинорынок соцлагеря новыми жанрами. Вестерны с Гойко Митичем, детские фильмы, научная фантастика пользовались популярностью не только в ГДР, но и в СССР и других социалистических странах.

Острой проблемой оставалась судьба культурных ценностей, перемещённых во время войны и после неё. Библиотеки и музеи ФРГ и ГДР вели долгие переговоры о возвращении экспонатов, которые часто заходили в тупик по политическим причинам. Тем не менее в 1986 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, которое, хотя и не было полностью реализовано из-за нарастания кризиса в ГДР, заложило основу для послеобъединительного урегулирования вопросов собственности на культурные ценности.

Таким образом, даже в условиях физического разделения, немецкая нация в значительной степени сохраняла единое культурное и научное пространство, которое давало шансы и надежду на будущее воссоединение и обеспечивало преемственность исторического развития.

От кризиса к объединению: разрешение феномена «разделённой нации» (1985–1990 гг.)

Влияние перестройки в СССР на германский вопрос. Приход к власти в СССР М.С. Горбачёва (1985 г.) и провозглашение политики перестройки и «нового мышления» в международных отношениях создали принципиально новые условия для решения германского вопроса. Советское руководство отказалось от доктрины Брежнева (ограниченного суверенитета соцстран) и

признало право народов на выбор пути развития.

В 1989 г., во время визита в ФРГ, М.С. Горбачёв заявил, что вопрос о единстве Германии должны решать сами немцы. Это стало сигналом для активизации общественных сил в ГДР.

Мирная революция в ГДР осенью 1989 г.: внутренние факторы. Кризис ГДР нарастал постепенно.

Экономические трудности, растущее отставание от Запада в технологиях и уровне жизни, недовольство политической системой создавали взрывоопасную ситуацию. Весной-летом 1989 г. тысячи граждан ГДР устремились в Венгрию, открывшую границу с Австрией, а затем в посольства ФРГ в Праге и Варшаве.

Осенью 1989 г. по городам ГДР прокатились массовые демонстрации. Лозунг «Мы – народ!» (*Wir sind das Volk!*) выражал требование демократических реформ. 18 октября был смещён многолетний лидер ГДР Эрих Хонеккер, его место занял Эгон Кренц.

9 ноября 1989 г. на пресс-конференции было объявлено о новом порядке выезда за границу. Спонтанно воспринятая как открытие границы информация привела к тому, что тысячи восточных берлинцев устремились к контрольно-пропускным пунктам у Берлинской стены. Пограничники, не получив чётких инструкций, открыли переходы. Стена пала.

Переговоры «Два плюс четыре» и международно-правовое оформление единства. После падения Берлинской стены процесс объединения приобрёл необратимый характер. Переговоры велись в формате «Два плюс четыре» – два германских государства плюс четыре державы-победительницы (СССР, США, Великобритания, Франция).

Ключевыми вопросами на переговорах были:

- членство объединённой Германии в НАТО;
- границы (подтверждение линии Одер – Нейсе);

- статус и численность германской армии;

- вывод советских войск из Восточной Германии.

12 сентября 1990 г. в Москве был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии («2 + 4») ⁸.

Вот некоторые положения договора, который вступил в силу 15 марта 1991 г.:

- объединённая Германия включает территории Германской Демократической Республики, Федеративной Республики Германии и всего Берлина;

- объединённая Германия не имеет территориальных претензий к другим государствам и не будет выдвигать таких претензий в будущем;

- объединённая Германия подтверждает, что с немецкой земли будет исходить только мир, и отказывается от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием;

- вооружённые силы объединённой Германии в течение 3–4 лет сократятся до численности 370 тыс. чел.;

- вывод советских войск с территории ГДР будет завершён к концу 1994 г.;

- иностранные войска и ядерное оружие или его носители не будут размещаться и развёртываться на территории ГДР;

- прекращается ответственность четырёх держав в отношении Берлина и Германии в целом и упраздняются все институты четырёх держав, связанные с разделением Германии.

⁸ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // URL: <https://www.hdg.de/lemo/kapitel/deutsche-einheit/weg-zur-einheit/zwei-plus-vier-vertrag.html>

3 октября 1990 г. ГДР прекратила существование и пять восточногерманских земель вошли в состав ФРГ. Берлин вновь стал единой столицей

Германии, а в 1991 г. бундестаг принял решение о переводе правительства из Бонна в Берлин, что было завершено в 1999 г.

Феномен «разделённых наций» на примере Германии демонстрирует сложное переплетение внутренних и внешних факторов. Разделение Германии не было результатом исключительно воли самих немцев, но стало следствием глобального противостояния двух систем. В то же время само существование двух германских государств формировало различные социальные, экономические и ментальные структуры.

Западный Берлин сыграл уникальную роль в этой истории. Будучи формально независимым политическим образованием под оккупационным статусом, он фактически интегрировался в экономическую и политическую систему ФРГ, оставаясь при этом символом надежды на преодоление раскола для жителей ГДР.

Объединение Германии в 1990 г., что реально вылилось в поглощение ГДР со стороны ФРГ, разрешило лишь один аспект германского вопроса – государственно-политический. Социальная и ментальная интеграция восточных и западных немцев оказалась более длительным процессом.

Как показывают социологические исследования, различия в восприятии политики, экономических проблем и собственной идентичности между «осси» и «весси» сохраняются и спустя десятилетия после объединения.

Тем не менее опыт Германии доказывает возможность мирного преодоления раскола нации в рамках международного права и при учёте интересов всех вовлечённых сторон. Договор «Два плюс четыре» и последующее развитие объединённой Германии в евроинтеграционном русле стало моделью урегулирования, альтернативной силовым сценариям.

Библиография

- Варшавский договор между ПНР и ФРГ от 7 декабря 1970 г. // Официальный сайт МИД Польши // URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja>
- Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // URL: <https://www.hdg.de/lemo/kapitel/deutsche-einheit/weg-zur-einheit/zwei-plus-vier-vertrag.html>
- Конституция Германской Демократической Республики 1949 г. Берлин: Дитц Ферлаг, 1949 (Репринт: 1990).
- Московский договор между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 24.
- Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 г. Бонн: Бундесцентрале, 1949.
- Потсдамское соглашение (1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XI. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между

22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 200 с.

Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867184>

Vertrag über die Grundlagen der Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik, 21. Dezember 1972 // URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/index.php/de/Start/Detail/id/593846/page/0>

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 3 марта 2026 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)

Финансирование террористической и иной противоправной деятельности

Правовая характеристика

Виктор МЕРКУРЬЕВ
Ольга БОБРОВА

Часть 1. Совершенствование базисных положений национального законодательства по противодействию финансированию терроризма

Основополагающим направлением регуляции Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма»¹, согласно ст. 1 нормативного правового акта, является защита прав и законных интересов граждан, общества и государства посредством создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) дохо-

МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции. *E-mail:* merkuriev-vui@mail.ru

БОБРОВА Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции. *E-mail:* bogomazova.olga2013@yandex.ru

Ключевые слова: Конституция РФ, федеральное законодательство, терроризм, экстремизм, межконфессиональные и межэтнические конфликты, УК РФ, валюта.

¹ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма».

дов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

Предметом данного федерального закона является регулирование отношений, в которые вступают граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, а также организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, иностранные структуры без образования юридического лица, государственные органы в целях предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, и финансированием терроризма, а также отношений юридических лиц и федеральных органов исполнительной власти, связанных с установлением бенефициарных владельцев юридических лиц (ч. 1 ст. 2).

Охарактеризованные п. 11 ст. 7 указанного ФЗ права организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, корреспондируются с мерами по реализации целей этого правового акта, поскольку в числе иных они направлены на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путём создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. Причём такие меры, как неоднократно отмечал Конституционный Суд России, применяются указанными организациями в строго оговорённых законом случаях (определения от 20 декабря 2016 г. № 2591-О, от 20 апреля 2017 г. № 797-О и от 27 сентября 2018 г. № 2495-О) и неопределённости не содержат.

Одним из острейших вопросов современной России и других стран остаётся проблема террористических и экстремистских проявлений и в целом радикализации преступной деятельности, фундаментом которых служит их финансовое и материальное обеспечение.

В частности, глобальный характер имеет угроза расширения масштабов финансирования терроризма и распространения оружия массового поражения за счёт денежных средств, полученных вследствие преступной деятельности из иностранных источников, что потенциально может повлечь эскалацию межконфессиональных и межэтнических конфликтов национального, регионального и международного характера.

Успешная борьба с преступностью невозможна без эффективного

пресечения её финансовых основ. Если бы организованная преступность не имела возможности придать своим криминальным доходам законную форму, а террористические сообщества и организации не получали бы финансовых средств на организацию вербовочной и иной террористической деятельности, то, скорее всего, масштабы подобных преступлений были бы минимальны.

Анализ работы правоохранительных органов на этом направлении указывает на всю её сложность.

Например, обращает на себя внимание несоответствие между зарегистрированными фактами легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества и количеством «серых» финансовых средств, попадающих в поле зрения банков.

Так, в 2024 г. объём сомнительных операций в банковском секторе снизился на 21% – с 113 млрд руб. до 90 млрд. Хотя эта динамика позитивна, абсолютное значение показателя по-прежнему остаётся внушительным.

Для сравнения: в предыдущие два года снижение было менее интенсивным и составляло 5–12%.

Ощутимый прогресс обусловлен комплексом мер, принимаемых кредитными организациями и Банком России, а также эффективным функционированием информационно-аналитической системы – платформы «Знай своего клиента»².

Аналогичная тенденция наблюдается при анализе ситуации, связанной с незаконным выводом денежных средств за рубеж через российские банки: за тот же период объём таких операций сократился на 17% – с 31 млрд до 25,6 млрд руб.³

Значимость деятельности, направленной на противодействие финансированию терроризма, диверсионной и экстремистской деятельности (ПрФТДиЭ), сложно переоценить, особенно в условиях проведения специальной военной операции (СВО). Как одну из основных задач в настоящее время следует рассматривать необходимость разрушения экономической базы диверсионно-террористической и экстремистской деятельности.

Выявление и ликвидация источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности (ФТиЭД) Стратегией противодействия экстремизму в России отнесены к основным направлениям государственной политики в сфере противодействия экстремизму⁴.

Предупреждение и пресечение ФТиЭД, других правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровых валют в Стратегии национальной безопасности России⁵, отнесены к задачам, решение которых направлено на реализацию государственной политики по обеспечению государственной и общественной безопасности.

Понятие финансирования экстремизма раскрыто в ст. 282³ УК РФ⁶ и в подп. 9 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации. Однако определение в Стратегии носит более общий характер, тогда как в УК РФ оно конкретизировано для целей уголовного преследования.

² Платформа «Знай своего клиента» (ЗСК): сервис оценки уровня риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в подозрительные операции [Электронный ресурс] / Банк России // URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/platform_zsk/ (дата обращения: 14.12.2025).

³ Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Банк России // URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/>

⁵ Указы Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации на 2026 год. Со всеми изменениями, законопроектами и постановлениями судов. М.: АСТ, 2025. – 400 с.

Как следует из подп. 9 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму, в России под финансированием экстремистской деятельности понимается оказание финансовых услуг либо предоставление или сбор денежных (в наличной или безналичной форме), или материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования экстремистской организации или экстремистского сообщества, подготовки или совершения хотя бы одного преступления экстремистской направленности либо для финансирования или материального обеспечения лица в целях совершения им такого преступления.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, вступившим в силу 1 июня 2025 г., введено ещё одно определение «финансирование экстремизма», под которым понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, признаваемых таковыми

в соответствии с УК РФ, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Следовательно, финансирование экстремистской деятельности – это финансирование противоправных деяний, перечисленных в п. 1 ст. 1 закона № 114-ФЗ, круг которых довольно обширен. Более конкретное понятие финансирования экстремистской деятельности содержится в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации.

В ст. 3 Закона о ПОД/ФТ* и ФРОМУ** приводится следующее понятие термина «финансирование терроризма»: *предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооружённого формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений*⁸.

⁷ Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51545>

⁸ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // URL: <https://base.garant.ru/12123862/>

* ПОД/ФТ – противодействие отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма.

** ФРОМУ – противодействие финансированию распространения орудия массового уничтожения.

Аналогичное определение финансирования терроризма приведено в примечании 1 к ст. 205¹ УК РФ (содействие террористической деятельности), предусматривающей в том числе уголовную ответственность за финансирование терроризма.

Давая характеристику механизму ФТиЭД, прежде всего обращаем внимание на то, что он включает в себя ряд элементов, в том числе:

- источники ФТиЭД (различные способы получения финансовых и материальных средств, необходимых для финансирования экстремистской и террористической деятельности). Источниками – способами получения материальной и денежной поддержки – являются иностранные государства и организации, а также обособленные подразделения иностранных организаций, физические и юридические лица, общественные и религиозные организации, национальные диаспоры⁹;

- каналы финансирования (пути, по которым поступают и перемещаются материальные и денежные средства объектам ФТиЭД). Они могут быть цифровыми и нецифровыми (традиционные способы получения и перемещения средств)¹⁰.

К традиционным способам финансирования экстремистской деятельности и терроризма можно отнести:

- поступление частных пожертвований лиц, сочувствующих экстре-

мистам и террористам, а также лиц, не осознающих конечную цель использования жертвуемых денежных средств (сбор средств на вымышленные или ложные цели);

- незаконное использование некоммерческих организаций;

- доходы, полученные от преступной деятельности;

- вымогательство у населения, этнических диаспор и предпринимателей;

- похищения людей с целью получения выкупа;

- законная коммерческая деятельность;

- поддержка радикальных движений отдельно взятыми государствами;

- неофициальные платёжные системы типа «Хавала», «Хунди» и т. д.¹¹

Кроме названных выше способов в последнее время устойчивый характер приобретает финансирование экстремистской деятельности международными организациями и фондами, поддерживающими так называемых перспективных носителей протестного потенциала и реализацию в России сценариев «цветных революций».

Наряду с ними появляются и другие риски и угрозы, связанные с финансированием экстремистской деятельности и терроризма, что также не осталось без внимания Группы

⁹ Глуценко П.А. Механизм финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник СЮИ. 2024. № 5. С. 112-118.

¹⁰ Иванов П.И., Беляева Т.Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия финансированию экстремистской деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 95-99.

¹¹ *Thulfiqar al Saadi*. Cyber terrorist finance methods // Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Cybersecurity. Published by ProQuest LLC. N.Y., 2016. P. 15; Паненков А.А. Борьба с финансированием террористической деятельности в России // Право и безопасность. 2009. № 3 // URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_28_16.htm

разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)¹².

К современным рискам можно отнести:

- участие иностранных боевиков-террористов, которые привлекают свои средства и средства сочувствующих жителей иностранных государств, выходцами из которых они являются, что придаёт финансированию международный характер;

- сбор средств через социальные сети и информационно-телекоммуникационную Интернет;

- сбор средств через различные мессенджеры;

- использование виртуальной валюты (криптовалюты), предоплаченных карт;

- осуществление платежей через информационно-телекоммуникационную Интернет;

- бесконтрольное использование природных ресурсов (нефть, газ, добыча различного рода ископаемых);

- деятельность так называемых финансовых пирамид;

- теневой банкинг*, который занимается незаконной финансовой деятельностью (выводом денежных средств за границу, минуя меры государственного контроля в отношении трансграничного движения капитала; операциями по финансово-

му обслуживанию теневого сектора экономики; «отмыванием» денежных средств и т. д.)¹³.

Стоит также отметить, что в настоящее время нередки случаи использования в качестве каналов финансирования экстремистской деятельности и терроризма гуманитарных, некоммерческих и коммерческих организаций, которые действуют на законных основаниях и могут выступать в данном качестве как непреднамеренно, так и преднамеренно¹⁴.

Террористические, экстремистские группировки, криминальные сообщества активно используют цифровые технологии. Президент РФ на совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов (19 февраля 2026 г.) заявил, что это приводит к возникновению новых форм преступлений. По его словам, возникают новые формы преступной деятельности, «растёт число случаев, когда цифровая валюта является средством преступления, незаконным доходом либо предметом криминального посягательства. Практики, с которыми сталкиваются граждане, бизнес зачастую не имеют системного и нормативного регулирования»¹⁵.

¹² Отчёт ФАТФ. Новые риски финансирования терроризма. Октябрь 2015 // URL: <http://docplayer.ru/25803061-Otchet-fatf-novye-riski-finansirovaniya-terrorizma.html>

¹³ Богатырев С.И. Обеспечение финансово-экономической безопасности России в условиях теневого банкинга. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. С. 16. – 192 с.

¹⁴ Паненков А.А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы противодействия финансированию терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 265.

¹⁵ Путин отметил рост числа случаев использования криптовалюты в преступных целях // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1073662>

* Теневой банкинг – совокупность финансовых институтов, которые реализуют широкий спектр финансовых операций, но не являются банками, в связи с чем не подпадают под контроль Центрального банка.

В этой связи важное значение приобретает выработка понятийного аппарата, основанного на научной интерпретации результатов проведённых исследований. В частности, под ФТиЭД следует понимать опасное социально-правовое явление, осуществляемое различными способами, а именно:

- безвозмездного предоставления (выделения) сочувствующими лицами и лицами, вовлечёнными в противоправную деятельность, средств и ресурсов с целью поддержки экстремистской деятельности и терроризма;

- обеспечения конкретных экстремистских, террористических организаций и отдельных физических лиц материальной базой для подготовки и осуществления противоправных деяний экстремистского и террористического характера, направленных на подрыв конституционных основ государства;

- дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими определенных решений¹⁶.

Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия терроризму целесообразно рассмотреть на примере стран, входящих в объединение БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), поскольку, с одной стороны, именно с этими государствами

Российская Федерация осуществляет наиболее тесное сотрудничество в борьбе с терроризмом, а с другой – они представляют практически весь спектр правовых систем современности.

По состоянию на конец 2025 г. БРИКС является межгосударственным объединением десяти стран (Бразилия, Египет, Индия, Иран, КНР, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Эфиопия и Южно-Африканская Республика).

На тот же период ШОС включала 10 стран-участниц (Белоруссия, Индия, Иран, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

К наиболее значимому нормативному акту в данной сфере относится Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.). Её участниками на конец 2025 г. была 191 страна мира, включая все страны БРИКС и ШОС. Последней из них Конвенцию ратифицировал Иран (29 октября 2025 г.)¹⁷.

В настоящее время финансирование терроризма криминализовано во всех государствах – участниках БРИКС и ШОС. При этом в семи странах соответствующие статьи содержатся в тексте уголовного кодекса (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, КНР, Россия, Таджикистан, Узбекистан). В других государствах они включены в специаль-

¹⁶ Виллинский Г.О. Финансирование экстремистской деятельности и терроризма: выработка единого определения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 2. С. 114–118.

¹⁷ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. // Депозитарий договоров ООН // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

ное законодательство о борьбе с терроризмом¹⁸.

В виде самостоятельного состава финансирования терроризма криминализовано в уголовном законодательстве Бразилии, Белоруссии, Индии, Ирана, Киргизии, ОАЭ, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, Эфиопии. В других странах рассматриваемое деяние выступает в качестве альтернативного признака объективной стороны тех или иных составов, охватывающих содействие террористической деятельности (Казахстан, КНР, Россия, Саудовская Аравия).

В УК Казахстана предусмотрен состав преступления «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму» (ст. 258), в УК КНР – «Содействие террористической деятельности» (ст. 120-1).

Наиболее сложным путём пошёл законодатель ЮАР, где уголовная ответственность за рассматриваемое деяние установлена лишь в косвенной форме, а именно как ответственность за нарушение предписаний и неисполнение требований Центра финансовой разведки. Подобная «аномалия» не случайна, поскольку уголовное законодательство ЮАР является одним из самых бессистемных и запутанных в мире (отсутствует не только уголовный кодекс, но и чёткое регулирование отдельных уголовно-правовых институтов).

В Иране и ОАЭ предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц за финансирование терроризма.

Что касается формулировок составов рассматриваемого деяния, то в странах БРИКС и ШОС они соответствуют предписаниям Конвенции и рекомендациям ФАТФ (Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Законодатели этих стран стремятся к максимально широкому охвату всех форм материально-финансового содействия, а также его адресатов, включающих физические лица и организации, преследующие любые цели террористического или сходного с ним характера.

Несмотря на «этимологию» названия рассматриваемого деяния, подразумевающего предоставление террористам финансовых средств, Конвенция понимает под такими средствами любое имущество, включая недвижимое.

Некоторые законодатели при формулировании соответствующих составов более-менее близко воспроизводят конвенционный перечень средств (Таджикистан), другие, напротив, ограничиваются лишь упоминанием «финансовой помощи» (КНР), «средств» (ОАЭ, Эфиопия). В УК РФ под финансированием терроризма понимается «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг» (Примечание 1 к ст. 205¹ УК РФ).

¹⁸ Закон № 13, 260/2016 (Закон о терроризме) в Бразилии; Антитеррористический закон № 94 2015 г. в Египте; Закон о предотвращении незаконной деятельности 1967 г. (в редакции Закона от 17 декабря 2008 г.) в Индии; Закон о борьбе с финансированием терроризма 2016 г. в Иране; Антитеррористический закон № XXVII 1997 г. Пакистане; Закон о борьбе с преступлениями террористической направленности и их финансировании 2017 г. в Саудовской Аравии; Прокламация 780/2013 об отмывании денег и финансировании терроризма в Эфиопии; Закон о Центре финансовой разведки (Financial Intelligence Centre Act) 2001 г. в ЮАР.

Иногда к финансированию терроризма относят предоставление не только средств (имущества), но и любых услуг (Бразилия, Казахстан, Узбекистан).

В некоторых странах понятие «финансирование терроризма» трактуется значительно шире конвенционного и включает в себя вообще любую помощь.

Так, в Саудовской Аравии: «Любое лицо, которое предоставляет террористической организации, её члену или отдельному террористу любые средства связи, информацию, консультации, помощь, средства к существованию, жильё, приют, медицинскую помощь, транспорт, место встречи или любое другое содействие для достижения их целей, подлежит тюремному заключению на срок до 20 лет и не менее 10 лет подряд» (ст. 38 Закона Саудовской Аравии).

В силу того, что законодательство этих государств об ответственности за финансирование терроризма имеет изначально единую рамочную основу, в настоящее время нет необходимости говорить о его гармонизации. Имеющиеся различия носят скорее юридико-технический характер и объясняются во многом особенностями законодательной техники, присущими тем или иным системам права.

Например, в Иране категория «террористические преступления» носит весьма сложный характер, поскольку включает в себя как нормы религиозного (шариатского) права, так и светского законодательства. В частности, на основе норм шариата террористами признаются так называемые мохаребы («те, кто ведёт войну против Бога») – участники мятежа или массовых беспорядков.

Другая категория террористических преступлений именуется фесад фель-ар («распростране-

ние разложения на земле») и включает широкий круг деяний против государственной и общественной безопасности («преступления против физической неприкосновенности и внутренней или внешней безопасности страны, подрыв государственной экономической системы, поджоги и уничтожение имущества, распространение токсичных, микробиологических и опасных веществ, которые вызывают серьёзные нарушения общественного порядка»).

Совершение преступлений этих двух категорий наказуемо смертной казнью, так же как и их финансирование*. В остальных случаях виновный в финансировании терроризма подлежит наказанию в виде лишения свободы от двух до пяти лет.

Особую актуальность в контексте технологизации преступной деятельности, когда цифровая валюта является средством преступления, незаконным доходом либо предметом криминального посягательства, приобретают меры по противодействию использованию современных технологий для финансирования терроризма, особенно в условиях роста цифровизации экономик и распространения виртуальных активов.

К примеру, Федеральным указом-законом ОАЭ от 2025 г. № 10 «О противодействии отмыванию доходов, финансированию терроризма и противодействию финансированию распространения оружия массового поражения» установлена уголовная ответственность за использование криптовалюты в целях финансирования терроризма.

Такой подход демонстрирует тенденцию к ужесточению регулирования в сфере цифровых финансов и может служить примером для России в усилении правовых механизмов противодействия новым формам финансирования терроризма.

* Для мохаребов в качестве альтернативы предусмотрены членовредительские наказания.

В этом контексте следует обратиться к некоторым другим актам Конституционного Суда РФ в вопросах обращения цифровой валюты, поскольку такие механизмы финансирования приобрели распространённый способ криминогенного характера*.

Несмотря на имеющееся определение цифровой валюты в действующем законодательстве России, вынуждены констатировать, что оно не позволяет отнести её ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества.

Вместе с тем это весьма удобный способ для сокрытия финансовых операций. Прозрачность таких операций неудобна в раскрытии происхождения средств в правоохранительных целях.

Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026), «цифровой валютой признаётся совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной систе-

ме, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам».

Сказанное позволяет рассматривать цифровую валюту как разновидность виртуальных активов, определяемых в рекомендациях Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)** как цифровое выражение ценности, которое может цифровым образом обращаться или переводиться и может быть использовано для целей платежа и инвестиций (виртуальные активы при этом не включают в себя цифровое выражение фиатных ва-

* Федеральным законом регулируются отношения, возникающие при выпуске, учёте и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации, включая её майнинг (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ).

** ФАТФ – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF) является межправительственным органом, учреждённым в июле 1989 г. в Париже (Франция) по инициативе глав правительств «Группы семи» (G7) в целях реагирования на вызовы и угрозы отмывания денег. В октябре 2001 г. ФАТФ расширила свой мандат, включив в него проблемы противодействия финансированию терроризма, а с 2008 г. – проблематику предотвращения финансирования распространения оружия массового поражения.

В настоящее время членами ФАТФ являются 38 стран и два международных объединения. В работе ФАТФ принимают участие 24 наблюдателя. Ассоциированными членами ФАТФ являются девять региональных групп по типу ФАТФ. Таким образом, глобальная международная сеть по ПОД/ФТ/ПРОМУ охватывает более 200 государств и территорий.

лют, ценных бумаг и других финансовых активов, по смыслу соответствующих рекомендаций ФАТФ).

Справочно

Цифровой валютой признаётся совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам. ФЗ 259-ФЗ ч.3. ст.1.

В отличие от вещей цифровая валюта не имеет осязаемого воплощения, а существует лишь в виртуальном пространстве в рамках определённой информационной системы, что объясняет объективные трудности в правовом регулировании этого явления. Осуществление прав на цифровую валюту опосредовано операторами и (или) узлами информационной системы и зависит от соблюдения установленных в ней правил и параметров. Хотя цифровые валюты способны предлагаться и приниматься в качестве средства платежа и инвестиций, но они не относятся к безналичным денежным средствам, существующим в виде записи на банковском счёте,

поскольку последние представляют собой обязательственное требование к банку, а первые не дают своим обладателям аналогичных прав в отношении какого-либо субъекта.

Процедура выпуска и обращения цифровой валюты в некоторой степени схожа с системой, предусмотренной законом для бездокументарных ценных бумаг (п. 2 и 3 ст. 149, п. 1 и 2 ст. 149.2 ГК РФ), но в отличие от последних цифровая валюта не удостоверяет какого-либо права требования (ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ, п. 1 ст. 149 ГК РФ). Не относятся цифровые валюты и к цифровым правам, поскольку последними признаются только те права, которые названы таковыми в законе (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ), вследствие чего к цифровым валютам не применимо регулирование, установленное Федеральным законом от 1 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 2 ч. 1 ст. 2).

Цифровая валюта признана имуществом для целей Налогового кодекса Российской Федерации (абз. 33 п. 2 ст. 11 в редакции Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»).

Одновременно в данном кодексе урегулированы вопросы налогообложения доходов в виде цифровой валюты, полученной в результате её майнинга, и доходов по операциям с цифровыми валютами в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, предусмат-

ривающего использование цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам) (ст. 282.3). Кроме того, в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций допускается проведение организованных торгов цифровой валютой (ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»).

Указанные качества цифровых валют в сочетании с придаваемыми им в экономическом обороте функциями приводят к тому, что, несмотря на виртуальные формы, в которые они облечены, обладание ими наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием. Хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать её как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ. Отсутствие допускаемого законом запрета на сделки с цифровой валютой (ч. 11 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ) и согласующиеся с этим законные возможности её приобретения и использования свидетельствуют о том, что обладание цифровой валютой не выпадает из-под гражданско-правового регулирования, а её очевидное и признанное законодателем имущественное содержание заставляет рассматривать связанные с ней правоотношения как отношения собственности, которые в конституционно-правовом смысле распространяются как на вещные, так и на иные имущественные права, равным образом охраняемые ст. 35 (ч. 1 и 2) Конституции РФ.

Правоотношения, вытекающие из обладания цифровыми валютами и из сделок (операций) с ними, должны, как и иные имущественные правоотношения, регламентироваться законодателем исходя из принципов правового государства, включая юридическое равенство и справедливость. Любые вводимые законом ограничения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы

предпринимательской деятельности и свободы договоров должны определяться необходимостью охраны конституционных ценностей, быть обоснованными и соразмерными, не затрагивать существо конституционных прав, не нарушать автономии воли и имущественную самостоятельность участников оборота, не допускать неправомерного вмешательства в частные дела собственников, кредиторов и должников и вместе с тем обеспечивать соотношение принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П, от 12 мая 2020 г. № 23-П и др.).

Стремление законодателя к созданию дифференцированного правового режима цифровой валюты, допускающего её ограниченное и контролируемое использование при одновременном обеспечении необходимой прозрачности её оборота, продиктовано также повышенными рисками её применения в противоправной деятельности. В силу своей децентрализованной природы и возможностей неконтролируемого, в том числе теневого, использования цифровая валюта зачастую становится инструментом для:

- сокрытия доходов;
- отмывания денежных средств, полученных преступным путём;
- финансирования преступной деятельности;
- ухода от налогов и вывода средств из легальной экономики и банковской системы, в том числе за пределы национальной юрисдикции.

Поступательное выстраивание правовой базы для противодействия

указанным явлениям включает как детализацию требований к провайдерам услуг виртуальных активов для достижения должной прозрачности операций с цифровой валютой, так и развитие инструментария юридической ответственности за её противоправное использование. Этому вопросу законодатель уделяет особое внимание (проект ФЗ № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Сказанное позволяет рассматривать цифровую валюту как имущество, чья оборотоспособность ограничена законом по смыслу п. 2 ст. 129 ГК РФ. При этом, как ранее отмечал Конституционный Суд России, законодатель вправе учитывать особые характеристики тех или иных объектов посредством возложения на их собственников дополнительных обязанностей и обременений (постановления от 31 мая 2005 г. № 6-П, от 22 апреля 2011 г. № 5-П и др.). Соответственно, законодатель может ограничивать права, связанные с обладанием цифровой валютой, подобно ограничению прав владельцев иных ограниченных в гражданском обороте объектов, но лишь в той мере, в какой – по смыслу ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ и корреспондирующего ей п. 2 ст. 1 ГК РФ – это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других

лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Так и произошло после того, как в России узаконили изъятие цифровой валюты как имущества. 20 февраля 2026 г. президент России В.В. Путин подписал закон, который устанавливает порядок ареста и изъятия цифровой валюты в рамках уголовного процесса¹⁹.

Нормативный правовой акт дополняет УК и УПК положениями о признании цифровой валюты имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства и описывает порядок её изъятия.

В протоколе при изъятии криптовалюты должны быть указаны: вид валюты, количество и адреса-идентификаторы.

Носители или доступ к криптовалюте необходимо хранить в опечатанном виде.

Для сохранности цифровая валюта может быть переведена на специальный адрес, порядок перевода и хранения определит правительство РФ. Перевод арестованной криптовалюты на специальный адрес-идентификатор допускается при наличии технической возможности.

Согласно пояснениям заместителя министра юстиции Е. Ардабьевой, закон закрепляет уже существующую практику изъятия цифровых активов в ходе следственных действий как с «холодных кошельков» (путём изъятия устройств), так и с «горячих» – через получение ключей, создания скриншотов и фиксации данных. Также предусмотрено взаимодействие с зарубежными криптобиржами²⁰.

¹⁹ Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52966>

²⁰ <https://www.interfax.ru/russia/1073981>

Библиография

- Богатырев С.И.* Обеспечение финансово-экономической безопасности России в условиях теневого банкинга. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. – 192 с.
- Вилинский Г.О.* Финансирование экстремистской деятельности и терроризма: выработка единого определения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 2. С. 114–118.
- Глуценко П.А.* Механизм финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник СЮИ. 2024. № 5. С. 112-118.
- Иванов П.И., Беляева Т.Н.* К вопросу о совершенствовании системы противодействия финансированию экстремистской деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 95-99.
- Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. // Депозитарий договоров ООН // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml
- Отчёт ФАТФ. Новые риски финансирования терроризма. Октябрь 2015 // URL: <http://docplayer.ru/25803061-Otchet-fatf-novye-riski-finansirovaniya-terrorizma.htm>
- Паненков А.А.* Борьба с финансированием террористической деятельности в России // Право и безопасность. 2009. № 3 // URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_28_16.htm
- Паненков А.А.* Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы противодействия финансированию терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 264-271.
- Путин отметил рост числа случаев использования криптовалюты в преступных целях // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1073662>
- Уголовный кодекс Российской Федерации на 2026 год. Со всеми изменениями, законопроектами и постановлениями судов. М.: АСТ, 2025. – 400 с.
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/>
- Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52966>
- Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51545>
- Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // URL: <https://base.garant.ru/12123862/>

Статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г.

Статья принята к публикации 2 апреля 2026 г.

О бедном абитуриенте замолвите слово

Борис ГАБАРАЕВ

Автор хотел бы изначально уточнить, что в отличие от полюбившегося зрителям кинематографического образа бедного гусара, отнюдь не всегда стеснённого в своих финансовых возможностях, речь идёт о реально бедных абитуриентах, родители которых хотя и числятся иногда выше официальной планки бедности, но не в силах оплачивать учёбу своих детей в российских вузах.

По официальным данным 2025 г., родители получают в нашей стране на руки в среднем по 84 тыс. руб. в месяц. Между тем плата за обучение в таких важных для России вузах, как МГУ им. М.В. Ломоносова, МГТУ им. Н.Э. Баумана и НИУ МЭИ, составляет соответственно 500, 360 и 330 тыс. руб. в год. Нетрудно понять, что даже в благополучных семьях, где имеются оба родителя, шансы детей на платное обучение в этих вузах более чем призрачные.

Автор данной публикации вспоминает, что в далёком 1965 г. его мать, поднимавшая трёх детей после смерти мужа, накопила за полтора года целых 120 руб. со своей мизерной рабочей зарплатой и проводила сына на вступительные экзамены в Москву со словами, что этих денег хватит до первой стипендии в случае удачи или на обратный билет при неудаче. Автору сопутствовала удача, благодаря чему он поступил в МЭИ, по окончании которого прошёл путь от инженера до генерального директора отраслевого НИИ. Таковы были советские времена, о которых многие наши либерально настроенные согражда-

ГАБАРАЕВ Борис Арсентьевич – доктор технических наук, профессор НИУ МЭИ, старший научный сотрудник, научный руководитель по научно-технической информации АО «НИКИЭТ», Заслуженный энергетик РФ. *E-mail*: boris-gabaraev@yandex.ru

Ключевые слова: абитуриент, бюджетные места, льготное зачисление, СВО-льготы, преимущественное право, кредитование.

не часто говорят как о мрачных страницах недавней истории, намеренно вводя в заблуждение современную молодёжь.

В сегодняшнем мире победившего олигархического капитализма такую судьбу кавказского мальчика из бедной семьи невозможно представить даже в самых смелых мечтаниях.

Справедливости ради следует отметить, что, по крайней мере в государственных российских вузах, имеются так называемые бюджетные места, предназначенные для бесплатного обучения. Доля бюджетных мест меняется от вуза к вузу, причём она плавно, но неуклонно снижается из года в год. Причины этого снижения доли бюджетных мест становятся вполне понятными, ведь современные государственные вузы приближены к условиям самоокупаемости, поэтому просто вынуждены увеличивать долю платных мест.

Порядок зачисления абитуриентов на бюджетные места

Рассмотрим более пристально порядок зачисления абитуриентов на столь желанные бюджетные места. В приоритетном порядке осуществляется зачисление льготников разных категорий, из которых в первую очередь следует упомянуть участников специальной военной операции (СВО), их жён и детей.

Президент России В.В. Путин подписал в мае 2022 г. указ о выделении СВО-льготникам отдельной квоты¹ – не менее 10% от общего числа бюджетных мест по каждому направлению обучения. Они поступают на выбор по результатам ЕГЭ и (или) вступительным испытаниям, причём конкурируют только с теми, кто проходит по этой же квоте.

В рамках данной квоты возможно зачисление без вступительных испытаний (за исключением дополнительных вступительных испытаний творческой и (или) профессиональной направленности). Ею могут воспользоваться Герои России и их дети и жёны, лауреаты трёх орденов Мужества и их дети и жёны, вдовы и дети погибших участников СВО, дети и жёны раненых или заблужденных в ходе СВО и их дети и жёны.

Следующим этапом проходит зачисление целевиков (по договорам с предприятиями), доля которых может различаться от вуза к вузу и иногда достигает до 80–90% от числа всех бюджетных мест. После них зачисляются победители всероссийских олимпиад школьников. Вузы имеют право зачислять также победителей иных олимпиад.

Ещё одна особая квота в пределах 10% бюджетных мест предусмотрена для инвалидов (I и II группы, дети-инвалиды). На инвалидов I и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2022 г. № 268 «О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов» (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru/404583716/>.

II групп распространяется приоритетность зачисления при одинаковых баллах с другими абитуриентами.

Как видно, все вышеперечисленные категории зачисляются раньше основного набора – по так называемому преимущественному праву. Поэтому у обычного абитуриента, с которого начинается публикация, остаётся всё меньше шансов попасть на бюджетное место даже при относительно высоких результатах ЕГЭ. С применением каждой льготы количество оставшихся бюджетных мест сокращается как шагреновая кожа в известном романе Оноре де Бальзака. Иногда к моменту проведения основного набора обнаруживается, что для него практически не осталось никаких бюджетных мест.

Пути решения ситуации с бюджетными местами в российских вузах

Для бедного абитуриента обрисованная ситуация с бюджетными местами в российских вузах представляет довольно мрачную перспективу. Казалось бы, можно махнуть рукой на его судьбу – не повезло пареньку или девушке родиться в семье миллионера, не оказался ребёнком участника СВО, не победил на всероссийской олимпиаде, не стал инвалидом I или II группы. Кого может винить бедный абитуриент, разве что своих родителей, зарабатывающих слишком мало денег для оплаты его обучения.

Иной скажет, что невелика потеря для общества, пусть идёт работать к станку или на стройплощадку, предварительно поучившись, если необходимо, в колледже. Так оно по жизни чаще всего и происходит, поэтому особо нечего расстраиваться и переживать. У нас все профессии почётны и важны, звания Героя Труда Российской Федерации могут быть удостоены сварщик, бурильщик или фрезеровщик, в чём мы убеждаемся, когда наш вездесущий телевизионный ящик показывает очередное чествование трудовой доблести россиян.

Однако жизнь показывает, что для многих «платных» выпускников полученный диплом просто является атрибутом статуса. Они вовсе не думают посвящать себя прозе инженерного труда ради скромной зарплаты, располагая доходами иного происхождения, которыми его обеспечили родители, больше преуспевшие в жизни, чем родители нашего абитуриента, оставшегося за бортом российского вуза.

В результате складывается неоднозначная ситуация. Численность выпускников российских вузов впечатляет, а промышленность, наука и сельское хозяйство испытывают достаточно острую нехватку профессиональных кадров. Как оказалось, далеко не все выпускники прославленных российских вузов работают по специальности, многие заняты менеджментом своего семейного бизнеса или уходят работать к более щедрым коммерческим структурам.

Если бы бедный абитуриент не остался в своё время за бортом бюджетного пакета российского вуза, он бы учился куда усерднее, чем его «платные» одногруппники, уверенные в том, что раз они «кормят» вуз, то никому в голову не придёт их отчислить за нерадивость в учёбе. По окончании вуза от бывшего бедного абитуриента можно уверенно ожидать активного вхождения в профессиональную работу.

Однако эти рассуждения можно отнести к категории «разговоры в пользу бедных», и это будет не так уж далеко от истины. Целесообразно обратиться при рассмотрении различных льгот к опыту ряда других стран.

Целевые льготники. Как уже отмечено выше, эта категория льготников съедает значительную долю бюджетных мест. Известно, что российские предприятия, которые направляют целевиков, гарантируют им трудоустройство у себя по окончании вуза.

Между тем в некоторых странах направляющие предприятия заходят дальше, беря на себя все расходы по обучению своих целевиков. Разумеется, это далеко не голый альтруизм, так как предприятие заключает юридически значимые и обязывающие соглашения не только с вузом, но и с целевым абитуриентом.

В нашей стране реально коммерческие предприятия могут поступать точно так же. Куда меньше свободы в этом отношении у российских предприятий, формально тоже являющихся коммерческими из-за приставки АО перед названием, но входящих в состав вышестоящих корпораций, которые ревностно отслеживают все статьи расходов предприятия. Иными словами, даже успешно работающее предприятие должно получить разрешение корпорации на оплату обучения своих целевых абитуриентов, и далеко не факт, что такое разрешение будет выдано. Предприятию либо откажут сразу, либо потребуют от него таких обоснований, что впору самим отступить от этого замысла.

СВО-льготники. Возражать против льгот для участника СВО, их детей и жён может только человек, которому безразлична судьба нашего Отечества. Адресная поддержка людей, рискующих своей жизнью и здоровьем ради победы России, безусловно, является святым делом. Указ президента России, своевременно подписанный уже в мае 2022 г., справедливо предусматривает для СВО-льготников отдельную квоту – не менее 10% от общего числа бюджетных мест по каждому направлению обучения.

Вместе с тем важен механизм оказания этой поддержки, который вполне может быть предметом критического рассмотрения. Показателен пример известного советского и российского кинорежиссёра А.Н. Сокурова, который на совещании у президента России выразил тревогу, что при некорректной реализации СВО-льготы могут снизить качество российского высшего образования из-за снижения объёма бюджетных мест. По сути дела, он обращал внимание президента России на то, что зачисление СВО-льготников лучше производить за счёт увеличения суммарного набора или снижения числа платных мест.

Не совсем вникнув в ход рассуждений А.Н. Сокурова, многие кинулись его обвинять в том, что он возражает против оказания поддержки участников СВО, их детей и жён, хотя этого у него и в мыслях не было. В результате А.Н. Сокуров был спешно выведен из состава некоторых общественных организаций.

Увеличение суммарного набора абитуриентов неизбежно приведёт к некоторому возрастанию расходов государства на содержание российского высшего образования, но это всего лишь исчезающе малая величина по сравнению с ущербом, причинённым такими персонажами, как А.Б. Чубайс, А.Э. Сердюков и Т.В. Иванов. Если уж этот ущерб не потопил корабль российской экономики, то небольшое повышение расходов на высшее образование тем более не грозит существованию российской государственности. Зато предлагаемый подход позволит одновременно оказать достойную поддержку СВО-льготникам и сохранить бедному абитуриенту шансы на обретение бюджетного места в российском вузе.

Инвалиды (I и II группы, дети-инвалиды). Отказать в поддержке этой группе льготников было бы столь же безнравственно и преступно, как осуждать меры по поддержке СВО-льготников. С инвалидами очень жестоко обошлась судьба, и они заслуживают всяческой помощи в своём стремлении как-то компенсировать свой физический ущерб и стать по возможности полноценными членами общества. Разумеется, они заслуживают предусмотренных для них приоритетов и преимущественных прав.

Однако, как и в случае СВО-льготников, представляется целесообразным оказывать поддержку инвалидам не за счёт ущемления интересов бедного абитуриента, происходящего в результате снижения объёма бюджетных мест, а путём увеличения общего набора или снижения числа платных мест. Разумеется, это опять приведёт к некоторому увеличению расходов государства на содержание высшего образования, но это будет ещё более исчезающе малой величиной, чем в случае с СВО-льготниками.

Победители всероссийских олимпиад школьников. Эта группа абитуриентов тоже справедливо заслуживает поддержки при зачислении в вузы. Как уже отмечено выше, некоторые вузы оказывают на свой выбор поддержку победителям других олимпиад. Трудно пройти мимо того факта, что представители российских школ прочно держат на международных олимпиадах первое место среди всех европейских стран. Интересно отметить, что вторые-третьи места занимают школьники Венгрии, Польши и других стран бывшего социалистического лагеря.

Это правильно, что победителей олимпиад зачисляют за счёт бюджетных мест. Победы абитуриентов на олимпиадах служат надёжным залогом их последующей успешной учёбы в стенах выбранного вуза.

Целевое льготное кредитование для оплаты обучения в вузе

В нашей стране найдётся много бедных абитуриентов, родители которых зарабатывают недостаточно денег для оплаты обучения своих детей в вузах, либо выбирают другие приоритеты, связанные с большими материальными затратами (приобретение автомобиля, квартиры, дачи и т. п.) или нездоровым образом жизни. Как отмечено выше, при средней зарплате порядка 80 тыс. руб. на руки и ценах на обучение в вузе 300–500 тыс. руб. в год особо не разбежишься. Однако современные финансовые схемы позволяют искать приемлемые решения.

Государственное целевое кредитование. Одним из таких решений представляется целевое льготное государственное кредитование бедного абитуриента или его родителей для оплаты обучения в вузе. Не будучи финансистом, автор затрудняется давать конкретные рекомендации, однако предполагает осуществимость приемлемых схем финансирования.

Например, государство открывает для абитуриента на весьма льготных условиях некую кредитную линию, предназначенную исключительно для оплаты его обучения в вузе, дополнительно включая при необходимости затраты на жильё, транспортные расходы и ежемесячную стипендию. Разумеется, для финансистов не составит труда разработать схему, абсолютно исключающую нецелевое использование средств этой кредитной линии. Это позволит избежать необходимости прибегать к штрафным санкциям. Кроме того, финансовая схема подобного рода будет автоматически дисциплинировать учёбу бедного абитуриента, справляясь с этим куда эффективнее, чем его родители.

Разумеется, кредитное соглашение будет предусматривать возврат средств, потраченных на оплату обучения в вузе. Схема возврата этих средств с оговорёнными процентами должна учитывать реалии финансовых аспектов жизни молодого специалиста. Кроме того, в интересах демографии государство может пойти на частичное погашения его долгов по кредиту при рождении первого-второго ребёнка.

Негосударственное целевое кредитование. В ряде зарубежных стран в роли источника негосударственного целевого кредитования может выступить заинтересованное предприятие или кредитная организация либо физическое лицо. Никаких юридических препятствий для реализации такой схемы в нашей стране вроде не просматривается. Как и в случае государственного целевого кредитования, заинтересованное предприятие или кредитная организация либо физическое лицо открывают на приемлемых для абитуриента условиях кредитную линию, предназначенную исключительно для оплаты его обучения в вузе и возможных сопутствующих расходов (жильё, транспортные расходы и стипендия).

Разумеется, кредитное соглашение по негосударственному целевому кредитованию тоже должно абсолютно исключать нецелевое использование средств данной кредитной линии, а условия возврата кредитных средств с набегавшими процентами должны учитывать реальные финансовые аспекты жизни молодого специалиста.

Возможность перехода с платного места на бюджетное место.

Как известно, одна из русских пословиц гласит: «Нет худа без добра». Представим себе, что некоторые абитуриенты, зачисленные с льготами или без таковых на бюджетные места, не справились с учебной нагрузкой и были отчислены из вуза по причине академической неуспеваемости. Как свидетельствует опыт практически всех российских вузов, семестры первого курса являются лакмусовой бумажкой проверки способности вчерашнего абитуриента постичь все премудрости вузовской науки. Любой из нас, получивших диплом советского или российского вуза, хорошо помнит, что его группа, насчитывающая порядка 25–30 чел., теряла из-за академической неуспеваемости 4–5 чел. после первого семестра и 3–4 – после второго. Среди выбывших оказывались, как правило, неудачливые «обитатели» бюджетных мест, так как платников отчисляли только в самом крайнем случае, кто же, будучи в ясном разуме, станет резать свою дойную корову.

Справедливости ради следует признать, что во многих таких случаях руководство вуза предлагает перейти на освободившиеся бюджетные места успешно учащимся студентам-платникам, которые нередко являются вчерашними бедными абитуриентами, чудом изыскавшими деньги хотя бы на оплату первого года обучения. Вот в этот момент и происходит торжественная реализация вышеупомянутой пословицы – худо для отчисленных бюджетников трансформируется в добро для платников, которым предложены освободившиеся бюджетные места.

В такой большой стране, как постсоветская Россия, закономерно существует множество государственных и негосударственных вузов. Как известно, обучение в советских государственных вузах (а иных тогда и не существовало) было совершенно бесплатным. Вновь обретенная независимость России (правда, не совсем понятно, от кого эта независимость) принесла в жизнь граждан множество новшеств, как приятных, так и не очень.

К последним относится, в частности, отход от советского принципа полностью бесплатного высшего образования. Мало того, что появились негосударственные вузы, обучение в которых происходит на чисто платной основе, даже государственные вузы получили право ввести платное обучение для части студентов и аспирантов, так как на тот момент государство было не в состоянии полностью обеспечить содержание вузов. Поначалу это рассматривалось как чисто временная мера, обусловленная тяжёлым экономическим состоянием государства. Однако нет ничего более постоянного, чем временное!

Современный российский абитуриент стоит перед выбором между платным и бесплатным образованием, причём платёжеспособность его родителей оставляет ему мало шансов на получение платного высшего образования. Вся надежда остаётся на его зачисление на бесплатное бюджетное место.

Однако на бюджетные места приоритетно зачисляют льготников по так называемому преимущественному праву.

Следующими являются целевые льготники, поступающие по договорам с предприятиями. Пока основным обязательством предприятия является гарантия трудоустройства выпускника вуза непосредственно по полученной специальности. Относительная доля этих льготников может меняться от вуза к вузу, но может достигать чуть ли не 80–90%.

Затем зачисляют победителей всероссийских олимпиад, а также по выбору вуза возможно зачисление победителей иных олимпиад. Такие абитуриенты, как правило, вполне успешны в последующей вузовской учёбе.

Ещё одной категорией льготников, наделённых преимущественным правом зачисления, являются инвалиды (I и II группы, дети-инвалиды). На них предусмотрена особая квота, составляющая 10% бюджетных мест.

Как нетрудно видеть, с каждой реализованной льготой сокращается количество бюджетных мест для основного набора, на который мог бы претендовать бедный абитуриент, если он набрал достаточное число баллов по ЕГЭ и (или) успешно прошёл вузовские вступительные испытания. Вполне возможны ситуации, когда к моменту основного набора число свободных бюджетных мест становится чисто символическим, т. е. бедный абитуриент практически лишён шанса на бесплатное высшее образование.

Есть несколько вариантов решения подобной ситуации без отказа от вышеперечисленных льгот, так как каждая из них понятна и оправдана. Следует искать вариант, не затрагивающий номенклатуру и объём льгот.

Первым вариантом могло бы стать зачисление льготников (за исключением разве что победителей олимпиад) на платные места, которые оплачивало бы государство. Понятно, что для государства это дополнительные затраты, но они ведь не идут ни в какое сравнение с размером ущерба, наносимого государству коррупционерами всех мастей.

Вторым вариантом видится льготное государственное кредитование обучения бедного абитуриента в платном секторе, если абитуриент имел проходной результат ЕГЭ и (или) успешно прошёл вступительные вузовские испытания, но из-за преимущественного зачисления льготников ему не хватило бюджетного места. Вполне возможно открыть в рамках строго обязывающего контракта кредитную линию, функционирующую таким образом, что её средства могут быть направлены только на оплату вузовского обучения и сопутствующих рас-

ходов (стипендия, жильё и т. п.). В принципе, это можно назвать своего рода ипотекой.

Третьим вариантом представляется негосударственное кредитование обучения всё того же бедного абитуриента, подразумевающее в качестве источника финансирования заинтересованное предприятие или кредитную организацию либо физическое лицо. К этому варианту кредитования термин «льготное» может прилагаться только в случае доброй воли кредитора, средства которого идут строго на оплату вузовского обучения и сопутствующих расходов.

Четвёртый вариант является своего рода подарком судьбы. Он состоит в том, что в течение двух семестров первого курса происходит довольно значительный естественный отбор, связанный с академической неуспеваемостью. Высвободившиеся бюджетные места руководство вуза нередко предлагает наиболее успешным платникам. Если бывшему бедному абитуриенту, который насобирал сумму на первый год обучения, повезёт с таким предложением со стороны ректората, то дальше он учится уже бесплатно.

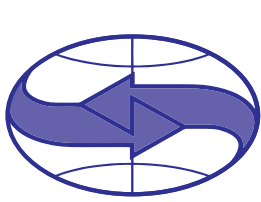
Статья поступила в редакцию 19 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 26 марта 2026 г.

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2026 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал
«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: +7-495-951-22-25

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

Political sciences

Russia's maritime policy

Part 2. Formation of a Balanced Architecture of Strategic Planning Documents

6

V. Nazarov, D. Afinogenov

This publication is the second part of an article devoted to the problems of strategic planning in the sphere of protecting Russia's national interests in the World Ocean. Specific proposals are formulated for forming a balanced architecture of strategic planning documents in the sphere of Russia's maritime policy and maritime activities, which can also be used to improve strategic planning in general.

About the author: NAZAROV Vladimir P. – PhD (Political Sciences), Professor, MGIMO University, Member of the Russian Council on International Affairs.

AFINOGENOV Dmitry A. – Doctor of Political Science, Expert at the Russian Academy of Sciences.

Key words: National Security Strategy, strategic planning, Maritime Doctrine, maritime policy and maritime activity.

Peculiarities of President Trump's Military Strategy

21

O. Ivanov

The author reveals the features of President D. Trump's military strategy, shows that it is developing in line with the Weinberger-Powell doctrine

and the offshore balancing strategy of Mearsheimer and Walt, and also explains the current aspects of the new US National Security Strategy and National Defense Strategy.

About the author: IVANOV Oleg P. – Professor, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: USA, Russia, China, Weinberger-Powell Doctrine, offshore balancing strategy.

The Balkans in the context of Eurasian security

Russia's non-military instruments of influence

32

T. Popadeva

The article examines Russia's discursive power in the Balkans through the non-military dimensions of security provision in Serbia and Republika Srpska. Particular attention is paid to energy cooperation, humanitarian and value-based narratives, digital and information sovereignty, as well as political coordination. The article argues that Russia's influence in the region is sustained primarily through symbolic legitimacy, media narratives, and identity-based solidarity rather than through direct military presence.

About the author: POPADEVA Tatiana I. – Cand. Sci. (Political Science), Research Fellow at the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO RAS.

Key words: Eurasian security, Balkans, Russia, Serbia, Republika Srpska, discursive power, non-military aspects of security.

Economic provocation – an instrument of geoeconomic confrontation

45

P. Sokolova

In the context of hybrid confrontation, actors in international relations are increasingly using tactics of economic provocation, yet the conceptual content of this term remains vague. The aim of this article is to develop a scientific definition and a multidimensional typology of economic provocation (by objectives, actors, and methods), which is illustrated using the example of the cryptocurrency crisis of October 2025.

About the author: SOKOLOVA Polina A. – Senior Specialist, Department of International Cooperation and Management, Institute of Management, Faculty of International Relations and Business, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Key words: economics, provocation, trade war, sanctions, economic pressure, hybrid wars.

Russian Foreign Policy in the African region

New approaches to Russian-African relations

54

S. Agureev

The article is devoted to the problem of developing new theoretical approaches to the development of relations between the Russian Federation and African countries. The need for a new theory of Russian-African relations is determined by the changing vector of Russia's foreign policy in the African region.

About the author: AGUREEV Stanislav A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations and Foreign Policy at the Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Key words: the African region, Russia's policy in Africa, the principles of the new partnership.

Colonization of mind – one of the neocolonialism instruments

65

P. Khokhlova

The author examines the phenomenon of the colonization of consciousness as a key instrument of modern neocolonialism, analyzes its evolution from classical forms to contemporary methods of cognitive control, as well as the mechanisms of ideological influence through language, education, and media. Special attention is paid to the American strategy of the colonization of consciousness and its impact on the formation of dependent consciousness. Using the examples of Hollywood expansion and the loss of identity by Italian and French cinema, it is demonstrated that the colonization of consciousness as an instrument is also used against allies.

About the author: KHOKHLOVA Polina A. – Postgraduate student at the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: colonization of mind, neocolonialism, USA, Francophonie, USSR, Russia.

The Institute of Public Service in the Cultural Space of Russia

76

V. Egorov

The article aims to overcome universalism in the interpretation of the content and development vectors of the foundational institution of public service. The political institution of public service is presented by the author through the historical and cultural lens of Russia, developing within the flow of the general socio-political process.

About the author: EGOROV Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at Plekhanov Russian University of Economics, Professor at Bauman Moscow State Technical University.

Key words: political institutions, public service, pre-Soviet officials, Soviet institution of public service, Russian public officials.

History of international relations and foreign policy

The phenomenon of «divided nations» in international relations

On the example of Germany after World War II (1945–1990)

90

V. Shtol

The author examines the phenomenon of 'divided nations' as a factor in international relations using the example of post-war Germany. He analyzes the transformation of the German question from occupation to division and reunification. Attention is paid to the unique status of West Berlin as a special political entity that became the epicenter of the Cold War and an indicator of relations between East and West.

About the author: SHTOL Vladimir V. – Doctor of political sciences, professor, professor at the department of international relations of the Diplomatic Academy of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

Key words: “divided nations”, German question, Cold War, FRG, GDR, West Berlin, Berlin crisis, German reunification, national identity.

International legal sciences

Financing of terrorist and other unlawful activities

Legal characteristics

105

V. Merkuryev, O. Bobrova

The article examines the issues of protecting the foundations of statehood and its sovereignty in the context of financing terrorism and other illegal activities, in accordance with national legislation and taking into account the positions of the Constitutional Court of Russia.

About the author: MERKURYEV Victor V. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of Scientific Support for Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in the field of federal security, interethnic relations and countering extremism Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Adviser of Justice.

BOBROVA Olga V. – Candidate of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Senior Adviser to Justice.

Key words: Constitution of the Russian Federation, federal legislation, terrorism, extremism, interfaith and interethnic conflicts, Criminal Code of the Russia, currency.

Scientific life

Say a word for a poor applicant

119

B. Gabaraev

Due to the priority admission of applicants with admission benefits, a shortage of state-funded spots in Russian universities is observed. It is proposed to either move the benefit recipients to the fee-paying sector at the expense of the state or provide preferential state loans for tuition in the fee-paying sector to those applicants who achieved the minimum passing score on the Unified State Exam (EGE) and/or successfully passed the university entrance exams, but did not secure a state-funded (free) spot due to the admission of benefit recipients.

About the author: GABARAEV Boris A. – Doctor of Technical Sciences, Professor at NRU MPEI (National Research University Moscow Power Engineering Institute), Senior Researcher, Scientific Supervisor for Scientific and Technical Information at JSC NIKIET (Research and Development Institute of Power Engineering), Honored Energy Worker of the Russian Federation.

Key words: applicant, state-funded places, preferential admission, special military operation (SVO) benefits, priority right, lending.

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительными документами по электронной почте: observer-rau@yandex.ru.

Объём структурированного (с подзаголовками) текста статьи 20–25 тыс. знаков с пробелами (шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал 1,5).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языке) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК, дать аннотацию (300–500 знаков), ключевые слова и сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, учёная степень, другие звания, место работы, должность, SPIN-код, E-mail и контактные телефоны). Наименование статьи и указанная информация даётся – на русском и английском языках.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами. Таблицы выполняются по ГОСТ Р 2.105–2019

Сопроводительная документация:

1. Выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, с рекомендацией статьи к публикации. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Отзыв специалиста (заполняется в одном файле на бланке рецензии) – доктора наук на статью представляется в виде текстового документа в формате MS Word, а также в виде скан-копии заверенного отзыва с печатью и списком трудов рецензента (3–5 работ).

3. К статье прилагается справка о проверке на антиплагиат.

Редакция рассматривает статью только при поступлении всех материалов в комплекте.

Требования к материалам опубликованы на сайте журнала:

<https://observer-journal.ru>

<http://observer.i-sng.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2026 год
на научно-аналитический журнал
«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **https://delpress.ru/catalog/**
тел.: +7-499-391-57-36

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
А.А. Горбунов

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **+7 (495) 951-22-25.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Сайт журнала: **https://observer-journal.ru; http://observer.i-sng.ru**

Подписано в печать: 02.06.2026. Выход в свет 16.06.2026.

Формат 70×100 1/16. Печ. л. 10.89. Печать офсетная. Заказ № 7/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.